

Ирина Ростова

Кот, зверь и конец
света

Что, если все-все прогнозы о конце света были правильными, вот только каждый раз что-то мешает? И по календарю майя, и по дате Рагнарёка что-то должно было случиться... Но оно не случилось — или мы просто не заметили? А, может, Всадники Апокалипсиса запоздали на свой торжественный выход по техническим причинам: один вчера не мог, второй позавчера, а у третьего вообще кот не наглажен. Вот только Мор уже почти совсем собрался выйти и прогуляться: так что кому-то придется срочно пройти экстренный курс геройской подготовки и остановить очередной конец света.

Глава 1, в которой есть смерть и мяу

Как ни странно, в начале была смерть.

Одним светлым весенним днем Илья неторопливо брел в сторону Чистых Прудов, скорее скрываясь от дальнейших дел, чем в самом деле прогуливаясь, когда его внимание привлекла непонятная сценка. Навстречу дяденьке с дипломатом, степенно вылезавшему из раскорячевшегося посреди улицы с аварией БМВ, внезапно резко метнулся какой-то неформал слабо выраженного пола, в длинном красном кожаном плаще и с рыжеватыми волосами ниже плеч. Метнулся, без предупреждения стукнул дядечку кулаком в грудь, от чего на мир на мгновение плеснуло кроваво-красным и запахло железом, и был таков. Дядечка тут же картинно схватился за грудь и начал оседать прямо на недавно отмытый после зимы асфальт. Добрых человек двадцать немедленно проявили самое каноническое “вежливое невнимание”, прошмыгивая мимо, но все-таки какой-то мужчина с красивым блестящим дипломатом рванул к упавшему, как и тетка лет шестидесяти, и раздававший рядом листовки африканец в яркой голубой толстовке. Илья, помедлив, присоединился тоже, хоть и не имел привычки обычно вмешиваться в такие ситуации. Как неоднократно говорила его сестра — даже свидетелем лучше не быть. Во избежание.

Но — поздно, несчастный дядька, кажется, уже не дышал.

— Да шо ж это дееся, — всплеснула руками тетка, пока мужчина с дипломатом пытался дозвониться по мобиле до скорой. — На ровном месте помер, сердешный!

— Да тот придурок его так толкнул, — отстраненно возразил Илья, пытаясь не пялиться на труп, но невольно снова и снова возвращая на него взгляд, словно его притягивала какая-то особая гравитация. Мужик как мужик, обычный. Крепкий, коренастый, с широким желтоватым лицом и одутловатыми щеками, и немного раскосый, кажется, что выдавало азиатских предков.

— Та ты шо, какой такой придурок, шел человек и упал, — отозвалась тетенька, суетливо крутясь вокруг негра, который, отложив прямо на край тротуара свои листовки, опустился на колени рядом с телом и на всякий случай проверял пульс. Выглядел он вполне уверенно, словно знал, что делает. А Илья вот не представлял — все инструкции, которыми его пичкала сестра, разом выветрились из головы. Зато он почему-то вспомнил, что в падающем лифте надо ложиться на пол — очень актуально.

— Как это, — Илья нахмурился, снова посмотрев на труп. — Было же, парень, или девчонка, в красном кожаном плаще?

— Не было никакого парня, — отмахнулся мужчина с телефоном и дипломатом, на секунду отвлекаясь от разговора с диспетчером. — Инфаркт, наверное. Скорая будет через пять минут.

— Но?.. — Илья невольно перевел взгляд на негра, который как раз поднялся обратно на ноги и отряхивал колени своих пижонских спортивных штанов.

— Брат, ты это, не пались. Пил что? или не пил? — деловито уточнил тот. — Вали тогда, а то сейчас вместе со скорой менты, небось, приедут, поймут, что ты того.

— Спятели все, — у Ильи даже бровь нервно дернулась. Он повернулся, чтобы уйти, но тут внезапно увидел его — или ее.

Личность в красном плаще стояла, не таясь, на другой стороне Мясницкой, в свете прохладноватого весеннего солнышка, нагло курила прямо под табличкой о запрете курения,

заботливо вывешенной на фасаде здания университета, и с интересом наблюдала за порожденным ею локальным хаосом.

— Так вот же он, — Илья обернулся к стоящему рядом африканцу. — Курит стоит.

— Кто он?

— Тот человек, который толкнул. Вон, в красном плаще, видно за километр.

Негр с интересом глянул в указанную сторону, вытягивая шею, словно страус, повертел головой, потом сочувственно посмотрел на Илью.

— Слушай, иди-ка домой лучше, чего-то ты там принял такого, что глюки ловишь.

— Вторую скорую вызывать? — уточнил мужчина с телефоном и дипломатом, мимолетно взглянув, тоже. — Психоневрологическую?

— Вы сговорились, что ли? — Илья поджал губы, стряхнул протянутую к нему было руку тетеньки, и целенаправленно зашагал прочь, в сторону метро. Уходя, впрочем, парень отчетливо ощущал на себе холодный, тяжелый, изучающий взгляд. Он даже обернулся пару раз, но, как по заказу, красноплащное видение исчезло, словно его и не было. Вправду, что ли, показалось?

Вопреки всему передуманному (и придуманному), в остаток дня и следующие пару недель ничего странного больше не случилось (никто больше на глазах не умирал, и мальчики-девочки в красных плащах не мерещились), а с течением времени воспоминания о происшествии на Мясницкой поблекли, оставив в памяти что-то больше похожее на сон или наваждение. Однако, история показала, что то, что мы не считаем реальным, далеко не всегда благосклонно лишает нас реальных последствий.

Так вышло и с этим воспоминанием-наваждением.

Собираясь очень рано утром в институт и пребывая от этого в классически-мутном состоянии, Илья обнаружил под обложкой своей общей тетради стикер, о котором совершенно не помнил, и на стикере незнакомым почерком было написано: “надвигается шторм”.

Илья покрутил бумажку в руках, гадая, кого из группы пробило на дурацкие шутки, потом скомкал ее и выкинул из рук и из головы.

Следующий стикер нашелся на спинке стула на обычном месте Ильи на матане: тот же цвет, тот же почерк, та же пафосно-невнятная фраза.

— Лех, это ты прикалываешься? — поинтересовался он у своего приятеля и соседа по парте.

— Пфф, — отозвался дорогой друг. — Я, между прочим, тебе говорил сто раз, что ты много следишь своими гавнодавами, вот, уборщица тебя уже и ненавидит.

— С чего ты взял, что уборщица? — не понял Илья и сунул ему под нос стикер. — Причем тут уборщица?

— Издеваешься? — возмутился Леха, вырывая у него стикер и жамкая бумажку в руках. — “Носите сменку, юноша, от вас грязь?”

— Погоди, тут это написано?

— Илюха, ты, это, не того? — озаботился парень, выбрасывая бумажку в неопределенном направлении по аудитории и пристально, с подозрением изучая лицо приятеля.

— Здесь вам не тут, — слабо пошутил Илья и плюхнулся на свое место. — Забей. Я не выпался.

Что это вообще было? На размышления и попытки логически объяснить себе вчерашние

события матан ложился из рук вон плохо. Переписав с доски заголовки и формулу с синусами и решительно не понимая, о чем тут речь, Илья нарисовал сбоку схематичного котика, глядящего на все это формульное безобразие. Впрочем, мода у котика вышла не недоумевающей, как у самого Ильи в этот момент, а вполне даже героической, поэтому парень, нервно хихикнув, пририсовал коту плащик супергероя, как на карнавальном костюме для собак, привезенным с год назад дядей из вражеских америк. Супергерою требовалась публика, поэтому сбоку на страничке появились страдающие ушастые студенты, умирающие при виде доски с написанным на ней тождеством.

Увлечшись, Илья даже не заметил, как над ним навис профессор Быков, которому случилось как раз прогуливаться между рядами, чтобы дойти до непонимающих и объяснить им лично.

— Это у нас тут что за художество... от слова худо? — поинтересовался он, нависая над Иллей, котиками и рисованными студентами с длинными зубами и ушами.

— Это ничего, — храбро отозвался Илья, прикрывая рукой тетрадь.

— Это он для лучшего понимания, — поддакнул сбоку верный друг Леха.

— Для лучшего понимания, — покачал головой Быков. — Хорошо, тогда сделайте, для лучшего понимания всеми, комикс для всех своих соратников.

— Чего-чего? — не понял Илья, поднимая взгляд на преподавателя.

— Комикс про первый замечательный предел, — разъяснил Быков. — К следующему занятию. С вас обоих.

— А с него-то за что? — возмутился Илья, виновато оглядываясь на друга.

— Он, судя по всему, вас вдохновляет. Пусть поработает вам... музом.

Аудитория радостно заржала, но Леха расхохотался тоже, поэтому Илья решил не дергаться и не заострять. Комикс так комикс.

— И что будем рисовать? — уточнил он у приятеля, когда профессор отошел. — А, муза?

— Так вот и возьми этого котика, его студенты просят о помощи, мол, помоги, о, суперкот, понять первый замечательный предел. А он такой — я не могу, у меня лапки. Но вы держитесь там.

Илья прыснул от смеха, падая лбом на стол.

— А они?

— А они берут учебник, конечно, что им остается. Но мотивированные такие.

— Котики все делают лучше, — резюмировал Илья.

“О, суперкот, — потешаясь сам над собой, подумал парень. — Подскажи мне, что за хрень с записками?”

Но суперкот, конечно, предложил бы ему самому решать свои проблемы, на то он и суперкот.

Следующую записку Илья с оттенком раздражения сорвал с зеркала в прихожей дома, когда вернулся домой поздно вечером.

— Св, а Св? — позвал он в сторону кухни, где горел свет.

— Чего тебе? — недоброжелательно отозвалась его старшая сестра, у которой явно не ладилось с ужином (впрочем, как обычно).

— Что тут на зеркале за послания из ада?

— Да, видимо, злая тетя заходила, оставила ругательные ругательства про наш бардак.

- “Надвигается шторм”? Серьезно?

— Ты о чем? — Света высунулась из кухни, смеривая брата полным сомнения взглядом. В руках у нее была миска, в которой она что-то сосредоточенно мешала. Насколько Илья себе представлял развитие событий, это была тысячная (или восьмитысячная) попытка отважной героини совершить грандиозный подвиг по выпечке чего-то не слишком ядовитого, так что скоро содержимое миски полетит в унитаз, а Св закажет что-то съедобное на ужин.

Илья помахал в воздухе цветной бумажкой.

— Там про корки от пиццы под диваном в гостиной, — нахмурилась девушка. — И про кару за это. Но это, конечно, можно так назвать, что на нас “надвигается шторм”.

Илья снова посмотрел на бумажку и закатил глаза. Сговорились они, что ли?.. Но, вроде, не первое апреля, да и не были в дурацких розыгрышах замечены ни Св, ни Леха.

— Ай, да черт с ним, — парень скомкал бумажку и прицельно пульнул ее в сторону гостиной. Не то, чтобы он хотел позлить их приходящую домработницу, просто как-то само собой получалось.

Совсем уж не думать и выкинуть странные прописульки из головы не получалось, но повседневные заботы, в отсутствии подпитки в виде новых упоминаний о “шторме”, сделали свое дело, и Илья подзабыл и перестал дергаться — ровно до тех пор, пока снова не встретил давешнего неформала, и нельзя сказать, чтобы эта встреча его сильно обрадовала.

С Тургеневской на Чистые Пруды Илья обычно переходил по “короткому” эскалаторному переходу, но в этот раз что-то не заладилось, то ли толпа, то ли задумался — и пошел со всей массой народа по длинному коридору, прижимая к боку тяжелую сумку одной рукой, а второй записывая обратно в уши постоянно вываливающиеся “капельки” наушников. Там играло, по обыкновению, что-то бесконечно далекое от классической музыки, которую ему старательно и бесполезно прививали в музыкальной школе на протяжении сколько-то долгих лет.

Откуда вынырнул красноплащик, Илья и не понял. Народу была уйма, теплая погода словно выгнала на свет божий сегодня больше людей, чем вчера уснуло, поэтому дальше десятка плеч и не видно толком было ничего, так что угрозу Илья не видел до последнего момента, до той секунды, как тот неожиданно оказался рядом: непроницаемо спокойное лицо таякой, холодящий цепкий взгляд, кожаный прикид неформала. Так близко идущий навстречу по середине прохода, что столкновение было неизбежным — траектории пересекались, а шагнуть в сторону было просто некуда из-за большого количества людей. Илья успел привычно сгруппироваться, чтобы ударом его не отбросило, и сумку отвел назад отработанным движением (если его толкали в плечо с сумкой, она на обратном ходе давала противнику классный пендель), но буквально на волосок от столкновения ощутил основательный удар с другой стороны. Его развернуло, и плечо, затянутое красной кожей прошло буквально в миллиметре от его плеча. Так рисуют в японских мультиках и показушных боевиках: когда два врага замедленно проплывают в безвременьи тысячной доли секунды, чтобы затем возобновить ход времени и свой бой, чтобы в конце-концов стало ясно, кто из них таки пан, а кто, увы, пропал.

В этом конкретном случае, луж крови не случилось ни с одной, ни с другой стороны. В сущности, со стороны красноплащного видения не было вообще ничего, даже его самого, как будто корова языком слизнула. Илья только мигнул, восстанавливая равновесие и оборачиваясь назад, но никого уже не увидел. Словно красноплащик ему почудился, и только спешащие люди не преминули толкнуть и крутануть неловко застрявшего посреди

прохода парня еще пару раз.

О, суперкот, подумал Илья, пытаюсь вернуться в свой ритм движений. Защити от толпы в метро и толкучих людей! И тут же сам себе ответил: “помоги себе сам: купи шипы, в метро не заходи, едь пораньше или попозже, а у меня лапки”.

И все-таки, что это было? И кому, спрашивается, можно такое рассказать? Илья замороченно размышлял, может ли быть, что этот красный нарочно попадаетея навстречу, или просто случайность? В принципе, такое возможно, все-таки, место примерно то же, может, они совпадают по траекториям движения и времени?.. Но откуда тогда мерзкое чувство, словно он только что избежал чего-то отменно мерзкого?..

Из обалделой прострации его вывел дикий вопль “Илька!” и не менее дикие объятия с разбегу влетевшей в него девушки с возмутительно кудрявыми волосами, которые тут же забили ему все отверстия на лице. Впрочем, зато их обладательницу было легко и просто узнать, тоже бонус: не пришлось гадать, на кого это его вынесло, потому что людей без серьезных опознавательных знаков Илья узнавал из рук вон плохо. Ну а что, говорил он очередному обиженному тем, что знакомец с ним не здороваётся. Вы все примерно одинаковые: два глаза, рот, нос. Вот если бы у тебя, дорогой друг, был бы глаз на лбу, или нос вместо глаза?.. Вот у Наты такой “нос вместо глаза” был — грандиозная кудрявая шевелюра, которой позавидовал любой участник рок-группы 80-х.

— Нэсть, ты-то тут откуда?

— Это ты откуда! А я на Чистых работаю, между прочим, в отличие от некоторых.

— А я тут на Сокольническую перехожу, так что оставь свои грязные инсинуации, — отозвался Илья. Может, и не было ничего? Показалось? Мало ли расписных неформалов в этом веселом городе?.. А Илья в самом деле плохо различает людей, почти так же плохо, как свои реальные ранние воспоминания и ранние же выдумки.

— Я их мыла, — торжественно показала ему язык бывшая одноклассница, но тут же взволновалась, поскольку недовольные гримасы Ильи всегда вызывали в ней некий рудиментарный сестринско-материнский инстинкт. — Ой, Илька, ты чего такой смурной?

— Да я так, — вяло отозвался он и потер лоб. — Толкнул кто-то и башка закружилась.

— Так, — живо сориентировалась Ната. — Давай-ка навверх. Знаю я твое давление в кастрюльке, еще в обморок хлопнешься!

— Я не падал в обмороки с пятого класса! — возмутился Илья, но, чувствуя серьезное облегчение от того факта, что с ним рядом будет другой человек, предположительно, нормальный, позволил увлечь себя на поверхность.

Впрочем, нормальность — дело относительное, а Ната и в школе слыла странной. Конечно, и сам Илья был, что называется, с придурью, но его отдельные эксцентричные задвижки успешно скрашивались демонстративным курением, отдельными меткими двойками, игрой на гитаре, участием в ралли с супер-крутой старшей сестрой и дорогими гаджетами, которыми его исправно снабжал дядя. Собственно, за прочие заслуги общественное мнение милостиво прощало ему даже периодическое общение с Натой и двумя ее подругами, такими же “недоразвитыми”, по мнению школьного консенсуса, как она. Эти девочки были из другого плана существования, и в их тесный круг Илья по старой памяти и давней детсадовской дружбе с Натой заглядывал, в основном, для обсуждения новых мультиков, которые он тоже посматривал в моменты скорби, и для сверки решений домашек по физике, в которой Ната была, что называется, знаток. И, кажется, со школы Ната не сильно-то и изменилась.

— И кем ты работаешь на своих Чистых прудах? — уточнил Илья, усаживаясь с подносом вредной, но вкусной еды в забегаловке, беззастенчиво расположенной в здании крупного вуза федерального значения.

— Контент-менеджером, — гордо ответила Ната, выхватывая у Ильи из-под руки пятиэтажный бургер, который он планировал съесть сам, и впиваясь в него зубами, как голодный вампир.

— Вот как, — на столе валялась какая-то деталька, не то от конструктора, не то от брелка, видимо, забытая неосторожным ребенком, и Илья, несколько расстроенный потерей бутерброда, начал крутить ее на пальцах, как монетку. — И как контентиться?

— Нормальком, — хихикнула девушка, обгрызая бутерброд с забавной прожорливостью.

— Ты на это учишься?

— В смысле? А, неее, что ты. Я буду агрономом.

— Интересная профессия, — вежливо отозвался парень, радуясь, что все так тихо, спокойно и нормально, и ничего не предвещает ничего необычного, особенно — красных плащей и странных людей.

— Там видно будет, — пожала плечами его собеседница. — Пока не понятненько. А ты программируешь?

— Ну, что-то вроде того, — покривил душой Илья. Программирование, по крайней мере, в программу обучения входило, хоть и не в том объеме, как он надеялся, но явно в большем объеме, чем того хотел бы его отец. — Как твои эти? Глаша? Паша?

— Маша и Саша! — возмущилась Ната, пытаясь ударить Илью остатками бургера. Тот, смеясь, уклонился. — Все у них хорошо. Сашка на филфаке, как и хотела. А Машка что-то там считает.

— Хорошее дело — что-то там считать!

— А то, особенно, если деньги. Но она — не деньги, — сообщила девушка, оживленно питаясь, позволяя Илье ностальгично вспоминать тот вопиющий случай, когда ему удалось уговорить примерную троицу сбежать с уроков. Он сделал это на спор — но, честно сказать, чтобы выиграть, пришлось применять подкуп, и за этот спор он расплатился походом на аниме-фест, причем с выступлением: неугомонные девицы закосплеили мультяшную рок-группу, и Илье пришлось выступить в роли фронтмена. Впрочем, вспоминал он это с удовольствием. — А что, вы с сестрой еще катаетесь?

— Катаемся, куда деваться, — сморщил нос Илья и внезапно предложил. — Хочешь, приходи. В воскресенье заезд, площадка на Хорошевке... Нижние мневники, в смысле.

— Да? — оживилась Ната, едва не подпрыгивая на месте. — Класс! Я постараюсь. Если ничего не случится.

И, да, мальчишки-девочки в красных плащах не мерещились аж до следующего утра.

В начале было слово, и слово было Мяу, а уже потом появилось все остальное. Например, я появился, прямо вот тут, рядом с очередным выводком гадких иномировых созданий.

Заряд острых игл прошел мимо, и я, выгибаясь в полете, ловко приземлился на все четыре лапы. В достаточной мере грациозно, если бы было кому оценить со стороны, но не в

этом дело.

— Уходи, добром прошу, — вежливо предложил я своему расплывчатому противнику, но гнусная мефоза только колыхнулась печально и снова ринулась в атаку. Я встретил ее достойно, останавливая хлесткие удары псевдоперьев точными блоками. Хвала Хвостам за мою пухнастую шерсть! Ни один из ядовитых шипов не смог миновать пуховый заслон и достичь кожи, тогда как мои изрядные когти, старательно оберегаемые от стрижки, поработали на славу. Полуэфемерное тело мефозы покрылось рваными трещинами, которые так и норовили разойтись еще дальше при каждом ее сумбурном движении.

— Уходи, — повторил я, замирая в героической позе с вытянутым восклицательным знаком хвостом. Я, несомненно, был хорош, но красота в одиночку могла бы и проиграть. Зачастую для уверенной победы к ней необходимы острые когти, чтобы доказать низшим видам свои эволюционные преимущества.

Вот и мефоза, уже колыхаясь от каждого дуновения, потеряв плотность и всякую схожесть с обитателями мира-с-тенями, опасалась приближаться ко мне, но и исчезать не торопилась.

— Тебя, разве, не ждуг дома маленькие мефозята?

Нет, видимо не ждали, потому что настырное создание продолжало кружить и виться вокруг, никогда в зоне моей досягаемости, но и не позволяя мне расслабиться. В конечном итоге я, сделав вид, что отвлекся на тень птички, дождался отчаянного рывка противника и встретил ее с достойным радушием, мощным ударом лапы переломив уже тающе-хрупкое тело. Мефоза пару раз дернулась и рассыпалась кристалликами, похожими то ли на соль, то ли на силикагель в лотке. Да, я знаю, что такое силикагель. Я, в конце-концов, практически кот-академик. Только толку от меня решительно больше, чем от обычных академиков.

Я поскреб лапами останки запредельной твари, проверяя, не пытается ли восстановиться, и сел, начав задумчиво причесываться. Мефоз становилось все больше: обычно такой признак не сулит ничего хорошего, потому что эти паскудники никогда не приходят сами по себе. Их появление чаще всего сопровождает другие, куда более тревожные события, в сути которых мне еще только предстояло разобраться. Пока что я знал только то, что мефозы множаться в преддверии конца света, и я, в общем-то, совсем не собирался быть ни просто свидетелем, ни потерпевшим в такой катавасии. Возможно, удастся что-то выяснить?..

— Другого места не нашел, чтобы жопеньку чесать? — поинтересовался насмешливый голос и я, грациозно вывернувшись, саркастично посмотрел на свою коллегу — не сказать, что подругу — Двекошки.

— А ты, вероятно, не нашла другого занятия, кроме как заслонять мне вид? — спросил я, потому что Двекошки была, собственно, большой, как две кошки, даже две такие вот знатные огромные котищи, как я.

Любого нормального кота зовут, конечно же, Кот, а кошку — Кошка. Ни один хвостатый в здравом уме не обознается, не примет одного сородича за другого, поэтому и имена нам не так уж и нужны. Мы, впрочем, любим рассказывать о своих особенностях и подвигах, поэтому каждый кот — это Кот, который сделал одно или другое, или славен чем-то там Прекрасным и особенным. Вот и Двекошки потому так и именуется, что она невероятно, баснословно огромна. Как будто это Кошка, которая съела Кошку.

— Я, между прочим, подошла сзади, — недовольно ответила она.

— И заслоняешь вид на меня СЗАДИ, — подтвердил я, поворачиваясь к ней, не опуска

задней ноги. — О чем пришла?

— Которая по счету была мефоза за день? — тут же переходя на деловой тон, спросила она.

— Третья. С половиною, — посчитал я. — Одну я добил за Вафлей. Ей нужен напарник — и быстрее, потому что она слишком часто мечтает.

— Вызываешься?

— Упаси Хвост! — фыркнул я. — Я сам по себе, и у меня подранков не бывает, поэтому отстань. С чего ты вообще считаешь мефоз?

— Их становится все больше. Три — с половиною — у тебя, одна — с половиною — у Клеточки. У Плюшки — три, и три у Булки. Это если говорить только о тех, кого я спрашивала сегодня. А так тенденция неумолима: что-то грядет, и из летописей я понимаю, что речь идет о Всего Конце.

Я-таки опустил ногу и воззрился на Двекошки с глубочайшим вниманием, поскольку ее речь трогала самые сокровенные части моих душ. Может, это и было приключение, для которого я был рожден?

— И наша задача — остановить этот Всенец?

— Такова наша роль, — подтвердила Двекошки. — Поэтому будь готов, будь начеку и слушай зов.

— Не забудь только меня позвать, если что, — попросил я, отвлеченно почесывая за ухом.

— Да уж тебя забудешь, как будто, — фыркнула Двекошки и, отвернувшись от меня, ступила в собственную тень и была такова.

Не успел я начать думать о том, что она сказала, и что нас всех ждет, как кто-то панибратки похлопал меня по голове.

— Котик, — сказал совершенно мне незнакомый человек, посмевающий так распускать руки, и душераздирающе зевнул. Надо сказать, даже для человека выглядел он не очень: рудименты шерсти блеклые и невыразительные, третье веко красное, жалобный бесшерстный покров сухой и бледный. Прямо-таки несчастнейшее из созданий, а не человек. — Вот что делать, котик? — продолжил он, словно я его слушал. — Рабочий день еще не начался, а я уже устал. Ничего не успеваю, ничегошеньки, и постоянно хочу спать.

Да ты какой-то глупый человек, подумал я. Мало того, что спрашиваешь совета у кота, так еще и такие очевидные вещи!

Но я слишком хорошо воспитан, к сожалению, поэтому я открыл рот и ответил:

— Так ложись спать и спи. А дела сделаешь потом. С новыми силами. Коты всегда поступают так!

— Что? Что-то? — человек даже наклонился ко мне, обдавая запахом не в меру налитого на себя парфюма. Древесные нотки, амбра?.. Я громко чихнул. — А ведь в самом деле! Если я просто возьму и посплю, все станет проще. Да ты настоящий герой!

В самом-то деле, мысленно подтвердил я, смеривая человека немного даже одобрительным взглядом, я — герой. Отважен — и прекрасен. И в некотором смысле отважен, потому что прекрасен, потому что нельзя быть на свете красивым таким.

Впрочем, Илья даже не удивился, когда обнаружил все того же живописного нефра

возле своей “домашней” станции метро. Тот стоял, прислонившись к одной из колонн балюстрады, опоясывающей выход, и курил, глядя в сторону, на мелькающий туда-сюда поток посетителей и обитателей стихийного рынка. А потом перевел взгляд на Илью, и тому в первый раз стало в самом деле не по себе от того, что на него кто-то смотрит. Сердце забилось быстрее, и холодное, липкое ощущение скользнуло вдоль позвоночника, вбуравываясь в мозг.

Боже мой. Неужели правда?... Но что все это значит?

Нефр дал Илье прочувствовать всю паранойю и беспокойство до конца, все неудобство, непонятность ситуации, пока тот, следуя обычному маршруту и не слишком понимая, стоит ли уже или не стоит дергаться и убегать, приближался все ближе, подчиняясь кое-чему столь же эффективному, как и гипноз. Ведь вдруг все в порядке, и я буду выглядеть дебилом, шарахаясь от случайного человека на улице?..

А потом мальчик-девочка в красном плаще улыбнулся и стряхнул пепел с сигареты, и не стало ничего. Все окружающее размазалось в грязно-бурное смазанное бурчащее, шелестящее, гудящее пятно, фон для крохотных серых птиц, серых осколков какого-то чужого мира, уверенно приближающихся к Илье.

Он сам словно завяз в пространстве, не в силах закончить движение, и серые острые точки все летели и летели к нему.

Но не долетели.

Над плечом Ильи кто-то громко вздохнул, и частички пепла сменили траекторию, подхваченные чужим спасительным дыханием.

— Брат, тут близко, возьми вот, — раздался бодрый голос сзади, и Илья, заторможенно обернувшись, сначала увидел листовку с каким-то кафе, потом держащую ее темную руку, неоновую-голубой рукав толстовки и, наконец, самого бодро улыбающегося темнокожего парня. — Лучшая шаурма, отвечаю!

Илья автоматически взял листовку, потому что всегда брал, чисто из желания помочь. У него даже был специальный листовочный карман, в который попадала вся собранная макулатура. Раз в пару дней, когда карман разбухал до неприличия, Илья вытряхивал его в ближайшую урну. Поэтому мозги совершенно не принимали участия в этом процессе. Пока он перегибал листовку вчетверо и совал в куртку, он продолжал несколько ошалело глядеть на раздатчика, и внезапно его узнал — вернее, его куртку.

— Ты, — сказал Илья. — Ты там тоже был!

— Эй, брат, полегче! — африканец поднял руки в защитном жесте, и Илья автоматически отметил, что ладони у него такие же темные, как тыльная сторона рук, в отличие от многих представителей его расы. — Это не я, точно тебе говорю, вот как!

— На Лубянке ты тоже листовки раздаешь? — Илья сделал шаг в его сторону, а он — назад.

— Э, да где только не раздаю! Кушать-то хочется. Вот, раздаю листовки, дадут шаурму! Знаешь, какая вкусная? Ммм! — потянул негр и внезапно переключил тему. — Э, вот что, ты мне денег дай, да? Я бедный студент, вроде как, работаю там, работаю тут, денег мало, а ты дай хоть сто рублей?

— На, — Илья покопался в кармане, сунул ему бумажку, полученную на сдачу вчера, и открыл было рот, чтобы продолжить допрос, но сбоку раздалось раздраженное:

— Эй, ты! Опять попрошайничаешь? Вали отсюда, попугай!

— Э, сорян, брат, — обрадовался африканец и, разом напружинившись, побежал бодрой

труссой в сторону цирка, сопровождаемый безнадежными криками полицейского.

Илья некоторое время смотрел ему вслед, но потом все-таки повернулся в сторону метро и зашел внутрь. Странно — ему все казалось и казалось, что между лопаток в спину впивается холодный, острый взгляд, пахнувший металлом. Илья даже оглядывался несколько раз, под предлогом развязавшегося шнурка пропустил мимо кучу народу в кишке перехода, но мерзкое ощущение не оставило его, только усилилось.

Однако пик ощущения пришелся на тот момент, когда Илья уже ехал домой. Как назло, в вагон, в котором он ехал, на Парке Культуры ввалилась огромная толпа разгоряченных футбольных фанатов, разом притиснув всех к краям и громко скандируя с прыжками в такт так, что поезд раскачивался, а остальные пассажиры проклинали и футбол, и метро и свое решение когда-либо в метро спускаться. Стоявшую рядом с Ильей девчонку притиснуло к нему так, что это было уже почти неприлично, и он вывернулся, меняясь с ней местами и прикрывая ее от давления, просто потому, что она была меньше и слабее.

— Ты чо как этот, — внезапно поинтересовался у него крепкий парень в цветной куртке, обдавая феерическими ароматами перегара, чего-то весьма увядшего и ... явным, болезненным запахом железа. — Треться об меня тут? Ты этот, что ли?

— Простите, — сдержанно сказал Илья, пытаясь хоть немного отвернуться, чтобы выйти из конуса ароматной смерти. — Тут мало места.

— Мало места тебе?.. Да я ща тебя быстро оту... — Остаток слова смазался куда-то мимо, потому что поезд резко тряхнуло, взвизгнули тормоза, и от экстренной остановки люди повалились друг на друга. Илья успел уцепиться за вертикальную штангу, девчонка, которую он прикрывал, повисла на нем, и шумный болельщик тоже, но они все удержались на ногах. Никто не успел толком понять, что случилось, как во всем поезде вырубился свет, зато назойливый запах железа испарился так, как будто его и не было.

— Мамочки, что творится-то, мамочки!

— Взрыва не было? Нет?...

— Мужчина, вы мне куртку порвали!

— А чего стоим?

— Почему темно? Включите свет!

— Уважаемые пассажиры, пожалуйста, сохраняйте спокойствие, поезд скоро отправится.

— Ничего себе спокойствие, раскидало, как мешки с картошкой.

— Про себя говорите, молодой человек!

— Да я вам какой молодой!

— А мне не видно!

— Уважаемые пассажиры, пожалуйста, сохраняйте спокойствие, поезд скоро отправится.

— Где ваше скоро?! Ваше скоро где, я говорю!

— Уважаемый... или уважаемая, не стойте у меня на ноге, пожалуйста!

Илья, извернувшись, достал из кармана сумки телефон, но интернета, конечно, не было, тоже. Зато в свете экрана он будто бы разглядел что-то неоновое голубое между сплюснутыми телами, но, стоило ему моргнуть, как оно пропало, словно и не было.

Болельщик, забыв о начинающейся ссоре, тяжело пыхтел где-то наверху, девушка рядом нервно подергивалась, да так, что Илья с трудом сдерживался от того, чтобы не погладить ее по голове, как разволновавшегося котика.

— Уважаемые пассажиры, пожалуйста, сохраняйте спокойствие, поезд скоро отправится.

— Да сколько ж можно то! — возопил кто-то в исступлении, и тут, звучно щелкнув в тишине, включился свет.

— Уважаемые пассажиры, — невнятно сказал машинист по громкой связи. — Будьте осторожны, поезд отправляется!

И как-то разом стало полегче, словно ожидание беды приподнялось и растаяло в спертом воздухе, развеянное движением поезда. Илья осторожно выдохнул.

Чувство опасности, впрочем, не замедлило вернуться, когда он с нервным смешком снял записку с очередным “надвигающимся штормом” со входной двери.

Св дома не было.

Подумав, Илья переклеил записку на дверь ее комнаты и после этого задумчиво позвал в пустоту:

— Эй, у меня кот есть? Есть у меня кот? Ну, хоть какой-нибудь кот. Шерстопопый такой. Нету?

Тишина была ему ответом. Илья сунул нос на кухню, сунул в гостиную — там сестрина кошка Сливка подняла на него сонные глаза со шкафа, на котором возлежала, но не удостоила ни звуком, ни приветствием. Но вот своего “котана” Илья не обнаружил даже в своей комнате.

— Смотри, — погрозил он в пустоту. — Вот заведу себе другого кота, чтоб меня встречал, и вообще.

Но паршивая шерстяная скотина, окопавшаяся где-то в недрах квартиры, конечно, так и не появилась.

Илья вздохнул, сожалея о неудавшемся сеансе антистресса со жмаканьем кота за бока, накрутил себе бутерброд и принялся разбирать домашку. Вот стоило ждать окончания школы, чтобы с разбегу влететь вместо сияющей свободы в новый белкоколесный ад с домашками, эссе и дремучими тестами?.. За этим занятием и прошел весь вечер.

— Ку-ку, — громогласно заявила Св, одновременно со включением света в комнате брата какую-то совершенно безобразную рань. — Вставай! — она схватила край одеяла и начала тянуть на себя, стягивая его на пол вместе с расслабленной и не ожидавшей такой подлостью тушкой брата. Лежавший рядом предатель-кот тут же порскнул с кровати с возмущенным мявом и снова куда-то задевался. — Пора! Пошли! Вставай! Враги!

— Я сегодня рыбка. У меня нет врагов! И нет ножек. Я никуда не пойду, — сонно отозвался Илья. — Стоп, а куда?

— В гараж! — возмущенно отозвалась сестра, перегнулась через кровать и заорала прямо в ухо, оттягивая за край. — Заезд завтра, алё! А мы даже тупо тапки не переобули! У нас зимние стоят! Надо другие тапки, слышишь меня? Если не будет тапков, я из тебя эльфа сделаю!

— Покрестишь в эльфа, — зевнул Илья, садясь в кровати и, позевывая, почесал в затылке.

— Уши вытяну, — грозно пообещала Св, уже уносясь куда-то прочь.

Илья посмотрел вокруг, ничего ободряющего не обнаружил и понял, что его все равно поднимут и в гараж запихнут, даже если он встанет в распорку в дверях или приклеит себя к кровати. В конце-концов, ралли-спринт был самой, самой главной любовью Св, и Илье приходилось ее разделять, так или иначе, потому что с самого старта, не найдя себе

“нормального штурмана” она решила его для себя воспитать. И воспитала, особенного выбора воспитуемому не оставив.

Проходя мимо дверей комнаты сестры, Илья вспомнил про вчерашнюю записку и сделал осторожную попытку в очередной раз выяснить, не сходит ли он с ума.

— Св, а Св?

— Ась?

— Я когда пришел, у нас на двери была бумажка, я ее тебе переклеил на дверь даже, — сообщил он.

— Дааа... спасибо, конечно, заботушка ты моя, а чего кран-то не проверил сразу?

— Чего?

— Кран, говорю, тек под раковиной. Который на машинку. Хорошо, что соседи такие спокойные, еще записки пишут, а не сразу с милицей дверь ломают.

— Мде, — прокомментировал Илья, который точно, абсолютно точно помнил, что на записке было написано совершенно другое. Сфотографировать, что ли, в следующий раз? И вот тут он немного испугался уже на самом деле, потому что походя признал, даже не задумываясь об этом, что странные записки продолжатся.

Как ни странно, но присутствие Св словно отогнало призраков другого мира. Преследователи в красных плащах не являлись, и чувство тревоги не посещало, и вообще рытье в недрах их общей раллийной машины оказалось даже медитативным занятием, несмотря на нервные окрики сестры, которая считала, что они обязательно не успеют, и от этого опозорятся. Прямо сказать, их железный конь-огонь был местами не доделан, и “смена тапок” была меньшим из всех зол, требующих внимания, но, как неоднократно говаривала их ныне покойная бабушка, “как на охоту идти — так собак кормить”, и иначе не получалось. Поэтому на ралли следующим утром они выдвинулись косые от недосыпа до невозможности и угрюмо молчащие друг на друга. К счастью, ехали они в разных машинах, поскольку безномерной, собранный из запчастей раллийный субару даже на учете не стоял, поэтому перемещаться по дорогам общего назначения должен был исключительно на эвакуаторе.

— Я регистрироваться, — Св махнула ему бумажками. — Готовь к осмотру пока.

— Легко сказать, — пробурчал Илья, зябко передергивая плечами, не то от утренней прохлады, не то от недосыпа, не то из-за еще чего. Подготовка к осмотру заключалась в открытии капота, а капот у их машины открывался только с помощью если не лома, то гаечного ключа и такой то матери, которыми нужно было его поддеть точно в момент нажатия на рычаг, так что это в самом деле было проще сказать, чем сделать, но не это, кажется, его волновало. Илья даже оглянулся, пытаясь понять, что именно его нервирует. Все-таки, на ралли, бывает, машины переворачиваются, бывает, что и загораются — дело относительно опасное, и нарваться на какие-то проблемы не хотелось. Ни на странные записочки, ни на странных людей в странных обстоятельствах.

Однако, ни красное, ни небесно-голубое, ни даже безумные блондинистые кудри-проволочки Наты нигде не мелькали, из толпы выделялось только пара огнеупорных комбинезонов самых упоротых гонщиков или их механиков. Ни Св, ли Илья комбинезонами так и не обзавелись, но зато шлемы у них были собственные, а не взятые займы у оргов ралли.

— Мы двадцать вторые, — Св, размахивая листами с наклейками, вернулась и припечатала брата ими по спине. — Клей, давай!

— Клею, даю, — покорно согласился Илья, уверясь в том, что тревоги напрасны, и все

будет хорошо. Оптимизм оставил его только аккурат в момент старта, когда Св уже вырулила к линии, а Илья случайно посмотрел вбок.

Расстояние словно перестало существовать, пространство рвануло ему навстречу, и он увидел своего преследователя так, словно он стоял и курил вплотную к окну машины, хотя тот был далеко, за линиями трассы, возле павильонов организаторов. Красноплащик едва ли не глумливо улыбнулся, словно увидев взгляд Ильи, и от этого парня словно холодной водой пролило по спине.

А потом машина рванула вперед.

— Не спииим, — рявкнула Св, и Илья, мигнул, вернул взгляд сначала на трассу, потом на “стенку” в блокноте.

— Пятьдесят Левый-3, — прочитал он вторую строку, потому что первую явно проспал.

Холодея от ужаса и ненормальности, он впился в стенограмму трассы так, словно от этого зависели не только секунды времени, но и, как минимум, судьбы вселенной. Время на трассе исчисляется секундами и долями секунд, так что Илья даже как следует перенервничать не успел, как они влетели на второй круг, и выйдя из “шпильки”, взлетели так, словно там был трамплин.

— Сход? — Илья поднял глаза и обнаружил, что они все еще несутся по дороге, только вот вместо прозрачного подлеска, где они ехали в первый раз, их окружает убийственно черный, непролазный бурелом, да еще и залитый молочным густым туманом.

— Стенка! — рыкнула снова Св, и Илья, дернувшись, продолжил читать, то и дело поднимая взгляд на внезапно ставшую незнакомой трассу. Даже покрытие было другим: звук от колес изменился, тоже, да и на вид машина ехала вовсе не по асфальту, это было похоже на утоптанную землю больше, чем на что либо другое.

Они ехали, кажется, полностью вслепую, повинуюсь записям стенограммы, потому что дорога перед машиной то и дело мигала, меняя направление, и на курсе их удерживали только штурманские записи, сделанные Ильей во время тестового заезда.

— Сто пятьдесят. Левый — один. Восемьдесят. Финиш.

Словно волшебное слово было сказано: Илья, подняв глаза, увидел мелькнувший флаг в “шашечку”.

— Ничеси меня проглючило, — сказала Св, сняв шлем после того, как вывела машину на стоянку и посидела немного, держась за руль точно так же, как ее брат держался за свой блокнот.

— Что случилось-то? — спросил Илья, сняв свой царпаанный шлем, на котором сбоку фломиком был написан состав их экипажа. Выпустить из рук шлем не удалось, пришлось обнять его и сделать вид, что так и было задумано.

— Меня конкретно глюкануло. Кругом левый какой-то лес почудился, трасса другая. Спать, блин, надо больше!

— И машиной вовремя заниматься, — поддакнул ей Илья, до странности чувствуя себя несколько ободренным. Все-таки, не одного его в этот раз закоротило. Он не один. Он не совсем сошел с ума. Как сказано в классике, это гриппом все вместе болеют, а с ума сходят поодиночке.

— Точняк, — заторможено согласилась Св, тоже обнимая шлем. — Иди, что ли, время узнай, — попросила она. — Хотя какое там время. Наверняка с трассы сошли.

— Я сейчас, — пообещал Илья, выпуская, наконец, из рук посторонние предметы и вылезая из машины. Что-то мелкое все равно выпало, но Илья автоматически подобрал и

сунул в карман куртки. Колени были немного шаткими, а асфальт казался вязким. Илья обернулся в сторону павильонов, ожидая (и опасаясь) увидеть свой красноплащный глюк, но его снова нигде не было.

Зато пока Илья не очень уверенной рукой, поминутно теряя карандаш, списывал результаты с доски, на него набросилось сзади неведомое чудище. Вернее, вполне ведомое, но все-таки чудище, как выяснилось буквально секундой позже, когда парню в ухо завизжали:

— Молодцы!!! Да вы молодцы!! Вы пока первые, первые, я видела, в “леди” первые и в 4WD вторые! Целые вторые!

— Хорошо, что не битые вторые, — автоматически отозвался Илья, которого резко отпустило всяческое волнение. — Привет, Ната, — повернулся он к ней, выворачиваясь из принудительных дружеских обнимашек.

— Привееееет! Я только к старту вашему успела, ух! Но вы так ехали круто! А Светка меня покатает? Ну, пожалуйста!

— Я думаю, покатает, — рассудил Илья. — Как все доедут. Нас тут двадцать девять, вроде, так что уже скоро. Ты... там поела хоть? Сосиски дают.

— Я что, сосисок в жизни не ела? — отмахнулась Ната и внезапно насторожилась. — Слушай, а это нормально, что там дерутся?

— Где? — вытянул шею Илья, глядя в том же направлении, что и девушка, но ничего не обнаруживая. Вот их машина, вот Св вышла из нее, поставила оба шлема на крышу и хлещет энергетик, между прочим, им купленный для себя, а не для нее! Но никаких драк в секторе обзора не наблюдалось.

— Да рядом со Светкой твоей, но она на них не смотрит даже, вон, негр какой-то и красавчик, ну, — Ната резко, до боли вцепилась в руку приятеля, дергая. Илья мигнул и внезапно увидел, обоих увидел, и того, этого в красном плаще, и темнокожего парня в знакомой голубой толстовке с цветным хохолком на капюшоне, и, конечно, на месте не устоял, сбросил руку подруги и рванул вперед.

Асфальт внезапно и одновременно снова стал вязким, буквально хватающим за пятки, воздух вокруг сгустился до молочного марева, мимо полетели какие-то черные ветки, какие-то серые тени, и на этого, того, в красном серые тени набрасывались, выскакивая из белого тумана, висли гроздьями, и он стряхивал их, успевая отмахиваться от наседающего чернокожего, куда более черного внезапно, и с голубым гало над головой, чем-то вроде... плети? Откуда у него плеть?..

Илья сдержал рвущееся с языка “эй, вы”, “прекратите” и другие неуместные слова, и, словно серая тень, вместе с ними вылетел из молочного белесого воздуха и толкнул красного в спину, заставляя потерять момент, скорость и замах и завалиться набок вместе с Ильей. Негр с победным кличем кинулся было к упавшему противнику, но тот вывернулся, как змея, от неожиданного нападающего, гибким движением взвился на ноги, разбрасывая серые тени, словно солнечные зайчики, вокруг, сощурился на обоих, резко развернулся, в движении словно истаивая среди черных ветвей, и исчез.

Илья моргнул.

Белое марево и черные деревья не пропали, и под ногами все еще была вязкая и немного пружинящая почва вместо надежного асфальта, и давешний раздатчик листовок, почему-то с угольно-черной кожей и голубоватыми светящимися волосами, тяжело дыша, стоял рядом.

Илья моргнул снова, встряхнул головой, прочищая ее.

И внезапно оказалось, что никакого черного леса нет, и тумана нет, и зыбкой почвы под ногами, а знакомец в голубой куртке, высоко вскидывая колени, улепетывает куда-то вдаль. Бодро, надо сказать, улепетывает: Илья прицелился было за ним, но, оценив совершенно усейн-болтовскую скорость и истощенные ночными бдениями ресурсы своего организма, передумал.

— Блин, опять ушел, — всхрипнул Илья, отряхивая плечо от влажной пыли и каких-то мелких листьев. Откуда они? Парень посмотрел на чистый асфальт, на грязный рукав, пытаясь привести в соотношение увиденное и реальность. Ему не показалось? Но как же так?..

— Илька, — пискнув, подбежала Ната, принялась его нервно ощупывать и отряхивать, а вот Св подошла медленно, не торопясь отхлебывая из покраденной банки.

— Ты чего геройствуешь? — осведомилась она у брата, бросила взгляд на Нату, явно пытаясь ее вспомнить. — А, ты со школы! Я тебя помню. Пришла за нас поболеть?

— Ага, — вместо Наты ответил Илья. — Покатаешь ее? После заездов?

— Не вопрос, — согласилась Св. — Я тебе сколько раз говорила, “Илька”, не лезть в чужие драки? Даже свидетелем лучше не быть. А ты?

— А меня этот в красном плаще уже достал. Ходит и ходит за мной, как привязанный, — внезапно легко наябедничал Илья.

— О, видимо, поклонник. Не очень тайный, — хихикнула Св. — А черный тоже поклонник?

— Тьфу на тебя, — обиделся Илья, дошел до их машины и оперся на нее, пытаясь унять беспокойство и не решаясь заговорить со Св об их странном заезде в присутствии Наты. Получается, не так уж он и сходит с ума?.. Раз уж сестра тоже видела странную странность вокруг.

— Так что там со временем? — спохватилась Св.

— В “леди” вы первые, — радостно доложила Ната. — И вторые для 4WD. А что такое 4WD?

— Это полноприводные, — зевнула Св и похлопала своего боевого коня по боку. — Вот такие вот малышечки.

— Стадо оленей, а не малышечка, — проворчал Илья, все еще чувствуя себя странно. Потом, до самого конца, до награждения, ему то и дело чудился посторонний пристальный взгляд, но ни он сам, ни глазастая Ната ничего не усмотрели.

Глава 2, в которой что-то становится яснее, но не очень

А вот под дверями их квартиры, куда Илья возвращался один, потому что Св срочно вызвали на работу по какому-то совершенно дурацкому поводу, обнаружился тот самый раздатчик листовок. Он сидел на полу, накинув потешный капюшон с цветным хохолком на голову, и что-то напевал под нос, барабаня темными пальцами по плиткам.

Илья дошел до площадки и остановился, переступая с ноги на ногу, и не очень понимая, что же, все ж таки, спросить в первую очередь.

— Эй, брат! — тут же обернулся к нему парень, белозубо скалясь. — Кофе у тебя есть? А то сосисками накормили, макаронами накормили, а кофе, говорят, плати, да. А как плати, денег то нету, вот так вот.

— Кофемашина, — сдержанно сказал Илья, осторожно переступая через вытянутые вперед ноги в ярких кедах. — Зайдешь в гости?

— А то, — снова улыбнулся тот. — Ты — Иль, я знаю.

— Илья.

— Иль я, иль не я, — радостно осклабился парень. — Нет, не я! Я Дэш.

— Такое имя тоже есть?

— Обижаешь, брат. Даже целый писатель есть, вот так вот. Стыдно не знать, да!

— Ты тоже писатель? — уточнил Илья, открывая дверь. — Например, стремных записочек.

— Еще как. Надо же соответствовать, да? — африканец вскочил на ноги одним гладким движением, как только Илья открыл замок и стал открывать дверь, отталкивая его.

— Может, изволишь рассказать, нафига? — немного злясь, спросил Илья, наблюдая за тем, как Дэш проходит в квартиру.

— Предупредить, вроде как. Но ты не слушал, брат, — серьезно ответил Дэш, спинывая кеды и оставаясь в носках с цветными лошадками.

- “Надвигается шторм”? — Илья сложил руки на груди, глядя на него с выраженным сарказмом. Даже бровь умудрился приподнять. — Это твоя идея предупреждений?

— Хорошее предупреждение, а что? Да! — не согласился Дэш. — Кофе-то дай, брат?

— И о чем, по твоему, это предупреждает? Взять зонтик?

— Э, нет, брат, ну, Шторм, Шторм на тебя надвигается, разве не ясно?

— Какой шторм? — теряя терпение, спросил Илья. — Выражайся яснее.

— Шторм. Тот парень. Ты что, Шторма не знаешь, брат?

Илья помедлил, глядя в абсолютно честное темное лицо, потом скривился, снял куртку и обувь и пошел на кухню.

— Идем. И ты мне сейчас по пунктам расскажешь, кто такой этот Шторм и почему я должен его бояться.

— Поньи сиськи! — весело выругался Дэш, проходя за Илеей на кухню. — А красивая квартира у тебя, брат! Дорогая, наверное?

— Наверное, дорогая, — равнодушно согласился Илья, колупаясь с кофеваркой. Дэш обошел коридор и кухню, заглянул в туалет, в ванную, что-то там с грохотом уронил, вернулся с самым невинным видом и уселся за стол. Илья поставил перед ним чашку, налил кофе себе и, поискав по местным заначкам, нашел шоколадку, которую Св явно собиралась

заточить в одиночестве. Что же, решил он, прятать надо лучше, и вообще — девушкам вредно, они потом на лишней вес жалуются.

— Рассказывай. Все по порядку. Кто такой Шторм?

— А я не знаю, — пожал плечами парень, беря чашку и оставляя в сторону мизинец, словно купчиха с картин Кустодиева.

— В смысле? А почему тогда я должен его бояться?

— Эй! Не обязательно лично быть знакомым с маньяком, чтобы бояться по улицам ходить, да? Ты, брат, горькое с мягким не путай, вот как. Шторма все бояться, он бешеный. А ты его увидел и внимание к нему привлек, и он к тебе приклеился.

— А я не должен был увидеть?: — Илья взялся за голову и немного подержался за нее, словно пытаясь поставить на место мысли.

— Конечно, нет, брат, но ты, думаю я, из наших, — Дэш, не стесняясь, отломил сразу половину шоколадки и стал грызть весь кусок целиком, не деля на квадратики.

- “Из ваших”, - повторил Илья, пристально на него глядя.

— Ну, да. Из тех, кто с кровью фаэ и все такое.

— Ты думаешь, я спятил, что ли, такую лапшу слушать? — вежливо уточнил юноша.

— А почему его не видел-то никто, кроме тебя, а, брат? И все остальное, как я тебя спасал, давай, расскажи мне. Версии там, интриги, расследования. А я послушаю. Ну себя убедишь, я свалю, а Шторм потом тебя кусь, и того. Вот как! Ой, — Дэш дернулся и резко подтянул ноги на табуретку, с подозрением косясь вниз, на словно из ниоткуда возникшего серого котищу размером со среднюю собаку. — Да у тебя тут свой кусь, — нервно добавил он.

— Мак, сюда иди, — позвал Илья. — Мак! Макусь? Ты по русски понимаешь вообще?

Кот посмотрел на своего хозяина долгим, пристальным взглядом и демонстративно плюхнулся на объемную задницу прямо под ноги Дэшу.

— Мак, ты офигел? — Илья потянулся вперед и подтащил кота к себе. Тот пережил перемещение очень стоически, только раздраженно мявкнул, после чего, вывернувшись из рук хозяина, удалился, помахивая хвостом-метелкой.

— Ну ничего себе кот, — похвалил Дэш. — Твой, брат?

— Да ладно, — сморщил нос Илья. — Чужой какой-то кот. Пришел вот, дверь открыл и жрать требует. Прямо как ты.

— Я не кот, я брони, — рассмеялся Дэш и, видя, что его не очень поняли, расшифровал, ткнув в рисунок лошадки на куртке. — Братец-пони.

— Час от часу не легче, братец Пони, — обреченно ответил Илья. — Что за бред про кровь фей?

— Ты книжки, там, читаешь иногда? Сериальчики, может, смотришь? Про всякие, гм, параллельные миры, про нечисть, там, вроде как?

— То есть, ты — нечисть?

— Я чисть, — возмутился Дэш. — Хотя, брат, с другой стороны, может и так, только вот я мир спасаю, вот как!

— Да ладно, — Илья, не очень понимая, чему из всего этого верить, но в целом наслаждаясь заморочным рассказом, откинулся на стуле и отхлебнул кофе. — Рассказывай, рассказывай, я тебя внимательно слушаю.

Дэш одарил его оценивающим взглядом, но все-таки продолжил.

— Так вот. Ты *Apocalypsis Ioannis* читал?

— Чего-чего?

— Чему вас учат в ваших МИСиС? — возмутился Дэш. — Откровение. Иоанн Богослова Откровение.

— Почему это такому должны учить в университетах? — возмутился Илья, чувствуя смутную тревогу от того, что Дэш знает, где он учится. Хотя, конечно же, знает — он же оставлял записки в аудитории, на собственном месте Ильи, даже. — А в воскресную школу я не ходил. А при чем тут “Откровение”?

— При том, чтобы ты забыл все, что там написано, — скорбно ответил Дэш. — Вот так вот как, неграмотные люди берут и рушат концепцию разговора.

— Ладно. Специально ради разговора, я потом прочитаю и забуду, — от всего сердца пообещал Илья.

— Ладно, — смилостивился Дэш. — В общем, брат, там все не так, как мы верим, но мы, вот такие как мы, знаем, что конец света будет, когда Четыре Всадника оседлают своих зверей и пройдут по миру.

— Война, Глад, Мор и Д’артатьян? — не удержался от шпильки Илья.

— Война, Глад, Мор, Смерть и стажер — Сессия, — в тон ему ответил Дэш, но тут же скривил свое улыбчивое лицо в серьезную гримасу. — В общем, Всадники то и дело пытаются проснуться и взнудать кого-нибудь, понимаешь, брат? Каждый день кто-то из них ворочается во сне, и его надо убаюкивать.

— Ну, если они такие опасные, — нахмурился Илья. — То каждому по няньке, колыбельку качать, и все.

— А, примерно это и делаем. Только вот это, брат, Всадник может проснуться в одном человеке, а может и в другом. Поэтому и носимся мы, вот такие вот, как я, и как ты, наверное, и укладываем их баиньки, вот так вот.

— И откуда “мы, вот такие вот”, узнаем, где кто ворочается? — с подозрением уточнил Илья. — Прожекторный сигнал где-то загорается, и все спешат на помощь?

— Э, да нет, что ты. Угадываем. Ну, то есть, это тут конечно есть признаки, которые, типа как, в группу риска человека сразу. Ну, вот, к примеру, это должен быть человек, полностью человек, без крови фаэ или альде. И чаще девчонки. И рождение близко к поворотным дням признак верный. Ну и видят они больше, чем просто люди, замечают, там, всякое. Нас, таких вот, видеть могут, даже если мы прячемся. Фаэ и альде тоже видят, но если человек, и видит, то, скорее всего, Всадник. Обычно, брат, так и палим. Ну и ощущение от них такое сразу, знаешь. Особое.

— Особое, — снова повторил Илья, пытаясь отхлебнуть из пустой уже кружки и не замечая этого.

— Ну, так да. Как будто чуть дрожь внутри. Чем ближе Всадник в пробуждению, тем больше дрожь, он, она вроде как, зовет нас.

— И зачем “ему, ей” “мы, вот такие”?

— А чтобы, брат, подчинить, взнудать и ехать на нас в конце света. Потому что, брат, мы, типа, звери.

— Те еще звери? — попробовал пошутить Илья, но ему было не смешно, скорее, не понятно и стремно. Дэш, при всем его спокойствии, больше походил на шизофреника, чем на мессию тьмы, мессию света. И, несмотря на все странные события недавнего времени, Илья бы скорее поверил в галлюцинации и помешательство, в том числе, свое, чем в сверхъестественное. Он был, в конце-концов, почти что программист! А почти что

программисты, даже в обучении, верят в то, что если у версий один и тот же номер, то они идентичны, а вот в чудеса — в зависимости от испорченности.

— Еще как, брат, Звери. Озвереешь тут. Я вот, ржи давай, ржи, конь Черен. Черный зверь.

— Звучит как псевдоним актера жанра для взрослых, — прокомментировал Илья.

— Нет, это супергеройское имя, брат, — осклабился Дэш.

— Да уж. Так ты Пони, но в случае беды превращаешься в Коня.

— Ты, брат, явно не веришь.

— А ты бы сам поверил?

— Э, серьезно? Да я быстро поверил. Меня Блед вытащил из драки с альде. Эти альде знаешь, какие злые, эээ? Просто трещ, никогда, брат, не беси альде, — Илья, который запутался уже во всех упомянутых названиях, только саркастически поднял бровь. — Ну, по крайней мере, пока ты такой, ну, зеленый. Блед-то их раскидывает, как котят совсем. Вот он, в общем, вот так вот, и раскидал, и меня вытащил, и тогда на через Порог, в смысле, в страну фаэ можно было норм так пройти, и он меня сразу туда сводил. О! Вот, брат, что мы сделаем-то, через Порогходим, и все, дело обделано.

Для Ильи, впрочем, “обделанное дело” звучало как-то не очень. Он перевел дыхание, скривился пару раз в непонятных гримасах и сказал:

— Если только не во время учебы, и не когда ралли, и вообще, аккуратно как-нибудь.

— Э, не веришь, брат, — разочарованно покачал головой Дэш, тем не менее, улыбаясь. — А когда Шторм опять замаячит, небось ждать будешь, вот, братец Дэш придет и спасет, типа?

— Если он мне будет всерьез угрожать, я найду способ себя защитить.

— Да только он никогда не будет так угрожать, чтобы полицию звать, неет, брат, он же из фаэ, говорят, этой крови в нем много, и он, типа, поэтому круче всех нас. Ну, так-то, я против него свою защиту держу же, может, и не так все плохо... В общем, брат, завтра попробуем ключик получить, а там и за Порогходим, вот так вот.

— Завтра? — уточнил Илья, вспоминая, что же там должно быть завтра. По всему выходило, что обычный день, и вряд ли даже какая-то задница стрясется. Впрочем, до появления в его жизни красноплащых и голубокурточных видений, никаких задниц не случалось очень, очень давно, Илья даже и отвык.

— Завтра, брат, — кивнул Дэш. — А пока я пойду, дела еще. Слушай, а рублей двести нету бедному студенту, брат?

— Да я как бы тоже бедный студент, — с сомнением сказал Илья, но все таки пошел в коридор и вытащил из кармана куртки пару бумажек. Дэш, последовавший за ним, тут же радостно их выхватил и пересчитал три раза.

— Э, спасибо, брат, век помнить буду! А теперь открывай свой “сейф”, выпускай Коня на волю, э? Я, конечно, сам умею, но гостя надо того, уважать, да? Выпроваживать уважительно! Без пинка под зад!

Илья неодобрительно покачал головой, но дверь открыл, и пару секунд потом слушал жизнерадостный топот вниз по ступеням, игнорирующий существование лифта. Потом пошел в комнату сестры, из окон которой было видно подъезд, сел на подоконник, прислонившись к стеклу лбом, и задумался о Дэше, о ралли, о небывалом черном лесе. Все это было, с одной стороны, совершенно не знатно, потому что не очень понятно, и Илья, следуя логике, приписал бы такие штуки действию каких-нибудь особых наркотиков в

сочетании с нейропрограммированием. Но, с другой стороны, зачем бы это все нужно, и кому? Дэш оставлял свои записки даже в их квартире, каким-то образом, значит, мог сюда пройти, и денег вынести запросто и прочей фигни, но не сделал этого. Не сделал же? Спыхватившись, Илья понял, что просидел на подоконнике полчаса, но Дэш из подъезда так и не вышел.

Куда мог он мог задеваться? В гости к кому-то зашел?.. Илья нахмурился и пошел проводить ревизию по квартире, все ли отцовские тайники были в порядке.

Вопреки многочисленным анекдотам о том, что при разборке шкафа можно найти много полезного и пять раз кота, пушистая скотина снова куда-то задевалась, поэтому после обследования закровов родины Илья занялся поисками собственной зверюги и такого удачного тайника, в котором кота было не найти, однако, удача ему не способствовала.

Примерно за этим занятием, правда, уже менее полном энтузиазма и ближе к ночи, Илью застал звонок злой, расстроенной донельзя и обиженной жизнью сестры.

— Дома ты, обормот? Да? А я вот работаю. Сволочь ты, учеба, чащоба ... Вот что, зайке с ушками, иди в мою комнату, со стола возьми коробку из-под ботинок, она там одна, не попутает. И отвези Айке. Адрес я тебе скину. Я просто ей обещала, что сегодня привезу, а сама вот так вот. Довезешь? Тебя уже можно без взрослых на улицу отпускать? Да ты что! Я и не заметила. Ладно. Бывай! Лови адрес.

И, собственно, это и было причиной, по которой Илья в итоге обнаружил себя в начале второго в ночь с воскресенья на понедельник посреди района Строгино, в печальных размышлениях о том, а как теперь отсюда выбираться.

Собственно, конечно, он был сам виноват. Слишком долго тянул с выходом из дома, потом примерно вечность протупил в попытках половчее добраться от метро Щукинская, на котором он зачем-то вышел, на злополучную улицу Маршала Катукова. Доехав, он еще некоторое время пытался найти нужный дом наугад среди примерно одинаковых построек, пока не сдался и не включил карты на телефоне.

Потом Айка, задушевная Светина подружка, так бурно радовалась передаче, что даже утщила не очень радостного курьера пить чай с тортом, и ему стоило в итоге большого труда вырваться из цепких рук Айкиного папы-музыканта, которому приспичило “выпить по-мужски и спеть пару нормальных пацанских песен, а то эти женщины ничего не понимают”.

Так что, пенять было не на кого. Потрясая немного мутной от заморской текилы головой, Илья счел за благо немного пройтись, освежить мысли перед тем, как всерьез задуматься над решением своей дилеммы.

Поскольку дорогу он условно знал только до Щукинской, поэтому в ту сторону он и двинулся в компании постепенно гаснущих окон окружающих домов. Они медленно утекали мимо, пока Илья расслабленно шел вдоль трамвайных путей, выписывая временами пьяные кренделя туда или сюда.

Шаг, и еще, и еще, и вот уже и мост, пустой, обманчиво тихий, только фонари горели ровным, спокойным оранжевым светом, и темная вода внизу причудливо отражает огни.

— Красиво, а, брат? — раздалось сзади, и Илья. надо сказать, даже не подпрыгнул. Может, слишком был “приняв”, или “привыкнув”, но он даже не обернулся.

— Что, дела уже закончились?

— Ну так, э, ты в ночи поперся и что делать? Делать-то что? Спасать надо было бежать, вот так вот, да? Вдруг бы Шторм тебя подкараулил, вот так вот?

— Ну и подкараулил бы, — Илья подошел к парапету и облокотился на него, глядя в темную воду. Сбоку раздалось шуршание, и Дэш приладился рядом, нахохленный, как воробей на жердочке. Его до того смешно поддернутые вверх спортивные штаны были сейчас развернуты на полную длину, прикрывая лодыжки, в ярко голубая куртка застегнута до верха. Видимо, даже Коней и Поней пробиравал прохладный ветер с реки.

— Э, брат, не справишься ты с ним пока. Да и я не поручусь, но я-то хоть знаю.

— А тебе вообще какой в этом цимес?

— Цимес?

— Вкусняшка твоя тут в чем?

— Так вдвоем, брат, “колыбельные”-то петь сподручнее. Я вот бьюсь-бьюсь, никак не пойму, что за Всадника этот Шторм нашел и окучивает.

— Чтоб я что понял, — пожаловался Илья. — Домой мне надо.

— Это точно, брат, надо. Ты того совсем.

— Не совсем. Но того. Такси, что ли, вызвать?

Дэш посмотрел на него, прищурился, сверкнул в оранжевой полутьме белозубой улыбкой и, уцепив Илью за рукав, потянул его обратно к середине моста, к рельсам.

— Сейчас что покажу, — пообещал он, наступил ногой на рельсу и тут же отступил. Илья даже рот открыть не успел, чтобы переспросить и выразить свое недоумение, как тихо звякнув, перед ними из ниоткуда затормозил трамвай: ярко освещенный, со вполне стандартной табличкой над затемненной кабиной. Правда, на табличке был написан не какой-то конкретный номер, а прочерк. Просто дефис, или тире, и выглядело это странно.

— Добро пожаловать, — широким жестом пригласил Дэш, и передняя дверь гармошкой сложилась, пропуская внутрь.

— Это что за нафиг? — вежливо уточнил Илья, чувствуя холодок блеклого ужаса, взбирающийся по хребту. Не то, чтобы трамвай выглядел так пугающе, но во всей ситуации было что-то радикально неправильное, ненастоящее. Или, наоборот слишком настоящее для тревожного сна.

Может, это я с Айкиным батей перепил, — предположил про себя Илья. И вовсе я не тут, на мосту, а там, возле диванчика на кухне, и заботливая сестрина подруга мне подушечку подложила под шею, чтобы завтра не ломило.

Но сон или нет, а Дэш профессиональным движением подтолкнул его в бок, и Илья почти кубарем влетел в салон. Дверь тут же закрылась за ними, но трамвай все еще стоял.

— Чего встал, брат, давай, садись, в ногах правды нет! То есть, ее и в других частях тела не очень, но в заднице явно больше, так что задницу сажай!

Подталкиваемый своим спутником, Илья прошел глубже и плюхнулся на одиночное сиденье, оглядываясь. Турникетов не было, да и привычных валидаторов: вместо них было три винтажных, ржавых компостера, к одному из которых Дэш вальяжно подошел и приложил пальцы.

Из компостера тут же высунулся длинный и тонкий не то зуб, не то хобот и впился в ладонь Дэша, жадно присасываясь. Несколько капель под невозмутимым взглядом парня упали на пол, пока Илья покрывался холодным потом от ужаса и протирал глаза, а потом компостер, видимо, наелся, и хобот втянулся обратно. Компостер дернулся, словно сыто рыгая, и неожиданно сообщил:

— Трамвай следует по маршруту “15д” до конечной остановки “Станция метро “Университет” без промежуточных остановок. Уважаемые пассажиры, будьте внимательны

друг к другу, уступайте места инвалидам демонических войн, представителям древних времен и исчезающих рас, пассажирам с отпрысками, а также женщинам и лицам сильнее и быстрее вас. Желаем приятного полета.

И состав тут же тронулся с легким мелодичным звоном, скользя по сверкающим серебром рельсам уходящим то ли в ночное марево, то ли и вовсе в небеса.

— Э, вот так, — радостно осклабился Дэш, явно наслаждаясь перекошенным лицом своего приятеля, и потер пострадавшую ладонь о куртку. — Как-то так, брат. Ну, как, теперь больше веры мне, а?

— Ни фига, — не согласился Илья, вцепляясь крепче в поручень. Трамвай все ускорялся, словно беря разгон с каждой секундой, и пейзаж за окнами мелькал быстрее, чем в пригородных поездах. Собственно, мелькал так быстро, что от этого тошнило. — Я напился и отрубился у Айки. Я сплю, и все это сон. А ты мне снишься потому, что был самым сильным впечатлением дня.

— Так хоть впечатлил, и то “цимес”, как ты говоришь, — хмыкнул Дэш, усаживаясь на сиденье через проход и с интересом изучая бледновато-зеленый абрис Ильи. — Ну, ничего, ничего, брат, ты еще молодцом держишься. Нормально, так-то. Может, еще и воспитаем из тебя достойного зверя, да?

— А если я не хочу быть каким-то там зверем?

— Э, брат, такое не выбирают. Таким рождаются. Так что либо ты того, воспитуешься, либо того, — и Дэш живописно изобразил чирк пальцем по горлу. — Тот же Шторм тебя и этого того, вот как.

— Я все еще ни черта не понимаю, — убито сообщил Илья, чувствуя, как его собственные зубы выбивают неровный ритм, не то от качаний на рельсах, не то от прохлады, не то от нервов.

— А вот это, как раз, нормально, брат. Ничего, потом разберешься. Не все сразу. Думаешь, я родился, что ли, умным, сильным да еще и в стильной куртке вдобавок?

— Вот про куртку, — нервно хихикнул Илья. — Могу и поверить.

— А, смеешься? — широко улыбнулся Дэш. — Смейся, смейся, брат. А у меня тут чары... и чары!

— С винищем? — уточнил Илья, понимая, что веселье приобретает истерический оттенок, но уже не в силах остановиться.

— С пивасом бывает, да, — согласился парень, расстегнул куртку и засунул руку куда-то внутрь, шаря не то по карманам, не то по четвертому измерению. — Ааа, ну-ка, — он достал оттуда надорванный пакет с цветными мармеладками, имеющий такой вид, словно его кто-то уже пожевал и выплюнул. — Будешь?

— Нет, спасибо, — прыснул Илья, продолжая веселиться, и, смеясь, даже пропустил начало торможения, и вписался плечом в спинку соседнего сиденья.

Трамвай звякнул и остановился, и Илья, потирая ушибленное, прильнул носом к окну.

Они, в самом деле, прибыли в разворотный тупик рядом с метро Университет, и он отсюда даже видел светлые колонны станции.

— Э, все. Конечная, брат, поезд дальше не идет, рельсов того, нет, — Дэш, поднявшись, хлопнул Илью по плечу и подошел к центральной двери. Та приветливо распахнулась, и Илья поспешил за своим новым приятелем, опасаясь, что странная техника его замурует и сожрет.

Весенняя ночь встретила их мягкой прохладой и неистребимым гулом проспекта

Вернадского. Сзади тренькнуло, словно сигнала об отходе трамвая, Илья обернулся: но за их спинами уже не было ничего, кроме пустых рельс, глухо блестящих в свете фонарей.

— А что это вообще было? — как можно небрежнее спросил Илья у Дэша, догоняя его, уже шагающего в сторону жилого массива.

— А? Что, брат?..

— Трамвай-вамфир?

— Ну, это, он не вамфир, он, брат, типа, симбионт, да? Прото-разумный, или типа того. Они, такие, с альде по хрустальному мосту пришли, ну и того, ассимилировались. Поддельваются под местный транспорт, вот, ну и под здания иногда, но реже.

— Хрустальный мост?

— Когда ихний Армадон накрылся Армагеддоном, они сюда свалили по Хрустальному мосту, ну и живут теперь, как будто нам своего дерьма мало, — пояснил Дэш так, что лучше бы и не объяснял. — Но вот эти конкретно у них, типа, полезные, и пользоваться могу все, кто не, э, нулевичок.

— А кто нулевичок? — замороченно переспросил Илья, у которого голова гудела уже не только от возлияний. но и от гремучего кома явно избыточной информации.

— А что нулевичок, брат, тот не сможет, — радостно подсказал Дэш и заржал. — Ладно, вон там твой подъезд, иди, брат, давай, туда, а я тебя типа глазками провожу, чтоб Шторм тобой таки не закусил. Завтра, это, у “Домино” на Калужской площади встречаемся, да? В восемь.

— На Калужской уже сто лет как “Домино” нет, — с подозрением посмотрел на него Илья.

— Но ты же понял, да, брат? — хитро сощурился Дэш. — До встречи, короче, и вали уже, а то того, систер твоя грозная в окно пялится.

— Светка? — Илья задрал голову, вглядываясь в окна, но их квартира, конечно, казалась пустой и темной — когда это Св так просто палилась на наблюдениях? А пока парень вертел головой туда-сюда, его собеседник успел куда-то раствориться. Как будто пони языком слизнул.

Слова Двекошки о Грядущем, впрочем, запали мне в души. Не находя себе места даже в домашнем уюте, я воссел на окне, с тревогой вглядываясь в ночь. Как будет выглядеть этот Всенец? Как нам его узнать? Будут ли звезды с неба падать, не удерживаясь там на рыбном клею? Будет ли воздух гореть, как вонючий газ? А земля, начнет ли трескаться и расходиться под лапами? Или, может, черные, мертвые, косматые тени с глазами-фонарями будут бродить по городу в темноте, закрывая вид на горящие окна? Вот как, например, вон та тень?..

Там в самом деле было что-то, во дворе, выползая из-за угла дома и мешая смотреть на пейзаж. Достаточно высокое, чтобы дотягиваться до моего этажа, а, значит, выше стандартной пятиэтажки, костляво-черное, почти ненастоящее на просвет и запредельно плавное, шагающее мягче, чем охотящийся кот. Может, не будь я котом и героем, я бы и не заметил его втеkania в реальность из ниоткуда.

Но ему не повезло, или, может, не повезло мне? Потому что такую беду оставить безнаказанно расшагивать по своему району я не мог, а мог ли я ее победить — это уже был вопрос. Пришлось подниматься, и стремительно, но осторожненько двигаться по квартире на выход.

— Эй, кот Рвот, — сонно окликнула меня соседка по квартире, прекраснейшая из кошек, обладательница наипушистейшего из хвостов. Злопыхатели говорят, что хвост этот так велик, что ее стоит называть Кошка с батоном на заднице, но это они просто завидуют. И да, это только ей дозволяется так меня именовать, по самому детскому из моих имен. — Куда собрался?

— На улицу. Там неведомый враг, — гордо ответил я, бросая на нее самый что ни на есть героический взгляд. Она, впрочем, не впечатлилась, зная меня, увы, с растрепанных подростковых времен.

— А, ну, ладно, — зевнула Кошка, нежная как сливки. — Будешь возвращаться — не топочи, проклятый.

Что это было, если не благословение? Она сказала, что я вернусь! Я немедленно воспрял духом (и хвостом) и пружинящей походкой отправился в глухую ночь.

В глухой ночи, впрочем, было достаточно неплохо: прохладный воздух шевелил шерсть, и от фонарей возле дома было так светло, что я не сразу и понял, куда девалось непонятное создание. Пришлось уйти поглубже в тень и залечь в засаде, приглядываясь к звездам, к небу, к чужим окнам. Так прошло много минут, и я уже думал, что упустил врага, как внезапно заметил его: уже далеко, за целый квартал или больше от меня, невозмутимо медленно шагающего прочь. Я победно мрякнул себе под нос, заметил направление его движения, на всякий случай и, не спуская с него фокуса внимания, чтобы вновь не остаться с холодным следом, рванул следом, ловко рыся между редких прохожих и машин, и проскакивая во все возможные щели, сокращая путь. Пару раз мне лаяли вслед припозднившиеся с выгулом собаки: а один, особо крупный и невоспитанный зверь, потащил своего человека вслед за мной, не слушая его причитаний. Это было фи и фе, но останавливаться и разбираться — значило упустить чудище, поэтому я только прибавил скорость, переходя не иначе как на первую котмическую. Враг явно двигался медленней, так что я настиг его примерно полтора километра спустя от начала погони, в не слишком аккуратном сквере, где с незапамятных времен на бронзово й скамейке сидит бронзовая же парочка с газеткой. Толку от них, увы нет: эти двое не из тех, кто может, в случае необходимости, подсобить отважному коту. Некоторые такого рода фигуры, впрочем, могут: и каждого такого доброго мы, коты, знаем наизусть. До ближайшего, впрочем, еще километра полтора шустрого бега, и враг, конечно, туда по своей воле пойдет вряд ли: список добряков известен не только котам. Именно поэтому рядом с некоторыми человеческими памятниками никакой такой нечисти и не встретишь.

Ничтоже сумняшеся, я взлетел по постаменту вверх, потом по бронзовым складкам и изгибам, и, взгромоздившись на лысую бронзовую голову, закричал, обращая на себя внимание темной твари.

— Эй, ты! Да, ты, темный! Слышишь? Это моя, моя территория! Изыди откуда пришел! Когда я думал было уже, что он меня не расслышал и набрал полную грудь воздуха, чтобы продолжить сольный концерт, костлявая тень извернулась, наклонилась и приблизила ко мне свою огромную, уродливую голову с холодноватыми фонарями глаз.

Чем ближе он приближался, тем отчетливей я ощущал холод, тишину, озноб и распространяемую вокруг этим созданием ауру панического ужаса. Но я вовремя вспомнил о том, что я кот вовсе не самый обычный. А уж если об этом зашла речь, то обычность кота неизмеримо далека от обычности человека. У самого преобычного кота в жизни бывает столько приключений, что и не снилось какому-нибудь бесхвостному экстремалу от спорта,

не говоря уже о стандартном мальчике или девочке из офиса в центре. Это, прежде всего потому, что приключение любой кошки начинается еще до самой кошки. Оно ей, так сказать, предшествует, предваряет, и создает нужное хвостатое и усатое, чтобы реализовать себя должным образом.

Так и мое приключение когда-то выбрало меня, позвало, нарисовало мне шерсть, когти, усы и длинный хвост, и, только когда оно устало рисовать, я наконец, родился.

И сейчас передо мной явно была часть того великого, для которого я был рожден. Я чувствовал это!

И тут совсем рядом взорвалась лаем невоспитанная псина, которая, видимо, вырвалась от своего хозяина и добежала сюда. Это было совсем не по плану! Мой противник развернулся, демонстрируя непостижимую ловкость: насколько обманчиво медленными были шаги твари, настолько же стремительными оказались попытки изловить злосчастную собаку, но она, изрыгая дикий лай и клочья пены изо рта, продолжала и продолжала отскакивать.

— Эй, сэр, вы отнимаете моего противника! — крикнул я и, собравшись в пружинку, совершил длинный красивый прыжок с лысой головы статуи вперед, прямо на спину твари. Она взвыла, и я, терзая ее когтями и не решаясь впиться зубами, издал громогласный, душераздирающий боевой мяв. Голос у меня, признаться, достаточно противный. Все так говорят! И я, как и все коты, умею орать именно в той дивной тональности, от которой даже самые терпеливые из бесхвостных впадают в раж. Да и твари мой деморализующий клич не пришелся по нраву.

Собака напрыгивала на кошмарное создание снизу, пытаясь укусить, но не решаясь, потому что от костлявых ног нестерпимо разило мертвечиной самой дурной масти: уже не слегка тухлятинкой, а густым запахом разложения и тлена, за которым мог быть только трупный яд. Тварь наклонялась, вертелась волчком, шваркала туда и сюда своими когтищами, а я драл и драл ее со спины, пользуясь тем, что она занята погоней за дурной псиной, и бесконечно выводя во весь голос боевой клич всех дерущихся котов.

Несколько раз противник отвлекался от собаки, пытаясь достать меня на своей спине, но, на мое счастье, его костлявые ловкие лапы просто негнулись настолько, чтобы поймать меня, и я продолжал клочьями выдирать словно бы черный лежалый пух, из которого на проверку состояли кости тварины.

Но, все же, нет: я (с небольшой помощью глупой собаки) так и не успел справиться сам, начали прибывать другие помощники, привлеченные звуками битвы.

Все новые и новые стремительные молнии набрасывались на моего противника со всех сторон, и их голоса сплетались в многоголосную песню кошачьей храбрости и жажды подвига. Да, вот за право привесить к своему титулу победу над таким вот невероятным противником каждый кот, пожалуй, готов бороться.

Чудище, однако, сдаваться не собиралось. Раз за разом оно сбрасывало с себя настырных нападающих (кроме меня!) и расшвыривало их в стороны (кроме меня!), и мы никак не могли проскрести его достаточно, чтобы повалить. Злосчастная собака уже вся вывалилась в грязи и крови, и мне даже было ее немного жаль, в самом-то деле! Что за беда, погналась за котом, а вляпалась в эпическую битву за будущее мира!

А потом я — и все остальные — услышал знакомый голос. Двекошки, признанный лидер и, несомненно, лучший охотник из всех, несмотря на свои габариты (а, может, наоборот, благодаря им), зычно орала на одной ноте, созывая всех вокруг себя.

Командирский приказ был силен и непререкаем, так что я его, конечно, проигнорировал, продолжая проскребывать дыру в позвоночнике.

Двекошки, между тем, командуя уже достаточно большой котармией, направила их несколькими потоками против врага, окружая его и не оставляя ему шансов повернуться лицом одновременно ко всем. Дурная псина, на удивление, вполне адекватно приняла участие в совместной охоте, слыша и даже понимая приказы Двекошки (что, вообще-то удивительно: их не все коты-то понимают; хотя быть может, “дурак дурака?..”). Но, как и следовало ожидать, успеха, все-таки, достиг я, и не только потому, что великолепен, но и потому, что упорен. На тысячный, может быть, раз позвоночник под моими лапами поддался и стал сгибаться под неестественным углом, от чего чудовище пригнулось к земле, подставляя голову и плечи слаженным атакам котовьего войска. Во все стороны полетел черный пух, оседа на шерсти бойцов и в весенней слякоти вокруг, и через небольшое время колосс пал.

А я, конечно же, оказался царем горы, так и не выпустив свою добычу из когтей.

Двекошки вспрыгнула на голову твари, потрогала лапкой погасшие глазницы, громко фыркнула, брызгая слюной, и, подойдя ко мне, уселась и стала умываться, не обращая внимания на то, что попирает чужой трофеей.

— Что же, что же, кот Вот, ты молодец, — похвалила она меня. — Знатный враг. Знатная охота. Ты теперь, наверное, Кот, который скогтил тень.

Я приосанился, распушивая свой немалый воротник, и гордо повернулся в профиль, но долго не продержался, потому что от любопытства не только кошка сдохла, но и кот не может вполне вкусить свой триумф.

— А что это за враг? — спросил я, потому что из всех котов и кошек Двекошки только и могла бы ответить на такой вопрос.

— Один из Этих, — она дернула носом. — Спит не крепко, ворочается, и ему снятся плохие сны. Это был дурной сон.

Я скривился, косясь на подванивающую добычу. Если у непонятных “Этих” такие сны, то с ними явно лучше не сталкиваться.

— И что будет, если Этот проснется?

— Всенец, — кратко ответила Двекошки, встала, вытравила трубой хвост и пошла прочь, сигнализируя конец охоты.

Остальные постепенно последовали за ней, негромко переговариваясь и растаскивая стремительно усхающую тушу на сувениры, и в итоге возле бронзовых людей, в снова-тихом сквере остались только я ... и тупая псина. Она посмотрела на меня, махнула туда-сюда хвостом и неуверенно гавкнула, но я испытывать свою удачу не стал, и вместо приветствий влетел обратно на голову статуи и засел там, приветливо облизывая лапу с грязными после драки когтями.

Собака села внизу и начала ныть.

Кажется, вечер обещал быть томным ... и долгим.

Я успел совершить туалет трех лап из четырех, когда к собаке подбежал ее запыхавшийся, одновременно расстроенный и радостный хозяин.

— Больше так никогда не делай! Плохой, плохой мальчик! — усовестил он псину, впрочем, не пытаясь проучить ее поводком или заваливающей тапкой. Это был в корне не верный тип воспитания, но разве кто-то будет слушать кота в вопросе о том, как надо обращаться с собакой? Так что я даже слова не стал тратить. Дождался только, пока продолжающий совестить непослушное животное человек отойдет подальше, и грациозно

спустился вниз, намереваясь отправиться, наконец, домой. И без того задержался!

Торопясь, я вынырнул из кустов под носом у какой-то припозднившейся бесхвостной девчонки, и она в самом деле подпрыгнула от страха и завизжала так громко, что я даже пригнулся от звуковой волны. К ее чести, разглядев меня, орать она перестала, схватилась за сердце и принялась хохотать. Вот она, девичья непосредственность!

— Ой, божечки-кошечки, да ты всего лишь кот! А я-то перепугалась! Ты не представляешь, как страшно тут идти. Каждый вечер иду и обмираю! Я тебя тоже напугала? Иди, почешу! Красивый ты какой, пушистый! И огромный!

— Перцовый баллончик купи, — буркнул я, выворачиваясь из ее рук. Чесать меня — в некотором роде привилегия, и не всем это дозволено.

— Мамочки, еще и мерещиться, — снова нервно рассмеялась она. — Надо, что ли, перцовый баллончик, в самом деле купить. Или найти попутчика.

Вот и заведи, подумал я, выдергивая из ее рук свой хвост.

А меня не трожь. Я священный. Только вот, конечно, уж точно не святой.

Удивляясь сам себе, на следующий день в восемь часов вечера Илья обнаружил себя идущим вдоль Российской детской библиотеки и дальше, мимо дворика и корпуса три. Через проезд было видно депо имени Апакова, и Илья даже немного поежился при смутном воспоминании о плотоядном трамвае, который то ли был на самом деле, то ли привиделся в алкогольном бреду. Все-таки Айкин папа знатно умел спаивать случайных собутыльников, каждый раз коль скоро Илья нарывался на него, так и возвращался потом на бровях и весь в глюках. Так что, может, и Пони Дэш ему привиделся вместе со всей чепухой. При этом Айкин батя пьяницей или алкоголиком не был, зато “дочкиных друзей” ценил без меры и готов был дегустировать в их компании разнообразные напитки со рвением, достойным лучшего применения. А так как он был музыкантом, причем популярным не сказать чтобы у молодежи, а вполне у людей постарше, арсенал домашнего бара пополнялся эффективно и даже без затрат, исключительно за счет щедрых даров.

Напротив входа в торговый-деловой центр, конечно, никого не было, и из ярких пятен вокруг — вообще только далеко впереди чья-то красная куртка, на секунду вызвавшая нервный всплеск адреналина. А вот Дэша-Пони не было, и Илья даже засомневался по второму кругу, “а был ли мальчик”. Впрочем, через полторы минуты его панибратски хлопнули по плечу, и Дэш в своем цветастом великолепии повис у него на плечах, опасно балансируя на лестнице на ступеньке выше.

— Брат! Привет, брат, а деньги есть? А то я того, потратился, — и он, радостно улыбаясь, помахал перед носом Ильи довольно стремным игрушечным пони в пластиковой упаковке.

— А это тебе зачем? — осторожно уточнил Илья, с оттенком недоумения изучая подозрительную игрушку, имеющую такой вид, словно создатель ее курил что-то покрепче сигарет. Возможно, даже мухоморы.

— Это пони! Дружба это чудо, брат! — осклабился Дэш. — Так деньги-то есть? Э, хоть сто рублей? На мороженку.

— Ты за этим встречу назначил, что мне пони показать и денег поклянчить?

— Считай это, э, этим, добровольным взносом в фонд ... эээ ... информирования

населения, — Дэш прищелкнул темными пальцами. — Не жлобись, брат, купи мороженку.

Илья неодобрительно на него посмотрел, осторожно сгрузил со своих плеч и с максимальным апломбом двинулся в сторону продуктового магазина в том же деловом-торговом ТЦ. Поскольку магазин был из недешевых, на два мороженных, пару шоколадок и прочие запасы, которые Дэш незаметно и невозмутимо походя прихватил на кассу, ушло значительно больше сотни, но Илья, в самом деле, решил считать это своего рода данью: если Дэш в итоге расскажет что-то внятное, и станет внезапно понятно, как жить дальше, все будет значительно лучше. А так Илья до сих пор понять не мог, спятил он, или все-таки еще только на пути к этому.

— Куда теперь?

— Вон, во дворик, — Дэш указал вдоль улицы на вход в уютный внутренний дворик дома один, почти всегда тихий и умиротворенный, если там не обретались очередные бешенные подростки со своей музыкой и прочими излишествами. Однако, борьба местных жителей за тишину и порядок была вполне эффективной. Во дворике, обходя припаркованные машины, Илья направился было к лавочке, как Дэш внезапно цапнул его за рукав, поддернул к себе, одновременно чуть пригибаясь, и внезапно душа Ильи ушла в пятки, а пятки оторвались от земли.

Дыханье перехватило, а потом оно вылетело из груди, когда его ноги снова соприкоснулись с твердой поверхностью — вот только стояли они уже на крыше дома.

— Что, — начал было Илья, но Дэш перехватил его за шиворот влажной противной рукой и снова прыгнул, поднимая в воздух на долгие, корявые секунды. Илья как замороженный проводил взглядом крышу, деревья, фонтаны... и больно, зверски больно стукнулся коленями обо что-то твердое, инстинктивно зажмуриваясь, протягивая руки и цепляясь за теплую, нагретую солнцем поверхность.

— Эй, брат, долго будешь труса праздновать, э? — насмешливо уточнил голос над ухом.

Илья рискнул приоткрыть один глаз и обнаружил перед глазами бронзовое покатое плечо. Собственно, именно за вождя мировой революции он и цеплялся, и осознание этого факта заставило Илью сжать руки и пальцы еще сильнее.

— Ааа, — умно сказал он, не решаясь на крик и не рискуя повернуть голову достаточно, чтобы посмотреть вокруг.

— Да ты не парься, брат, — посоветовал Дэш. Подняв глаза темной поверхности, Илья с ненавистью обнаружил колени в потрепанных спортивных штанах буквально в паре сантиметров от своего носа. Дэш, ничуть не переживая о текущей ситуации, болтал ногами в грязноватых кедах, небрежно облокотившись локтем на воротник памятника. — Да не парься ты, э! Не свалишься, брат, вот, точно тебе говорю, вот смотри, — он демонстративно поставил обе ноги словно бы на воздух и отклонился назад так, что Илья даже зажмурился. — Да ты чего, э? Высоты боишься, что ли? Да не бойся. Если что, я тебя поймаю. Ну, сам подумай, засунул же я тебя сюда? И поймаю тоже, брат, не ссы.

Это вот “не ссы” почему-то оказалось достаточно убедительным. Илья разлепил глаза, оторвал руки от бронзового дедушки и попытался сесть нормально. Дэш тут же поймал его за предплечье, не очень деликатно поддернул вверх, и Илья, пользуясь его помощью для стабилизации себя в не слишком удобном пространстве, в который раз удивился нечеловеческой, в самом деле, силе своего нового приятеля.

— Я тоже таким суперменом стану? — поинтересовался он, уместив задницу на не слишком удобное плечо вождя и чувствуя себя от этого каким-то попугаем. Хотя нет, он был,

скорее, серо-коричневым нахохленным воробьем, а вот Дэш в своей яркой толстовке с цветным хохолком как раз на попугая и был похож.

— Неее, это вряд ли, брат, — расслабленно отозвался Дэш, разворачивая мороженое и кидая обертку вниз. Илья думал было сделать замечание, но его спутник лениво указал на летящий фантик пальцем, и он вспыхнул в воздухе моментальным огнем, оставляя только щепотку белого невесомого пепла, тут же размазанного ветром. — Просто я волшебный пони, вот так вот.

— От работы дохнут кони, — нервно процитировал Илья, шаря по воздуху ступнями в поисках невидимого чего-то, на чем стояли ноги соседа. — Ну а ты бессмертный пони.

— Точно! Вот это ты так хорошо сказал, — одобрил Дэш, радостно жуя свою добычу.

И — оп! Что-то поймалось. Илья осторожно, не глядя вниз, пощупал мыском опоры, но она была плотной, надежной и не прогибалась, так что он рискнул опустить на нее сначала часть веса ноги, а потом и весь.

— Вот, жуй, — Дэш сунул ему мороженое, но бумажку на этот раз бросать не стал, а просто запихнул в карман, скомкав.

— Спасибо, — уныловато отозвался Илья, без особого энтузиазма оглядываясь. Впрочем, вид был красивый: отсюда открывался чудный пейзаж с Крымским мостом, вполне достойный поэмы или песни, вот только желания что-то сочинять совсем не было. Туда-сюда шустро и не очень сновали люди, и Илья проводил взглядом девушку в красной кожаной курточке, идущую по краю сквера. Где-то он уже такую видел.

— А мы никого не шокируем таким пикником?

— Да ладно, брат, — отмахнулся Дэш. — Ты часто вверх смотришь? На небо, там, на облачка? Вот, на Ле-ни-на? Да никто не смотрит вверх, э? Хотя вот тут Лени-н, а будь я хоть негром преклонных годов, — внезапно продекларировал он. — И то, без унынья и лени, я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Лени-н.

— Как-то много нестыковок, — автоматически пошутил Илья. — Года у тебя не преклонные, а русский ты выучил.

— Да, брат, ну откуда тебе знать, может, мне сто двадцать... десять, и я, этот, ну, как его, горец! — рассмеялся Дэш, принимаясь за пакет с чипсами.

— Да я не удивлюсь даже, — грустенько ответил Илья. — Я уже почти смирился с тем, что попал в какой-то роман жанра городское фэнтези. Хотя все еще остается вопрос о том, что, может быть, на самом деле я нажрался мухоморов или лежу в коме в больнице.

— Не, э, брат, это было бы слишком просто, — хмыкнул Дэш. — Не выйдет. Придется тебе того, вроде того что мир спасать.

— Я все еще жду инструкцию к этому, — напомнил Илья. — Пока мне очевидно только то, что Шторм за мной гоняется потому, что я увидел, как он убивает того человека. Кстати, зачем?

— Чтобы, вроде как, э, подтолкнуть всадника, чтобы проснулся. Ну, как тебе объяснить, брат, — он задумался. — Ну, вот живет девочка, например, какая-нибудь, и кругом у нее все плохо. И парень бросил, и папа болеет, и двойка в четверти. Ну вот представь. И никто ее не понимает, друзей нет, ну адов сущий гадский такой вот ад. И если девочка, э, нужного типа, вместо отчаяния в ней просыпается Всадник. И его надо усыпить обратно, пока он не развернулся полностью.

— И как это сделать?

— Ну, обычно, предотвратить, там, новые беды. Э, наладить как-то проблемы. Такие

дела, да.

— А чтобы разбудить Всадника, нужно этих проблем новых создать?

— Да, раскачать, — Дэш покачал в воздухе рукой с пакетом чипсов. — Всадники, ну, четырех типов бывают. Ну, там, я говорил. Война, Мор, Голод, Смерть. Но Войну мы как бы не боимся. Боимся остальных.

— И как узнать, где оно просыпается? И почему не боимся Войну? — замороченно уточнил Илья.

— Ну, так бывает, можно угадать. Мы, звери, мы чуем. Хорошо чуем особенного того Всадника, который, как бы, наш. Ну, вот я тебе говорил, я — Конь Черен. Голод, значит. Значит, хорошо чую, когда Голод ворочается.

— А я?

— А ты пока стажер, Сессия, — весело рассмеялся Дэш, сверкая белоснежными зубами в опускающемся флере сумерек. — Да почему я, брат, знаю, какой ты зверь, может, и не зверь, а просто какой хитрый потомок фаэ, или альде. Но может и Зверь. Тогда и почувешь, так вот как-то, и узнаешь, и вообще. Вот Блед бы сразу сказал, но Блед далеко где-то, вроде как. Я ему писал, писал в фейсбучек, и а он не отвечает. Так что ты пока, значит, будет со мной на подхвате, и мы сами спасем мир, вот как-то так. Круто, да?

— Обосраться просто, — отозвался Илья, забывая даже, что восседает, как нечесанная ворона, на плече памятника на высоте четвертого этажа. Осознание того, что пресловутые “звери апокалипсиса” переписываются через социальные сети, было несколько ошеломительным. — А Блед, он Зверь Смерти, получается, и всадника Смерть ловит?

— Да ты гений, вообще-то, точно говорю, — преувеличенно восхитился Дэш. — Вот поэтому именно Смерть особо тоже не надо бояться, она будет спать, вроде так, как-то, потому что Блед справится. Ну, Голод, Голод, что, ну, ловлю я Голод. Когда лучше, когда хуже, ну, как получается. С Мором трудно, — он сморщил нос и сделал паузу на невеселое хрумканье чипсами.

— А с Войной?

— А, Война, — Дэш досыпал обломки чипсин себе в рот и скомкал упаковку. — Вот Войну я тебе покажу. Вон она, Война, — он показал рукой с зажатым в ней мусором мимо Ильи, на сквер, где, кажется, пятый круг вокруг нарезала девчонка в красной куртке.

— В смысле? — чуть не свалился со своего насеста Илья, вытягивая шею. — Да ты меня разводишь. Это вот Война?

— Ну так, брат. Натуральная.

— А что она тут делает?

— Ходит.

— Ты издеваешься?

— Не, ну, а что, не ходит, что ли? — Дэш явно наслаждался бурной реакцией приятеля, похихикивая. Заметив это, Илья сделал над собой усилие, чтобы снизить градус накала страстей.

— Может, все-таки объяснишь?

— Ну, что особо объяснять, ну, Война она. Почти до конца пробужденная, между прочим. Но там, вроде как, что-то пошло не так, сама она справилась, или кто помог, но вот так как-то вышло, да? И она, типа, Всадник, но ничего не делает. Заперла она Войну, понимаешь, брат? Собой заперла, и, пока держит, мировой войны точно не будет. Рука там, не дрогнет, нервишки не сдадут, и все такое. Конфликтовать будут, стрелять будут. А вот

планету не грохнут, и на том спасибо.

— И она как, понимает? Что она это самое?

— Да не, брат. Вроде как, и не понимает. Но себя держит, и мир держит, и все нормально, поэтому хорошо. А нам от нее другая польза есть. Дорога за Порог, вроде как, закрыта, фаз перекрыли, но вот с какой-нибудь штукой от Войны пройти можно.

— Штукой.

— Ну, там, шарфик пойдет, конечно, да, но металл лучше всего держит память, а самый простой металл это монетки. Поэтому проще всего монеткой. Я у нее, типа, клянчу, да?

— И что, ты просто подходишь и говоришь, мол, дай монетку, мне надо, куда там? За Порог?

— Ну, зачем, зачем так-то вот, — посмеялся Дэш, сверкая зубами. — Да сейчас покажу, брат.

Он поднял ладонь ко рту,дохнул, что-то сказал и потом несильно стукнул этой рукой не успевшего увернуться (и не ожидавшего такой подставы) Илью по уху.

— Эй!

— Так надо, брат! А теперь смотри и слушай, да? — сказал это, Дэш легко соскользнул с плеча Ильича и полетел вниз, словно нелепая птица. Илья даже успел испугаться, но буквально в двух метра от земли парень вывернулся и медленно и плавно опустился на ноги, после чего вытащил из-за пазухи тонкую пачку каких-то листовок и побежал догонять ближайшего прохожего.

— Тут близко! Приходи в солярий, будешь красивый, прямо как я! — невероятно отчетливо услышал Илья одним ухом — тем самым, которому досталось. — Красивый будешь, приходи, да! Девушка, девушка, погоди, э? Красавица, помоги! Видишь, вот, работаю, листовки раздаю, а сам голодный совсем! Выручи монеткой? Ну хоть пять рубликов?

— Блин, тебе медом намазано? — услышал Илья голос Войны. Звучал он, впрочем, не злобно, а скорее устало или задерганно, но при этом даже с оттенком шутки. И еще он казался смутно знакомым. — Ты всегда с листовками и всегда голодный.

— Я студент же, красавица, бедный голодный студент, да? Видишь, живот к спине прилип?

— Так, стриптиз прекрати, — а вот тут уже явно звучал смех. — Я тоже бедный студент, тебе не стыдно? Ладно, если есть что, считай, что тебе повезло.

— А ты, красавица, замужем? А?

— И это ты тоже уже спрашивал.

— Вот беда!

— На, держи, — Илья расслышал бряканье монеток. — Сомневаюсь, что тут больше, чем на “Доширак”.

— Век помнить буду, красавица! Может, телефончик дашь все-таки, а?

— Да уйди уже, — девушка, явно веселясь, отвернулась от Дэша и, маша рукой, пошла к кому-то, только что увиденному, ускоряя шаг.

И вот когда Илья разглядел, к кому она направляется, он узнал и саму Войну.

— Ку-ку, брат, — раздалось у него над ухом, и Илья дернулся так, что едва не свалился вниз... снова.

— Почему мне кажется, что ты имел в виду другое слово, а не “брат”? — проворчал Илья, глянув на него искоса и возвращаясь к наблюдению за Войной.

— Да это тебе показалось, точно вот, брат, — довольно рассмеялся Дэш. — Это ты, наверное, вот, имел ввиду другое слово! А с виду такой приличный чувак, э, брат?

— Да ну тебя, — отмахнулся Илья. — А куда они сейчас?

— Ну там на мост? Или в парк. Да кто их знает-то, э?

— Ты же знал, что твоя Война тут будет, почему не знать, куда она пойдет?

— Ну так это, приходит-то она сюда каждый понедельник, а пойти они могут куда угодно, ну девицы же, ветер у них там, вот, — пояснил Дэш. — Э, ну, хочешь, пойдём за ними, если тебя так плющит? Что, запал, что ли?

— Нет. Я просто их знаю.

— В смысле?

— Обеих знаю. Одноклассницы. Ната и подружка ее, одна из. Не то Маша, не то Глаша. Или Саша?

— Маша, — нахмурил лоб Дэш, что-то соображая. — Кажется.

— Зачем знать такие мелочи, да? — выгнул бровь Илья. — Как отсюда спуститься?

— Прыжком.

— Я серьезно.

— А я тоже, брат. Просто спрыгивай, и все.

— И ты меня поймаешь?

— Нет, ты себя сам, типа, поймаешь. А если не поймаешь, то, вот, понимаешь, значит судьба такая, упасть с Ленина, как-то так.

— Да ну тебя нафиг, — возмутился Илья, поднялся, упираясь в невидимую подножку и шагнул вперед, Дэш только и успел что руку протянуть к нему, а вот схватить уже не успел, и земля стремительно полетела навстречу.

Илья толком испугаться не успел, только подумать, что вот, наверное, в самом деле, упасть с Ленина — это та еще судьба, и никак такое не объяснить, и как Св будет ругаться на опознании, и вообще, но в последний момент, когда столкновение с серым асфальтом казалось уже неизбежным, его дернуло за плечи вверх, словно невидимые крылья взметнулись, и его резко перевернуло, и стряхнуло из воздуха с высоты в двадцать сантиметров.

Илья аккуратно встал на ноги и передернул плечами, чувствуя себя не иначе, как архангелом с небес, и все-таки, каким-то боком начиная верить в реальность всего, что происходило. Может быть, он даже сегодня поставит ногу на рельсу рядом с депо Апакова, и на этот зов приедет кровожадный трамвай.

— Круто, брат, — похвалил его Дэш, возникая рядом. — Вообще-то как бы лучше бы мне тебя было подстраховать, но ты, э, норм так.

— Спасибо, брат, — в тон ему отозвался Илья, с удовольствием наблюдая за непередаваемой гаммой чувств на лице собеседника. Что же, в эту игру можно играть не только в одни ворота, а Дэшу до сих пор просто везло: Илья был слишком растерян от происходящего кругом непотребства, и поэтому был тих и смирен. Но “тих и смирен” никогда не было про него, или про его семью. Собственно, легких мишеней в их генеалогии не водилось. — Со мной идешь?

Дэш кинул долгий взгляд в сторону подземного перехода, в сторону которого удалились Маша-Глаша-Война и ее подружка, и покачал головой.

— Лучше с ней не знакомиться мне, э? А то как потом монетки клянчить?

— А, трусишь, — хмыкнул Илья. — Трусь. Только номер свой дай уже, а то хрен знает

как тебя искать.

— А вот не надо меня искать, так вот так-то, — с достоинством ответил Дэш, но достал из-за пазухи один из своих неистребимых флаеров и записал на полях ручкой набор цифр. — Держи, брат, сходи в кафе, в конце-то концов, шаурма там вкусная, если что. Отвечаю, без кошек, точно тебе говорю! Я кошек не ем.

— Да уж, “брат”, это было бы фиаско, — хмыкнул Илья, скомкал флаер в карман и махнул рукой новому приятелю. — Бывай, увидимся.

— Вот вали уже, давай, — дружелюбно отозвался Дэш и был таков. Удивительно, как он умудрялся растворяться в пространстве без следа?.. Очередной талант волшебного пони? Пожалуй, Илья хотел бы так уметь.

А пока магические таланты запаздывали проявляться, пришлось просто прибавить ходу, ловя впереди силуэты девчонок, которые продолжали упорно двигаться куда-то вдоль Ленинского. Видимо, все-таки к Андреевскому мосту, который был теперь, конечно, Пушкинским. Хотя что там было делать вечером, Илья не мог себе особенно представить. Гулять? Мерзнуть в прохладном ветре с реки?.. Впрочем, когда он еще только поднимался по эскалатору, то понял, что именно: еще в районе дверей до него донеслись нестройные куплеты и струнные аккорды.

Подружки обнаружили аккурат рядом с гитаристом, длинным узкоплечим парнем. Тот, усевшись тощей задницей на желтый подоконник, играл что-то эпически развеселое, а стоящие и сидящие вокруг ребята не мелодично подпевали и пересмеивались, и случайные прохожие задерживались возле компании, чтобы послушать и даже иногда кинуть монетку в гостеприимно подставленную кепку.

— Хелоу, барышни, — Илья, подойдя с тыла, опустил руки на плечи обеих девушек: и Маши-Глаши-Войны, и Наты, всовывая голову между ними.

Ната открыла было рот для визга, а ее подружка занесла локоть, чтобы отвести нежданное внимание, но, к счастью, его все-таки узнали и никаких казусов не произошло.

— Илька! — обрадовалась Ната. — А ты тут откуда?

— Гулял с приятелем. Увидел вас и решил догнать, поздороваться, — не покривил душой Илья, душевно приобнимая обоих за плечи. Война не ощущалась как-то особенно по отношению к Нате, но внутри себя юноша почему-то слышал что-то вроде очень, очень глухого и тихого ритма, который сопровождался привкусом железа и крови, если он на нем концентрировался. Впрочем, если не обращать внимания, странное чувство тут же приглушалось и пряталось.

— А у нас тут понеделничный пряник, — дернула его за щекоющую ее прядь волос Ната.

— Это как?

— Это награда всем нам за то, что мы никого не убили в первый же день рабочей недели, — пояснила Маша-Глаша-Война, и из ее уст для Ильи это прозвучало несколько мрачновато, хотя, видимо, предполагалось шуткой.

— Ага, — подтвердила Ната радостно. — Собираемся нашей компашкой из чата в ВКшечке и умиротворяемся.

— Прикольнo, — прокомментировал Илья. — Участие, как, по инвайтам, или свободное?

— Считай, что у тебя есть инвайт, — хлопнула его по плечу Ната и махнула свободной рукой, привлекая внимание гитариста. — Эй, Звон, Звонский Звон! Это Иль, помнишь, не

фотках с феста? Это он!

Звонский, или Звон, или как там его на самом деле звали, изобразил поклон, прижав руку к груди.

— А что, на означенных “фотках” гитара была для антуража, или ты играешь? — уточнил он. — Потому как песни это ценная валюта! Потому что у меня уже руки устали.

— Играет-играет, — без зазрения совести “сдала” его Ната.

— Играю немного, — с сомнением признался Илья и щипнул предательницу за что попало.

— На, — Звон без прелюдий протянул в его сторону гитару, так что Илье пришлось выпустить девчонок, взять инструмент и устроиться рядом с коллегой-музыкантом на подоконнике.

— Я даже не знаю, что у вас тут принято петь, — пожаловался Илья, автоматически проверяя струны. Он бросил короткий взгляд на Звона, отвернулся и тут же посмотрел снова, не очень понимая, в самом ли деле видит то, что видит, или ему уже от общения с Дэшем кукушечку закукушило.

— Что-нибудь, — зубасто улыбнулся Звон и добавил потише. — Да что нравится самому, то и играй, господин Зверь.

— Да уж, я то еще животное, — не дрогнув голосом, ответил Илья и отвел глаза, чтобы не пялиться на внезапно обнаруженные у собеседника остроконечные уши. Кончики задорно торчали вверх и в стороны из-под несколько неудачно выкрашенных в золото кудрявых волос, и игнорировать их существование было ужасно сложно.

— Особой масти животное, — хмыкнул он, словно нарочно заправляя пряди за уши и открывая из сильнее.

Илья неодобрительно на него посмотрел, бренькнул неопределенный аккорд и начал первую же пришедшую на ум песню, потому что, вроде как, этого от него ждали.

Звон прекрасно угадал мелодию, кажется, с одной ноты или двух, но сбойнул, только открыв и немедленно закрыв рот, из-за того, что песня в оригинале была англоязычной, но пел ее Илья по-русски. Нахмурившись с веселым недоумением, он начал подтягивать со второго куплета, неплохо угадывая слова, а на припеве Илья отчетливо понял, почему местного менестреля именовали Звоном: голос у него был звонкий, оглушительно громкий, высокий, словно колокольное многоголосье.

— Годишься, — Звон похлопал Илью по плечу. — Не знаю, как насчет Зверя, но в местные развлекаловки годишься точно. Так что приходи, гостем не будешь, а эксплуатируем будешь. Только гитару, будь добр, свою приноси, а то я на тебя струны не собираюсь запасть.

— Я подумаю, — полусерьезно пообещал Илья. — Твоя очередь?

— Нет уж, — расхохотался Звон. — Работай, давай, раз уж ты есть.

— Раз уж я есть, — проворчал Илья, но спорить не стал. Компания приятелей Наты оказалась достаточно милой и благодарной публикой, так что сыграть что-то, и потом еще что-то, и потом еще несколько раз перед тем, как Звон решил-таки дать ему отдохнуть, было не так уж и трудно. Да и очень хорошо это развеивало странные мысли и события прошлых дней, так что Маша-Глаша-Война казалась совершенно обычной девчонкой, какой она и была в школе, а вовсе не знаком судьбы или предвестником конца света. В награду за музыку его даже угостили пивом, а сворачивая лавочку, Звон щедро высыпал ему в руки половину монеток из попрошайной кепки.

— Держи гонорар, — хмыкнул он. — На струны.

— Мои струны дороже стоят, — рассмеялся Илья.

— Скромнее надо быть, — отозвался музыкант, пока Илья пытался рассовать мелочь по карманам. — Приходи еще, в общем.

— Может быть. Если ты мне внятно пояснишь, что ты такое.

— Я? Чему вас только учат в ваших сельскохозяйственных академиях, — весело фыркнул тот. — Я альде. Надеюсь, слово знакомое? Нет?

— Про альде я знаю только то, что они вместе с трамваями пришли по хрустальному мосту откуда-то неизвестно откуда.

— С трамваями! Это не трамвай. Это симбионт, и выбора у нас особо не было. А вообще, учебник, что ли, почитай, — посоветовал Звон и старательно замолчал, потому что на Илью сбоку напрыгнула Ната.

— Вы все, свернулись? А Илька, Илька, ты нас проводишь? До Калужки, там я на метро, и Машка на метро? Ну, пожалуйста! Впотымах стремно, за каждым кустом — враг!

— Парня себе заведи. Баллончик купи газовый. А у меня лапки! — живо отозвался Илья, вспоминая свой опус про суперкота. — Да провожу, конечно. Идем.

Интересно, порхает ли вокруг волшебный пони, осененный невидимостью? Может, все-таки ушел домой, или где там обитают волшебные пони? В волшебных странах?.. На мосту Илья его не заметил, да и на обратном пути к площади тоже, и попрощавшись с девчонками, двигаясь в сторону трамвайного депо, ничего ярко-голубого так и не увидел. Зато, стоило занести ногу над зеброй перехода, как внезапно мир почти полностью остановился, словно кто-то нажал на паузу. Пахнуло влажным железом, и Илья, внутренне холодея, поднял взгляд.

Глава 3, в которой все друг другу помогают, но не всегда

На другой стороне дороги, глядя на него с интересом естествоиспытателя, стоял Шторм, и одна его нога касалась белой полоски на земле. Илья внутренне набычился, заставляя себя злиться, а не бояться, и решительно поставил ногу между линий разметки. Удивительно, но именно разметка и осталась — только она одна, а дорога, асфальт, машины и дома втянулись внутрь пространства, загороженные черными ветвями деревьев. Под ногами запружинил дерн, и на него, кружась, падали мелкие снежинки, совершенно неуместные в почти-теплую весеннюю погоду нормального мира.

Шторм, делая шаг вперед, неуловимо изменился тоже, словно следуя поданному окружающим миром примеру.

Рыжие волосы залились кровавой краснотой под стать плащу, смуглая кожа блеснула бронзой, и злое расплавленное золото мелькнуло между ресницами, яркое, словно прожектор. Илья видел своего противника очень четко, ярко, словно вырезанную по контуру картинку из книги сказок: как тот откидывает назад руки и наклоняется вперед, нарушая законы гравитации и биологии, и от этого воздух начинает бить концентрированной струей прямо в лицо, в грудь, мешая дышать. Илья захлебнулся было, а потом стук крови в ушах стал ритмом, а вой ветра мелодией, которой нельзя было противиться. Он слышал ее когда-то, чуть ли не на всеевропейском смотре не песен, а понтов, а теперь она вылезла откуда-то из глубин памяти, настойчивая, словно дрель.

Он открыл рот и полупшепотом подпел этой мелодии:

— В зное пустыни бескрайней снегом песчинки летят, — его голос был почти не слышен, но Илья, не отрывающий взгляда от Шторма, заметил короткое мерцание, словно яркая уверенность противника чуть колыхнулась от ветра. Поэтому парень облизнул обветренные в кровь губы и упрямо продолжил. — Ночь раскрывается тайной, ветром холодным свистя.

И ему даже удалось сделать шаг, тогда как Шторма отнесло чуть назад, сдвигая обратно на первую полосу зебры с его стороны.

— Этот путь, которому буду я верен; этот путь, которым иду я сквозь время, — поднимая голос выше ветра, не то проорал, не то пропел Илья, внезапно чувствуя за словами какую-то силу, неизвестно откуда идущую, неизвестно куда влекущую его. — Этот путь нам рельсами ляжет под ноги и назад когда-то вернет нас с дороги.

Словно это было триггером, спусковым крючком: мир враз отмерз, черные ветви деревьев истаяли с ветром, и светофор, мигнув, почему-то переключился на красный. Не успев погасить инерцию, Илья прошагал вперед, почти до конца перехода, пока с Ленинского не метнулся какой-то шустрый водитель, поворачивая на свой законный зеленый и не сильно глядя вперед. Илья успел только голову повернуть в его сторону и рефлекторно выставить перед собой руки.

В последнюю секунду завизжали тормоза, машину развернуло, и боковой удар корпусом пришелся по пустому месту, где только что стоял Илья.

А вокруг него была тишина, и мягкий дерн под плечами, и черные ветки снова оплетали местное небо, которое Илья в первый раз разглядел: высокое, глубокое, такое пронзительно синее и ледяное, что делалось почему-то немного неловко.

— Харе валяться, — вежливо сказал кто-то сбоку, и Илья, поднявшись на локте, обнаружил давешнего музыканта с моста, который, опустившись на одно колено, с сомнением разглядывал его. Странное место изменило и Звона: крашеное рыжее золото волос уступило место густой черноте, кожа, напротив, стала прозрачной до голубизны, а черты лица неожиданно заострились, став настолько точеными, что об углы, казалось, можно было порезаться. — Что? И на Пороге ты новичок?

— Да уж как будто бы, — Илья, держась за землю, осторожно поднялся, и Звон встал тоже, оказавшись на этот раз не просто высоким, а почти на голову выше его. Звон был сейчас длинный, как оглобля, с такими же длинными руками и ногами, тревожно-несуразный, остро заточенный, словно обитатель ночных кошмаров.

— Ну вот учись тогда, если ничего не успеваешь сделать в мире, вылезай на Порог. Это хорошо еще, что меня позвали тебе помогать, мог бы ведь и не успеть, если бы был чуть менее добросердечным.

— Я только что тут был уже, — обернулся вокруг Илья. — Только здесь была “зебра” от перехода, и Шторм меня пушил.

— Против шерсти пушил, или расческой обошелся? — моментально уточнил Звон, ослабляясь.

— Давил он меня, — сморщил нос Илья.

— Но ты его передавил?

— Вроде, да, — не очень уверенно сказал парень, отряхиваясь. Может, Шторм нарочно поддался, чтобы Илья выпал под машину и некрасиво умер во цвете лет? Илья еще раз провел по куртке, которая почему-то была из другой ткани и другого цвета, чем минуту назад, стряхнул коричневую труху и неизбежно обратил внимание на свои руки. Порог, видимо, изменил и его тоже, и он не отказался бы от зеркала, чтобы понять, как именно. По крайней мере, ногти у него почему-то стали кристальными и выпуклыми, а форма пальцев изменилась до неузнаваемости.

— Ты поосторожней бы, а то как корова на льду, — подумав, предупредил его Звон.

— А как отсюда выбраться?

— Выдохни, — Звон отошел немного, что-то прикидывая, и поманил Илью за собой. — Сюда иди, а то опять под машину попадешь. А теперь вот выходи давай.

— Вот я и спрашиваю — как?

— Выдохни воздух Порога, говорю, — повторил не слишком понятную инструкцию менестрель. Но Илья попробовал: закрыл глаза и выпустил воздух из легких. А когда внутри начало гореть, открыл глаза снова.

Звон все рассчитал правильно: они стояли за углом здания на другой стороне дороги, и на проезжей части змеились блестящие рельсы, заворачивая в депо.

— Можно мне не провожать тебя за ручку до дома?

— Постараюсь не плакать навзрыд от такой подлости и отсутствия рыцарства, — автоматически отшутился Илья. — Впрочем, как насчет дельных советов и напутствий на случай встречи с другими этими вашими альде?

— С Хазрой не связывайся, он вашу братию страсть как не любит, — почесал нос Звон. — Особенно с тех пор, как кто-то из ваших закрыл дорогу в Страну Фаэ, и всем стало резко неудобно жить.

— Именно “из наших”, а не “из ваших”?

— Да зверь это был, точно, к гадалке не ходи, — отмахнулся Звон. — Кроме зверя

такую штуку и проделать некому. Фаэ не станут сами себя запирать, а из альде толком даже шарахаться уже не от кого. Первые повымерли уже, а потомки ничего не помнят и не умеют. Измельчали мы, кровь истончилась.

— Но от “Хазры” все-таки шарахаться? — уточнил Илья.

— Бежать сломя голову, — важно кивнул Звон.

— Хорошо. А кто такое Хазра, и как его узнать? — спросил парень, надеясь не услышать, что у означенного Хазры рыжие волосы, и носит он красный кожаный плащ.

— А справочник тебе не выдать? “Волшебные твари и где их отыскать”?

— А что, есть такой?

— Тьфу на тебя, — рассмеялся Звон. — Ладно. Не промахнешься, знаешь, если покажешь хвост альде, который на тебя зарычит и кинется жрать.

— Прямо так?

— Ну а ты как думал? Это полукровки вроде меня мирные.

— Что-то меня слишком часто в последнее время угрожают сожрать, — посетовал Илья. — Ладно. Спасибо за предупреждение.

— Через неделю приходи. Со своими струнами, конечно, — напутствовал его Звон, развернулся и пошел куда-то в сторону Шабловки. Илья же, нервно выдыхая и смеясь сам над собой, поставил ногу на рельсы и тут же убрал.

Удивительно, но ярко освещенный трамвай не заставил себя ждать: мягко звякнул, останавливаясь, и гостеприимно растворил двери.

Илья собрался с духом и зашел внутрь, словно финализируя для себя некое внутреннее решение и уверенность, которые толком даже в слова нельзя было облечь.

— Вообще-то, брат, я хотел тебе Страну Фаэ показать, чтобы ты поверил, — сказал Дэш Илье, качаясь на косоватой детской качельке в маленьком дворике возле Кочновского проезда. Места встреч с волшебным пони отличались затейливостью географии, и Илья плохо себе представлял, чем же все-таки на самом деле занимается Дэш в свободное от спасения мира время. Он, правда, утверждал, что студент, но с конспектами его Илья не видел еще ни разу. — Но ты сам как-то поверил. Даже скучно.

— Ты из качелькового возраста не вырос? — провокационно спросил Илья.

— Пока моя задница влезает в качельки — неа, — гордо ответил тот, подлетая повыше. Качели яростно скрипели, и Илье, чтобы не морщиться от предчувствия беды, приходилось напоминать себе о прыжковых навыках приятеля.

— Шторм вчера пытался меня запустить, — казуально сообщил он, чтобы отвлечься. — Но я его в ответ запустил сам. И мне немного помог альде по имени Звон. Ты такого знаешь?

— Звонкий? А, — без особых эмоций в голосе уточнил Дэш и кивнул. — Ну, он вроде как, ну норм. Не вау, но норм. А со Штормом что вышло?

— Мы с ним оба были, как это по вашему? На Пороге. Он наклонился как Майкл Джексон, и на меня ветер подул. А я ему спел. По идиотски звучит?

— Ага. Хоть сериал снимай. Мексиканский.

— Почему мексиканский?

— А черт его знает, я в сортах сериалов не разбираюсь, — хмыкнул Дэш, но явно заставил себя посерьезнеть, чтобы продолжить. — Так вот, брат, нам пора бы вместе взяться за проблемку. Кто-то решил приблизить конец света и раскачивает всадника, я почти уверен, что вот этот всадник — Мор. Основное шебуршение производит Шторм, нафига ему это надо — черт его знает. Как он вычислил всадника — черт его знает. Как нам найти — черт

его знает.

— А как черта найти, чтобы у него узнать все, что он знает?

— Да кто б рассказал, — жизнерадостно ответил Дэш. — Правда, я спер паспорт того чувака, которого Шторм грохнул. Но он, как-то вроде один жил, по адресу никто не открывает.

— Прямо так и спер? — немного ужаснулся Илья.

— Ну, а как еще было выяснить?

— Выяснил?

— Не-а. Но могло бы и помочь! Если бы всадник был, например, его дочерью, или что-то вот такое. Так часто бывает.

Илья задумчиво почесал нос.

— Он у тебя с собой? Паспорт?

— А то, — Дэш, не слезая с качелей и не прекращая раскачиваться, одной рукой залез куда-то во внутренний карман и долго там рылся с донельзя задумчивым выражением лица. Видимо, там были залежи чего-то полезного, например, нефти. — Лови, брат!

Илья, едва не свалившись с лавочки, поймал паспорт и пролистал. Женат дяденька не был, или развелся до смены паспорта, детей не вписано, тоже. Один штамп о прописке, больше ничего.

— Ладно, — заключил Илья. — Поможем нашему горю.

— И что делать станем, брат?

— Мы спросим у Св, — уверенно сказал Илья.

— И как это вот поможет, э?

— Зависит от Св, — Илья достал телефон и нажал вызов. — Ага. Св, а Св? Что значит не подлизываться? Да я не умею. Поможешь? Ну, пожалуйста! Нет, вряд ли незаконное. Я ежедневник нашел, вернуть хочу. Ну, мало ли, человек переживает? Тут всего куча, я даже не вчитывался. Нет, телефона нет. Только фио. Ну не будет же полиция этим заниматься? Ну, серьезно, Св. Чего бы не вернуть? Нет, я не связался с плохой компанией. Негр? Фу так говорить, он афроафриканец. И зовут его Дэш. Я тебя потом познакомлю. Нет, он не толкает дурь. Нет, я уверен. Ты поможешь? Спасибо! Ты самая лучшая Св из всех Св. Жду. Дааа чмоки.

— Чмоки, — заржал Дэш, стоило Илье положить трубку.

— Цени, я между прочим, врал из-за тебя, — проворчал Илья, убирая паспорт чувака себе в карман. — Потому что уж какую дурь ты толкаешь про конец света и всадников, просто атас.

— Как она меня спалила, э, брат? — с уважением уточнил Дэш. — Я вроде как ей не попадался.

— Так патруль небось нас засекал, а Св все наше ОМВД знает.

— И кто у нас Св?

— Следователь у нас Св, — хмыкнул Илья, который просто обожал сообщать эту информацию и наблюдать за гаммой чувств на лицах собеседников.

— Вопросов больше не имею, — вздохнул Дэш. — Осторожней надо быть, вот, с твоей-то Св.

— Поздняк метаться, — весело фыркнул Илья. — Она тебя уже срисовала со всеми приметами.

Телефон в его руке завибрировал, Илья тут же принял звонок, поднимая вверх палец,

чтобы Дэш молчал в тряпочку.

— Ага. Как умер?.. А кому отдавать?... Одинокий? Ну, блин, Св. Не могу выкинуть, у меня совесть. А вдруг там важное что-то? Куда-куда поехать? Ты спятила? Ладно. Я сказал же — ладно. Гони адрес. Ага. Записал. Спасибо! Да понял я. Дэша? Хорошо, ладно. Бантик повязывать? Ладно. Чмоки, да.

— Ты ей меня продал, что ли, брат? — уточнил Дэш, ради такого случая даже прекращая раскачиваться.

— Нас обоих, фактически.

— Хоть не продешевил, э?

— Поездка на дачу и прохождение тобой фейсконтроля у Св в обмен на адрес ближайших родственников нашего покойника, — обрисовал в общих чертах перспективы Илья, не углубляясь в феодальные споры относительно дачи.

— Ооокей, брат, — потянул Дэш. — А на дачу обязательно, э?

Собственно, Св никак не собиралась привлекать к этому процессу едва ей знакомого Пони, но Илья быстро сообразил свою выгоду, поэтому неприлично радостно кивнул:

— Обязательно. Она проверит, так и знай.

— Ооокей, — повторил Дэш достаточно печально. — Только давай сначала адрес проверим, вроде как.

— Да уж на дачу посреди недели точно не поедет. Что б там не случилось, этому придется подождать до выходных. Даже если там в подвале кто-то вызвал Вавилонскую Блудницу.

— Вот честно тебе, брат, скажу, — сказал Дэш, спрыгивая с качелек. — Вот если Блудницу, то давай мы лучше туда сразу рванем, э?

— А что, это в самом деле бывает? — немного встревожился Илья, который, в общем-то просто пошутил.

— Ну так, брат, сам подумай. Там, значит, блудница, радости всякие, а мы тут мир спасаем? Э, неправильные у тебя приоритеты, вот так вот! Нельзя постоянно только работать, чтоб ты вот так знал бы. От работы дохнут кони!

— Ага. Только ты бессмертный пони, — поддел его Илья. — В любом случае, подвиги нас заждались, по адресу ... ээ... где это? Улица Лобанова?

— Ты у меня спрашиваешь, брат? — возмутился Дэш. — Я вот что, похож на коренного москвича, э?

Илья смерил его критическим взором и кивнул.

— Невероятно похож.

Однако, искать означенную улицу Лобанова пришлось все-таки Илье: Дэш, обретя помощника в его лице, легко и с огромным удовольствием скинул с себя часть груза ответственности, и легкомысленно порхал вокруг, словно немного сумасшедшая бабочка с цветным хохолком.

— А что мы будем делать, когда найдем семью этого человека? — спросил Илья, когда они уже шли по пешеходному мосту через ТТК, который упирался, собственно, в искомую улицу, судя по карте.

— Что-нибудь такое, — легкомысленно отозвался Пони.

— Какое “такое”?

— Ай, да забей, брат, придумаем что-нибудь. Для начала надо хотя бы найти, выяснить, кто там живет, и все такое.

— Кто там живет, я тебе и так скажу. Брат этого дяденьки, Николай Юрьевич Порываев. Его, судя по всему, жена Инга, их дочь Алёна.

— Ну так уже что-то, — еще больше обрадовался Дэш. — Может, нам повезет, и всадник, например, любимая племянка бедного дядечки. Девочка, может вот, печалится по нему, плачет. Ночей не спит.

— Девочке тридцать семь, — вздохнул Илья. — Она мне в мамочки годится.

— Ну так мало ли, девочки разные бывают, вот так вот, чтоб ты знал, — отмахнулся приятель. — Давай так, вот сейчас выясняем, где эта квартирка, перетираем с местными бабками и прочими социальными элементами на предмет сплетен, а потом уже решаем, что конкретно делать. Без разведки, брат, в нашем деле никак.

— Ладно, тебе виднее, — согласился Илья, спускаясь вместе с Дэшем из перехода на площадь-сквер. Удивительно, но практически все деревья вокруг оказались яблоневыми: только несколько кустов сирени разбавляло садовое изобилие, и она неизвестно каким ветром занесенная сюда шелковица. Впрочем, не будучи ботаником, Илья бы этого и не заметил, но его неожиданно просветил Дэш.

— Отпад, — прокомментировал тот. — Шелковица!

— И это что-то значит?

— Это значит, что мы сейчас быстренько, без смс и регистрации, выясним, туда ли мы вообще идем, вот так, — радостно сказал Пони, прошествовал по газончику к дереву и положил руки на ствол, не слишком стесняясь гуляющих. А народу кругом было достаточно: кроме отдыхающих пенсионеров было полно молодежи, ровесников Ильи, видимо, студентов ближайшего вуза. Все это галдело, смеялось и бузило, но Дэша ничуть не волновало. Он прислонился к дереву лбом, помедлил так, и начал отходить, отодвигаясь буквально по миллиметру, и Илья, не слишком веря своим глазам, наблюдал, как из коры дерева, вытягиваясь вслед за движением Дэша, словно бы выныривает вполне оформленное лицо.

— Привет! — сказал Дэш, когда из дерева появились уши, обрисованные завитками древесно-золотистых волос. — А тут Шторм не пробегал?

Древесное видение открыло рот, но ни звука оттуда не вышло: впрочем, Пони, кажется, это не мешало ее понимать. Со стороны вся сцена выглядела странно, но, кажется, на них перестали пялиться еще до того, как дриада, или что там это был начала вылупляться из дерева. Удивительно! А сколько он сам таких странных событий пропустил в своей жизни, просто прошел мимо них? Ну, стоит у дерева парень, может, пьяный. Или отлить нужно. Ну и что?

А он общается с духом дерева, неслышно шевеля губами и получая в ответ такие же безмолвные ответы.

— Ну так вот, брат, — вернулся к нему Дэш. — Все правильно нам твоя Св подсказала. В том смысле, что всадник почти наверняка в этой семейке. Шторм здесь постоянно отирается, Морейа сказала, что вон на той типа-башне стоит и зырит. Часто.

Илья непроизвольно поднял голову вверх, оглядываясь на ближайшее здание, в самом деле украшенное боковыми надстройками, похожими на башни замка. В теплом вечернем свете то и дело чудилось, что над ними реют светлые флаги, но это были, конечно же, облака. К счастью, никаких подозрительных фигур в красном там не виделось, а то это было бы уже слишком.

— А что она, вообще, такое? Морена твоя?

— Ну, Морейя — фаэ, дух дерева, вот этого вот. Если ты, брат, видишь какое-то необычное дерево, ну, вот, например, как тут, шелковица, они не растут тут, на самом деле, значит, такое дерево растет тут в Стране Фаэ, и мы, типа, просто видим его отражение. И, значит, это такое особо дерево, и в нем живет девчонка-дерево. Верняк, короче, вот так.

— Девчонки-деревья не только так живут, — автоматически отозвался Илья, но уточнил на всякий случай. — И как с ними говорить? Как их понимать? У них свой язык?

— Ага. Молчанка называется. Да не дергайся, если она захочет с тобой поговорить, будет, что сказать, поймешь, как миленький.

— И что еще ты сейчас напонимал? Или мне из тебя клещами по слову тянуть?

— Э, не, брат, держи свои грязные мысли при себе! — блеснул белыми зубами Дэш. — Такие дела, вот в общем, что надо нам надо понять, кто тут всадник, и какую колыбельную надо ему спеть. Я-то думаю так, что всадник — дочка, как ее там? Алёнушка. Потому что чаще девушки, чаще одинокие. Если она их таких всяких особенных, кого никто не понимает, то точняк она.

— А как определить-то? На самом деле.

— Ну а ты, брат, от Войны ничего не чуял?

— Ритм, разве что?

— Ну вот, значит, твое.

— То есть, ты “чуешь” иначе?

— Конечно. Я же не ты, — деланно-терпеливо, как дебилу, объяснил Дэш. — Я совсем другой пони.

— Я вовсе не пони, — закатил глаза Илья, следуя за Дэшем по дорожке через сквер. — А ты как ощущаешь?

— Они светятся, — неопределенно махнул рукой тот. — Ну, типа, мерцают так. Немножечко. Но не перепутать, если, конечно, не с пьяных глаз. Тут кто угодно мерцать станет!

— То есть, если ты посмотришь на эту... Алёнку, ты все сразу поймешь?

— А то, — кивнул Дэш. — Только вот ее еще поймать надо. Небось, шастает на работы всякие, нет бы дома сидеть, как приличной!

— Ты шутишь, что ли?

— Ну а что, разве неудобно было бы?

— А под каким соусом ты бы к ним домой завалился?

— Ну, я обычно кошу под разносчика пиццы. Типа, так что, пиццу принес! На ваш адрес доставочка, уже оплачено, забирать будете? Но это если деньги есть. А вообще лучше тебе идти.

— Это еще почему?

— У тебя рожа больше доверия вызывает. В этих широтах.

Илья критически посмотрел на приятеля в его цветастых шмотках, оценил колер, прическу, наглую лыбу и согласился. Конечно, что не очень молодые, судя по возрасту, старшие Порываевы, что средне-возрастная Порываева-младшая скорее откроют дверь ему, чем Дэшу.

— Ладно. Но когда мы будем в Камеруне, звонить в двери будешь ты.

— Заметано, брат, — без проблем согласился Дэш. — А пока вот сейчас твоя очередь, значит.

— Будем сейчас звонить? Надеешься, что кто-то дома?

— А вдруг? — пожал плечами Дэш.

— Тогда надо пиццу заказать?

— Да паспортом обойдешься. Мол, нашел. Узнал, что человек умер, спросил у его соседей, где родственники, тыры-пыры.

— Ладно, — вздохнул Илья, морально готовясь врать. Собираться с духом и крохами актерского мастерства он продолжал вплоть до того момента, как они не вышли из лифта на нужном этаже.

— Ну, я пошел. Два этажа вниз буду, — сказал Дэш, поворачиваясь к лестнице. Илья думал было возмутиться, а потом пришел к мнению, что приятель абсолютно прав. Если дверь и откроют, то одному не опасному на вид мальчику “славянской внешности”, а вовсе не бригаде зверей апокалипсиса.

Дождавшись, пока Дэш закончит громыхать по лестнице, Илья достал злополучный паспорт и, выдохнув, нажал на кнопку звонка, не очень-то надеясь, что в середине дня и середине недели кто-то ответит.

Как ни странно, через некоторое время за дверью отчетливо слышались шаги, мелькнул свет в глазке, и приглушенный женский голос поинтересовался:

— Кто?

— Здравствуйте, — как можно более очаровательно улыбнулся Илья. — Это квартира Порываевых?

— Что Вам надо?

— Мне нужна Алена, или Инга, или Николай Юрьевич. Понимаете, я нашел паспорт Дмитрия Юрьевича, вот, — Илья раскрыл паспорт на третьей странице и показал в глазок.

— Погодите, — щелкнул замок, потом снова наступила тишина. — А откуда Вы наш адрес узнали?

— Я сходил по адресу прописки Дмитрия Юрьевича, но соседи мне сказали, что его давно не было дома. Но соседка мне дала этот адрес. Сказала, что тут живет его брат с семьей, и лучше вам паспорт отдать, чем в полицию, — старательно удерживая милое и немного инфантильное выражение лица и тон голоса, сказал он. — Но если Вы не будете забирать, отнесу в полицию, конечно, — добавил он немного уныло.

— Погодите, — повторили из-за двери, замок щелкнул еще три раза, и дверь приоткрылась. В щель стало видно часть лица женщины в модных дорогих очках и котовью любопытную рожу ближе к полу.

— Ой, привет, — Илья тут же наклонился к котику и протянул руку, но не так, чтобы коснуться, а чтобы животное могло его обнюхать. — А ты тоже Порываев? Порываев-кот?

— Сёма, назад, назад, — женщина тут же наклонилась тоже, просунула руку, оттаскивая котика, взяла его на руки, и, наконец, распахнула дверь шире.

Илья тут же выпрямился, застенчиво улыбаясь, как улыбался всем учительницам в школе, выпрашивая “четверочку”, и протянул ей паспорт, чтоб не подумала ничего плохого. Когда она забирала из его руки документ, он весь превратился в слух внутри себя, пытаясь расслышать запороговый ритм, какой несла с собой Маша-Глаша — Война, и который должен был нести и другой Всадник, тоже.

Женщина была явно Аленой, а не Ингой — даже для тридцати семи она выглядела хорошо, на хорошие такие, молодежковые тридцать семь. Лицо у нее было гладкое, без морщин, что называется, “ухоженное”, с правильными чертами, которые немного портила некоторая плосковатость, выдающая близкую примесь азиатской крови. Буряты? Башкиры?..

— Спасибо, — Алена пролиставала паспорт, продолжая удерживать в руках кота.

— А с ним все в порядке? Ну, с Дмитрием, — с выражением полнейшей наивности на лице спросил Илья.

Алена немного театрально вздрогнула и подняла на него взгляд.

— Он умер.

— Простите, — тут же изобразил смущение парень. — Я не знал. Это так ужасно! Очень вам сочувствую. Он же Ваш дядя?

— Дядя, — кивнул Алена, поджимая губы. Она явно хотела сказать, что-то еще, но не решалась, и, кажется, пыталась понять, что ей делать дальше. Опасения Илья у нее не вызывал, разве что, легкую паранойю, он хорошо мог это прочитать по ее лицу, поэтому решил немного дожать.

— Примите мои соболезнования, — сказал он грустно. — Знаете, я пока бегал, искал его, столько себе придумал про него, про его семью и все такое. Он был хороший человек?

— О, да, да, — торопливо сказала женщина, оглянувшись вокруг, словно в поисках поддержки, и сказала. — Давайте я хотя бы чаем вас угощу в благодарность? Все-таки Вы нас искали, время потратили.

— О, спасибо! — просиял юноша и, проходя внутрь, представился. — Меня зовут Илья. А Вы — Алена.

— Давайте на “ты”? Я еще не такая старая, — одними губами улыбнулась женщина. Глаз или других черт это не затронуло, от чего выражение было скованным, неживым.

— Давай, — легко согласился Илья, стараясь не оглядываться слишком откровенно. Он вежливо разулся в коридоре, и поздоровался с еще двумя котами, выглянувшими на шум. — Здравствуйте, — сказал он им. — Гостей принимаете?

— Принимают, — ответила за них Алена, которая явно не знала, куда деть паспорт и вообще зачем пригласила чужого человека в дом. — Проходи... вот туда, сейчас принесу чашки.

Илья на всякий случай взял на руки первого подвернувшегося кота (проверив предварительно, не будет ли сопротивляться), и, наглаживая его, прошел в указанную комнату и сел так, чтобы его было видно в раскрытую дверь. Вокруг царил советский шик, словно хозяйева застряли где-то в далеком прошлом: богатые ковры родом из СССР, серванты и скатерти, и занавески с тяжелыми ламбрекенами. Рядом с балконом на столе стоял ноутбук, на котором явно виднелся открытый аккаунт в “синенькой” социальной сети, и Илья, расслабив глаза и приглядевшись, “срисовал” псевдоним пользователя, чтобы потом глянуть, в случае чего.

— Вот, — Алена поставила перед ним на стол чашку с чаем и вазочку с печеньем, села напротив, ревниво глядя на одного из котов, уверенно пристроившегося на коленях парня.

— Спасибо! — искренне поблагодарил Илья, все еще пытаюсь расслышать ритм, или намек на него. Но нет, ничего не было: пустота и тишина. — Ты очень дружила с дядей? Мне, честно, очень неловко, что я вот так... я даже представить себе не мог, что нашел паспорт...уже почившего.

Алена коснулась кончиками пальцев глаз и вздохнула.

— Он был... сложный человек. Противоречивый. Но, конечно, он был мне дорог. Но отцу, без сомнения, сейчас тяжелее. Он у меня... тоже непростой человек, очень больной человек, со слабым сердцем. Ему совсем нельзя волноваться, но тут никак этого не избежать.

— Это грустно, — сочувственно вздохнул Илья, отхлебывая разом пол-чашки чая, и с

деланным простодушие добавил. — Я даже не знаю, что сказать. Мне жаль, что я напомнил о таком грустном событии.

— Пустое, — покачала головой Алена. — Ты же не мог знать. А где ты нашел паспорт?

— На Мясницкой, — не моргнув глазом сказал Илья. — На асфальте валялся. Я подобрал, думал, отнесу по адресу прописки. А там никого. Я второй раз пришел, уже в выходные, но никого не было все равно. Хорошо, соседка поднималась там, сказала, чтобы я к вам сюда сходил. Она с ним, с Дмитрием, наверное, общалась.

— Наверное, — согласилась женщина. — А ты студент?

— Ага. Учусь на инженера, — легко рассказал Илья.

— Студенчество — самое чудесное время.

— Это точно, — подтвердил Илья, и чуть не поперхнулся чаем, когда у него внезапно завибрировал телефон. Парень одним глотком опустошил чашку и попытался ответить, но Дэш почему-то уже сбросил вызов. Экономил деньги?.. — Спасибо за чай, — сказал Илья, ссаживая пригревшегося у него на коленях котика на пол. — Меня, кажется, уже потеряли.

— Спасибо, что принес паспорт, — Алена поднялась на ноги одновременно с ним и проводила до дверей. — Это было доброе дело, и оно обязательно вернется чем-то хорошим.

— Да я просто, — неопределенно ответил Илья, пока Алена открывала замки. — До свидания! И котикам. Всего хорошего!..

Дэш не перезванивал, и Илья, начиная пешком спускаться по лестнице, сразу же выкинул из головы свой весьма посредственной полезности визит. Пони должен был ждать его на два пролета ниже, но его там не было, и Илья, прислушиваясь, не услышал нигде шагов. Попробовал позвонить — но звонка тоже в подъезде не раздалось. От этого Илья ощутил смутное беспокойство, хоть и понимал, что Дэш, в общем-то, может сам о себе позаботиться, с его-то талантами по части силы и прыгучести. Поводив жалом в некоторой растерянности, Илья спустился до первого этажа, сунул нос во внутренний двор, но все-таки вышел обратно на улицу Лобанова, оглядываясь.

Запах железа накрыл его раньше, чем черные ветви проросли вокруг сквозь воздух, и, помятуя о том, что такое никогда просто так не случается, Илья на всякий случай тут же упал на дерн и не то ерзнул, не то перекатился в сторону. Не напрасно: перед его носом землю вспорол кончик меча и рванул обратно, заставив Илью дернуться в сторону.

Пожалуй, это все было не очень оптимистично.

Илья перекатился еще пару раз, уходя из-под потенциального удара, прежде, чем собраться и подняться, оборачиваясь, оглядываясь вокруг. Шторм смотрел на него с расстояния в десяток шагов, кончик его меча был направлен в землю, и черные ветви деревьев словно отодвигались от его волос, как будто обжигаемые настоящим пламенем и жаром.

— Какого черта? — переводя дыхание, спросил у него Илья и тут же драпанул в сторону, петляя, как заяц между высоких темных стволов. Шторм двигался следом, молча, неотвратимо, словно привязанный, словно идущая по следу ищейка. Его металлический взгляд был прикован к жертве, и, опережая его, впереди несся ветер, поднимающий в воздух мелкие ветки, листья и труху. Может быть, у ветра и был мотив — но, наверное, слишком тихий, чтобы Илья мог его расслышать за рваным ритмом биения крови у себя в ушах и лихорадочными мыслями о том, что а) Св была права, и средства самообороны надо носить не на дне сумки; и б) куда все-таки провалился Пони?!

Ветер подбирался все ближе, Илья отчетливо ощущал его дыхание ногами, он опутывал,

оплетал, затормаживал, заставляя чувствовать себя мухой в паутине. Пожалуй, начинало даже становиться страшно: а еще страшнее стало, когда правая рука внезапно двинулась по своей воле и вцепилась в ближайшее дерево так, что не оторвать. Илья пережил острейший момент липкой паники: он продолжал чувствовать свою руку, кору под пальцами, под ногтями, но совершенно не мог управлять движениями. Все остальное ему, вроде как, подчинялось, а рука — нет, и это было хуже любого экзистенциального кошмара, какой ему довелось испытать, включая кровожадный компостер. Это было немного похоже на онемение от удара или наркоза: Илья чувствовал, что сигнал, команда уходит в руку, но она просто отказывается слушаться.

Шторм, меж тем, приближался неторопливо и пружинисто, не торопясь, словно не собираясь испытывать свою удачу, и под его неподвижным взглядом Илью лихорадило просто до костей, включая непокорную руку. Он схватил себя левой рукой за правое запястье, пытаясь отодрать ладонь от дерева, но та упрямо держалась, впиваясь в кору до боли, до дрожи, до крови — особо удачный рывок едва не помог Илье высвободиться, но рука как-то перехватилась, только из-под одного из кристаллических ногтей проступила черно-маслянистая кровь.

— Да чтоб тебя, — выругался Илья. Продолжая тянуть себя назад, от Шторма, в отчаянном порыве он сунул руку в карман в поисках хоть чего-то, ножа, открывашки? Если ударить по сухожилию острым предметом, возможно, этого хватило бы, чтобы пальцы рефлекторно разжались, но в кармане была только россыпь мелочи и каких-то деталек. Монетки, видимо те, собранные в переходе, просыпались было между пальцев, но одна из них почему-то залипла, и она была дрожащей на ощупь, словно пела беззвучную песню и вибрировала от этого. Илья только и успел подумать, что и тут какая-то проклятая липучесть, как монетка дернула его куда-то вниз, едва не разрывая пополам, потому что рука так и не выпустила ствол дерева, и вокруг была только слепая пустота, а потом падение, по ощущениям, бесконечное и холодное, и Илья приземлился на что-то неудобное, колюче-жесткое, состоящее словно из одних палок и углов.

Помятуя о своем печальном опыте приземления и падения, Илья открыл глаза с большой опаской.

Нам ним были все еще черные ветви деревьев, но вот только они были покрыты серебристой листвой, которая трепетала на ветру, а между кронами тут и там проглядывал бледный купол небес.

— Ни черта себе, — прокомментировал одними губами Илья, не решаясь издать ни звука. Рука!.. вспомнил он и попробовал поднять обе руки к лицу. К счастью, к удивлению, но обе послушались. Только выглядели они так же, как и на Пороге, а не как в нормальном мире: ногти были кристальными, и вокруг одного из ногтей правой руки проступала черная каемка крови. — Грандиозно, — сказал сам себе Илья и попытался приподняться на жестком и угловатом, чтобы более подробно оценить обстановку.

Вокруг был черно-серебряный лес с прозрачным воздухом, почти лишенный подлеска. Он не был таким пустым и одновременно полным, как лес Порога, нет: тут и там слышались птичьи голоса, какие-то шуршания и шорохи.

Сам Илья лежал на чем-то, похожем на огромную берлогу или свернувшегося поспать энта, на какой-то узловатой сфере из черных веток. Соразмерив потенциал свой удачи с ситуацией, Илья счел за благо осторожненько сползти со своего насеста прежде, чем оглядываться дальше. Ему повезло, странное гнездо или берлога не шелохнулись, и обойдя

потом его по кругу, Илья так и не нашел ничего похожего на нору или место соединения. Весь ветвистый шар был просто тем, чем казался: ветвистым шаром в человеческий рост высотой. Еще раз оглядевшись, Илья оценил перспективы как бесперспективные: он был один в незнакомом лесу, и даже звать на помощь было несколько стремновато с учетом потенциальной погони Шторма. К тому же собственная правая рука не внушала доверия, а это уже была прямо-таки полнокровная диверсия. И вряд ли Шторм и его непонятные претензии не имели отношения к этой проблеме. В конце-концов, именно во время столкновения с этим малоприятным гражданином все и произошло.

— Вот так и будем жить, — заключил Илья. — Плохо, но недолго.

— Простите, — внезапно обратился к нему кто-то с на редкость культурным голосом. — Это Вы будете Конь-Бел?

Илья судорожно обернулся, в одну сторону, в другую, но говорящего не обнаружил. Тот, тем временем, вежливо откашлялся.

— Ниже. Ниже, — деликатно направил голос свои поиски. Илья опустил, наконец, глаза на землю и удивленно встретился взглядом ... с самой обыкновенной серой с цветными подпалинами кошкой. Самая обычная гладкошерстная Мурка или Маська, каких если не сотни, то десятки в каждом населенном пункте.

— Простите, — чувствуя себя полнейшим дебилем, сказал Илья. — Это вы мне?

— Любезнейший, — ответила ему пушистая мадам с оттенком апломба, раздраженно помахивая коротким хвостом. — Вы тут наблюдаете других разумных существ?

— Разумность — понятие относительное, — немного нервно ответил Илья и глупо хихикнул. — И возможно, ко мне не относящееся.

Кошка фыркнула, как это умеют делать одни лишь кошки, и сказала:

— Вас поджидает ваш коллега, — сказала она. — Извольте проследовать за мной.

— Где поджидает? В зале поджидания? — уточнил Илья, продолжая нервно похихикивать.

— Какая глупость, — не выдержала кошка, неодобрительно глядя на него. — Феерическая! Я видела его на самой маленькой поляне, которая с крошкой-дубом. Это не какой-то там зал поджидания.

— Молчу, — пообещал Илья. — До самой маленькой поляны обязуюсь молчать, только, мадам кошка, скажите мне, какой конкретно коллега меня ждет?

— Конь-Черен, — ответила кошка, поворачиваясь на одном месте так, что в один момент на месте двухцветного носа оказался трехцветный хвост с белым кончиком, укоризненно покачивающийся. — Не стойте столбом!

Илья спохватился, зашагал за ней. Наученный опытом общения с хвостатой братией, он даже по сторонам не смотрел, только под ноги: его собственный кот очень уважал процесс неравномерного хождения, когда идешь, идешь перед человеком, а потом резко ап! — и встаешь намертво. К числу результатов таких экзерсисов обычно относились извинения человека перед превосходящим пушистым разумом. Но вообще-то ситуация была на редкость сюрреалистичной. Пусть Илья верил в сугубую разумность котиков и кошечек и кота своего научил невразумительно выговаривать “ням-ням” при выпрашивании вкусняшек, но в самом деле говорящая кошка относилась к категории температурного бреда. Возможно, ему стоило поблагодарить небеса, что хвостатая мадам хотя бы не была наряжена в плащ и сапоги, и не ходила на задних лапах, тыкая в людей маленький острой шпагой.

— Мадам кошка, — позвал Илья по прошествии нескольких задумчивых минут. Та

полуобернула к нему голову и, кажется, вопросительно приподняла бровь. — Как вас хоть зовут?

— Кошка, которая просыпала корицу, — сообщила она, явно теряя интерес к своему подопечному. — Мы почти пришли.

— Да? — уточнил Илья и осекся, потому что между деревьев мелькнула прогалина, и кто-то, идущий по ней навстречу им. И этот кто-то выглядел как порождение компьютерной игры и больного воображения геймдева, а вовсе не как нормальный Пони.

Что-то нехорошее в мире происходило. Мир страдал, мир волновался, и мы все, конечно, слышали, как он жалуется, недовольный, даже испуганный. Этот, которому снились ужасные и разрушительные сны, продолжал спать, и его грезы тревожили и Реальность, и Пограничье, и даже Сонный мир. Те из нас, кто спускался ниже, говорили, что чем дальше, тем больше тревога. Впрочем, с этих сорвиголов стало бы преувеличивать просто для того, чтобы привесить себе подвигов. Будучи котом и, следовательно, плутом, другим котам, и, следовательно, плутам я не доверяю ни грош. Если дело не касается, конечно, знатной битвы. Именно в сражении ошибиться трудно: кот кота не подведет, не бросит и сторону не сменит. А вот в остальном можно, пожалуй, довериться только Двекошке, и то не всегда, и, конечно же, Кошке, нежной, как Сливки. Но вот только ей до всех этих разборок как-то недосуг. Я попытался было ей рассказать о том, что происходит, но она лишь зевнула своей безупречной пастью с острыми, как иглы зубами, и сказала:

— Не переживай, кот Рвот. Все образуется.

И вот и все. Мудрость ее была непоколебима.

А вот я места себе не находил, и редкую ночь спокойно спал в своей постели, и ни одного дня не мог мирно отдохнуть в тиши нашего всегда мирного в дневное время дома.

Именно поэтому ни одно событие не могло застать меня врасплох. Я как раз закончил расправу над очередным выводком каких-то мелких, неубедительных мефоз, когда все мое кошачество, все внутреннее ощущение приключения натянуло, как струну, и она зазвенела, перебивая все звуки реального мира: “Вставай, враги, беги, враги! Вставай, лети, беги, враги!”

Я так и подпрыгнул! Выпуская из когтей слабо трепыхающуюся мефозу, потому что она мешала галопировать, вторую изо рта я так и не выпустил, и так, зажеывая, и побежал спасать мир, сквозь слои серого тумана проваливаясь ниже и ниже по серпантину осколков порушенной реальности, ориентируясь на продолжающий звучать внутренний зов.

Я перескочил с одного клочка реальности на другой и влетел куда-то в Пограничье, и в первые мгновения даже понять не мог, что тут вообще происходит, и кто вообще звал. Мимо с мявом пронесся какой-то кот, и я побежал следом, справедливо полагая, что тот, видимо, в курсе. К счастью, мой невольный попутчик в самом деле бежал в правильном направлении, и даже на правильного, на мой взгляд, участника драки набросился.

Нет, не поймите неправильно, все бесхвостные для меня примерно одинаковы. Что у них можно запомнить? У всех два глаза, один нос, один рот, и все примерно на одинаковых местах, поэтому различить их, кроме своего собственного, не так-то просто. И двое человекообразных, решивших подраться, для меня были примерно идентичны, только разных пород. Но я совершенно точно знал, что один из них нас, котов, звал, а второй нет,

следовательно, и целью был он. Я отважно вступил в бой, но в последний момент, уже висая когтями на плече общего врага, внезапно обнаружил в зубах забытую мефозу. И плюнуть было жалко, заточпуг, сожрут, присвоят победу, и не плюнуть — как-то глупо. Пока я обдумывал свою дилемму, враг встряхнулся, скидывая нас всех, разметав вокруг, и я, обидевшись, поудобнее перехватил зубами свою добычу и снова ринулся в атаку, как и, судя по всему, все остальные мои коллеги и сородичи, тоже расстроенные таким неуважительным отношением. Ведь каждый дурак знает: если на тебе лежит (или висит) кот, прогонять его никак нельзя, это святотатство. А за святотатством следует неизбежная кара, и именно это мы и постарались организовать, снова и снова набрасываясь на врага. О, он был силен. И ловок. И сил у него было предостаточно, но нас было много, да и тот, который нас звал, не зевал, продолжая атаковать, поэтому наш враг, кажется, просто устал. Поняв, что не удастся расправиться с нами всеми быстро и эффективно, он, так и не открываясь полностью для нападения, легко соскользнул ниже, в Сонный мир или еще глубже, и я мудро решил не следовать за ним: в конце-концов, мало ли у него там подмога и расстановка сил будет не в мою пользу? Вместо этого я сел, где стоял, выплюнул окончательно придушенную мефозу и начал ею закусывать, более не обращая внимания на окружающее безобразие. Хотя немного, конечно, было интересно, что за тип нас позвал. И что за тип от нас сбежал. Но недостаточно интересно, чтобы бросить на произвол судьбы ценную добычу.

Я уже догрызал последние полуэфферемные области мефозы, отфыркивая во все стороны разлетающиеся мелкой сыпучей золой перья, когда рядом со мной на землю капнула огромная капля кетчупа. Я достаточно посмотрел на нее, изучая, потом поднял голову, встречаясь глазами с довольно-таки грустным бесхвостным огромных размеров. Бесхвостный жевал бутерброд из пяти сосисок и двух кусков хлеба, и именно оттуда кетчуп и капнул.

Я сделал укоризненную морду.

— Извини, — покаялся бесхвостный, который, как оказалось, был не настолько туп, чтобы не понять меня с первого раза. — Но капнуло же мимо, не на тебя. А так, да, виноват. Не могу остановиться жрать. Да и вообще что-то себя запустил, и никак не заставлю себя спортом заняться, только и хожу, что на других смотреть, — он печально впился в свой огромный бутерброд, знатно от него откусывая, и начал жевать так, что аж за ушами трещало.

— Начни с пяти минут в день, — фыркнув, посоветовал я. — Задачи должны быть реальными.

И, еще раз брезгливо понюхав кетчуп на асфальте, пошел прочь.

— С пяти минут в день хотя бы начну, — услышал я позади себя. — Вот сейчас и начну.

Все-таки бесхвостные, даже лучшие их представители, на удивление невнимательные и эгоцентричные существа. Просто поразительно: с ними кот разговаривает, а они настолько поглощены своими проблемами, что даже не пытаются осознать это! Нет, их куда больше интересуют свои проблемы, чем чудеса, которыми полон мир. Недаром Двекошки говорит, что они и мефоз от обычных существ своего мира не отличают. Птички и птички, люди и люди: никто и не приглядывается. Только мы, коты, замечаем все, видим все и защищаем мир от бесконечных бед.

— Брат, — тем временем радостно позвало чудище. — Ты нашелся!

— Ноооо это не точно, — автоматически отозвался Илья, разглядывая своего предполагаемого приятеля и на всякий случай делая шаг назад.

— Э, ты чего? — спросил Дэш, наклоняя голову с голубовато-белыми, похожими на анемоны волосами. — Кстати, сестра, Коричка, спасибо!

— Зови на помощь, брат-чародей, — ответил голос кошки откуда-то из кустов.

— Ты как-то непривычно одет, — тактично сказал Илья, смутно припоминая, что, кажется, примерно как-то так Дэш выглядел во время приснопамятной драчки со Штурмом во время ралли.

— Да ладно, всю жизнь так выгляжу. Ты очки бы носил, брат, да? — хохотнул тот, от чего за его спиной медленно взметнулись и опали волосы, похожие на пучки изогнутых лучей. Их концы постепенно растворялись в воздухе, не имея четкой границы, а глаза Дэша, лишённые зрачков, были сейчас разного цвета: один ярко-синий, а второй — зеленый. — И в зеркало еще на себя самого позырь.

— Как только найду зеркало, — пообещал Илья, бросая короткий взгляд на собственные кристаллические ногти. Вероятно, они были не единственным отклонением от привычной нормы. — Если они тут есть. Кстати, где это, “тут”?

— Это? — Пони махнул рукой. — Это Страна Фаэ. Ну, как-то так, все равно собирался тебе ее показать. Вот и покажу, типа того.

— Я уже насмотрелся, — Илья на всякий случай повернул голову туда и сюда, но вокруг были одни только деревья и деревья, и легкое марево на границе видимости. — Поехали домой.

— Вот с этим как-то не очень, — признал Пони, несколько поскуцнев. — То есть, я же вышел один раз обратно, брат. Сбежал сюда от Штурма, он за мной не погнался, я вернулся, чтобы перехватить тебя и сдернуть у него из-под носа, но он как почуял что-то, да? Загнал меня опять сюда, у меня запасная монета была, на крайняк которая, вот да, так что как-то и хватило. А вот обратно как теперь выйти, э? У тебя, случаем, монет от Войны не осталось, брат? Одна-то, видимо, была, раз ты сюда смог провалиться.

— В тар-татары, — буркнул Илья. — У меня куча монет. Но “пела” только одна. Без монеты никак?

— Ну, вообще, да, — печально сказал Дэш.

— Мне нельзя тут залипать. У меня там Св. Ты представляешь, что она сделает, если я потеряюсь? Штурмом эту вашу Страну Фаэ возьмет, вот что сделает. Вам такое маски-шоу не понравится, гарантирую.

— Да что тут сделать, э, — отмахнулся от него Дэш. — Ну, я тенекошек отправил Бледа искать, но это надолго, как-то вот так вот.

— Этот твой Блед может нас выгащить?

Пони пожал плечами, отчего белые световые перья колыхнулись.

— Легенды гласят, брат, что Блед может что угодно.

— Но это не точно? — повторил шутку Илья.

— Точно, что не точно, — важно кивнул Дэш. — Но главное тут не это, а вот то, что тенекошки искать будут, потом пока он монеты добудет, если заначки нет, и все такое прочее. Долго, Штурм успеет нас поймать тут и, как это ты говоришь, брат? Запустить? Запустит.

— И что ты предлагаешь делать?

— Сходить к царю, а чего мелочиться?

— Царю, — осторожно отозвался Илья, критически глядя на приятеля. Светящиеся волосы или нет, под всей мишурой и глюками это был все еще Дэш с его странными, полубезумными местами сентенциями.

— Ну так да, брат. Черный Лес тут вроде пограничья. Суда все с Первой Земли попадают, не куда-то еще, а сюда вот. И царь Черного Леса следит, чтобы всякие попаданцы далеко не ушли. Так думаю я, что вот, есть у него монеты. Хоть одна, но есть.

— И мы вежливо попросим ее отдать?

— Например, вот так, да.

— И что за король-рыбак правит сим дивным краем, и как его найти?

— В общем-то, предлагаю переть направо через лес, шуметь, орать и ждать, пока нас не прижучит стража, брат, — сверкнул белозубой, совершенно обычной своей улыбкой Дэш.

— Гениальный план, — закатил глаза Илья. — Другие предложения?

— Можем песни петь и танцевать, — рассмеялся Пони. — Но это, брат, давай ты.

— Я тебе не ходячее варьете, — буркнул Илья, копаясь в кармане. Нет, ни одна монетка не отзывалась — но зато он с удивлением понял, что карман изменился, тоже, вместе со штанами, между прочим. Добротные псевдо-американские, сшитые китайцами джинсы заколосились темно-бежевой пижонской замшей. Илья задумчиво потер ее, и обратил внимание на рукава, которые изменились, тоже. Видимо, Порог и этот их самый Черный Лес в самом деле поменяли не только Пони. — А, может, и варьете, — подумав, добавил он.

Пони заржал, как конь, каковым, в общем-то, и являлся.

— Ладно. Ты уверен, что привлекать внимание стражников — это хороший план? Или это все еще не точно?

— А что точно в этом мире, э? — философски спросил Дэш. В сочетании с его местным фэнтезийным аватаром это звучало неожиданно глючно. — А если серьезно, брат, то царь, конечно, нас и четвертовать может. Но это вряд ли, вот так. Не сказать чтоб у нас, у Зверей, типа, с ним какая никакая война была или серьезные проблемы. Разве что недопонимания, да и то не со мной лично. Прошлый Блед, правда, говорят, с царем Туманом как-то раз сцепился. Но эт, вроде как, не по делу, а из-за условно-прекрасной дамы.

Илья схватился за голову, пропуская между пальцев волосы — хвала всем добрым и злым духам, на ощупь это были самые обычные волосы, немного подержался и отпустил.

— Мне теперь эта условно-прекрасная дама в страшных снах являться будет, — пожаловался он. — Ладно. Давай попробуем шумно бродить и привлекать внимание.

— Неразумно, но логично, — похвалил намерение Пони. — В конце-концов, вроде как, у нас ни еды, ни воды. Если воду-то тенекошки покажут, где взять, то жрать то, что жрут они, мы точно не станем.

— А что жрут тенекошки? — осведомился Илья, подозревая, что пожалеет о своем вопросе.

— Э, ну, кроме мелких грызунов? Людей. Вернее, жизненную силу, типа того. Чем чаще тенекошка наступает на твою тень в Стране Фаэ, тем тень меньше становится, и тем ближе смерть, вот так вот. Так что кошечек надо уважать.

— А если самому наступить на тень тенекошки? — Илья поежился при воспоминании о кошке-Коричке.

— Так, э, брат, на то они и ТЕНЕкошки. Тень не отбрасывает теней.

— Звучит логично.

— Поверь мне, брат, логично это только звучит, — совершенно серьезно ответил Дэш, понюхал воздух и уверенно зашагал прочь с полянки. Илье оставалось только поспешить за его мягко плавающими в воздухе волосами. Их движения были вполне гипнотическими, может, это было такое дополнительное тайное оружие?

— У меня столько вопросов, — пожаловался Илья. — Что я даже теряюсь, с чего начать.

— Э, знаешь, ты начало мира-то пропусти. Я с динозаврами не очень. Не в курсе, сорян.

— Дебил, — почти с умилением вздохнул Илья. — Динозавры меня не очень волнуют.

— Счастливый, э! А вот меня волнуют. Иногда прям спать не могу, все думаю, как же им, бедолагам, фигово пришлось в катаклизме-то. Накрыло ж так, что не выбраться. А своих Зверей у них и не было, наверное, а, брат? А то круто было бы. Тираннозавр Глад, там, трицератопс Бел. Будешь трицератопсом?

— Да ну тебя, — рассмеялся было Илья, но осекся — смех разнесся до странности далеко и гулко, словно все остальные звуки в лесу смолкли. — Тебе не кажется, что тут стало как-то...?

Он не договорил. Идущий впереди Дэш вскинул руку, призывая к молчанию, и Илья вместе с ним замер, прислушиваясь к тишине.

Она была мягкой, ватной, глухой и более плотной с каждым мгновением. Пони попытался было что-то сказать, но изо рта не вылетело ни звука. Он попробовал еще раз, потом расстроено махнул рукой и принялся озираться и едва не приплюхиваться к воздуху, словно пытаясь понять, откуда пришло молчание.

Илья выдохнул, выпуская тень своего голоса в это море тишины, и в голове перемкнуло на мелодию. Где ж ты было, драгоценное неизвестно что, когда мне надо было справиться со Штормом, подумал Илья, выговаривая губами слова, которые постепенно словно проявлялись в воздухе, наполняясь звуком среди молочной тишины:

— Я зову в этом море тишины, в мире вечной темноты, путеводный луч зову. Слышу звук гроыхающих дождей, чтоб согреть меня скорей Путеводный луч зову.

Последний слог прокатился громогласным “у” вокруг, словно волной откатывая назад тишину, и Илья, недоуменно моргая, уставился на Дэша.

Тот невозмутимо показал ему большой палец вверх.

— Неплохо. Неплохо совсем, брат, да. Но теперь нам, наверное, как вот так, надо найти того, кто нас так не любит и показательно ему отомстить, а то это может быть в корне неправильно понято.

— Это как, например?

— А это так, например, что на нас можно спокойно нападать и мы не злопамятные, вот так вот.

— А может, мы в самом деле не злопамятные? — с надеждой уточнил Илья.

— Нееет, брат. Нам так нельзя. Мы, в конце-концов, не хвост собачий, а Звери Апокалипсиса.

Илья закатил глаза в преувеличенном ужасе.

— Такие, типа, важные персоны.

— Еще как, брат, — подтвердил Дэш, озабоченно оглядываясь. — Сдается мне, вот как-то оттуда оно накатило, — он махнул рукой куда-то влево. — Идем мстить, в общем, да.

— Главное, чтобы нам самим не отомстили.

— Не переживай только, брат, справимся. Может, у тебя типа, ложное представление сложилось, но вообще-то, как бы, мы из самых крутых пацанов на этой улице.

— А как насчет леса? — педантично уточнил Илья, которому совершенно не улыбалось встрять в какую-нибудь переделку и обнаружить, что его снова заблокировало намертво, и никакие слова не идут, и никакие потенциальные таланты не работают. — Тебе не кажется, что мне нужен какой-то ликбез, что ли? По тому, что я могу, что ты можешь?

— Вот насчет того, что ты можешь, даже не начинай, э, — отмахнулся Пони. — Это только ты сам знаешь, ну, или вот так что не знаешь. Но потом узнаешь. Все Звери разные ж. Но Конь-Бел, такие, как ты, это, типа, обычно про заразу всякую.

— Про заразу, — озадаченно повторил Илья, пытаюсь совместить две явно удавшиеся и пригодившиеся песни-ответа на чужие чары.

— Ну так зараза разная бывает, да? Тогда, давно, ну, там, чума какая-никакая. Потом, может, ну, телек какой-нибудь. А сейчас что зараза?

— Социальные сети, музыка и сериальчики, — без труда вычленил основные тенденции Илья, который примерно это проходил недавно в универе по социологии. — То есть, я мог бы насыпать чуму, но стал богом сериальчиков и назойливой музыки?

— Ага, наверное, да, вроде как, — согласился Пони.

Илья некоторое время переваривал эти сведения, а потом спросил:

— Ну, а ты?

— А я Конь-Глад, вот так вот. Но голодать можно не только по еде. По вниманию, признанию, да по чему угодно, э.

— И что ты можешь?

— Насыпать печальку и безумие, вот, в основном, как-то, — пожал тот плечами, от чего световые волосы красиво качнулись и нарисовали в воздухе медленно угасающие линии.

— У тебя получается, — сварливо прокомментировал Илья. В самом-то деле, сплошная печалька и безумие, куда ни глянь.

Дэш не ответил, вместо этого предупреждающе поднял руку и опустился на одно колено, осторожно разводя ветки густого кустарника впереди. Илья наклонился над его плечом и, сопя, взгляделся тоже. Полянка выглядела на диво знакомой: по середине ее был тот же самый, или очень похожий шар-гнездо из переплетенных ветвей.

— Я на такой свалился, — негромко сообщил Илья, и Дэш колюче глянул на него через плечо. Ближайший глаз, тот, что был ярко-зеленым, словно даже вспыхнул изнутри, и Илья с некоторым холодноватым ощущением разглядел, что зрачок был не черным, а словно из слоев и слоев серой паутины, наложенных друг на друга. Парень вздрогнул, немного отодвинулся и с подозрением в тоне уточнил. — И что, это плохо?

— Плоховато, — почти что одними губами ответил Пони. Выражение его темного лица, насколько мог разобрать это Илья, было таким, словно он размышлял о том, чтобы срочно пересмотреть свои взгляды на необходимость мести. — Это... — начал было Дэш что-то объяснять, но тишина навалилась снова, тяжелая и мягкая, и ее падение было внезапным и полным, в отличие от первого раза — видимо, потому, что они находились практически в эпицентре.

К счастью, на это у Ильи был и готовый рецепт, и определенная реакция. Тишина позвала его внутри своей мелодией, и он без задней мысли и сомнений повторил слова, сработавшие несколько минут назад.

Вот только последнее “у” в этот раз, покотившись, как волна, столкнулось с волной

тишины, идущей из веточного яйца, и разбилось, словно стекло.

— Ох, ты ж, блин, зря, брат, — успел выговорить Дэш, как яйцо внезапно раскрылось, обдавая все вокруг густым запахом тухлого мяса и короткими волнами тишины. Наружная часть, состоящая из плотно сплетенных черных ветвей, развернулась назад, и внутри нее было багрово-красное нутро, волокнистое, похожее одновременно на осьминога и зародыша цыпленка, с окаймленной редкими белыми зубами темнотой в центре, из которой неторопливо и веско вылетели жужжащие твари, антропоморфные, но размером, наверное, не больше ладони.

Илья почему-то очень хорошо из разглядел, видимо, от шока: и осклизную белесую кожу, и черные выросты на голове и конечностях, и подобие одежды из тонких черных ниток, словно клубок опутывающих тощие тела.

— Что за срань, — не сдержал эмоций Илья, резко выпрямляясь и делая шаг назад.

— Это, брат, нежные феечки, — буркнул Дэш, поднимаясь во весь рост и отводя руку в сторону. Его волосы засветились ярче, удлиняясь, оплетая его, словно бинты на мумии, расправляясь за спиной в длинные крылья, а в руке свиваясь в кистень, который Илья смутно помнил еще с ралли. Парень благоразумно отступил за спину приятеля, соображая, чем конкретно он сейчас может помочь, особенно с учетом того, что при переходе в этот черный лес из первого черного леса он где-то посеял сумку. Впрочем, у Пони тоже не было его веселенького рюкзачка, так что Илья крепко подозревал, что это такая фиша, а не баг. Впрочем, про сумку все равно стоило уточнить, если, конечно, они переживут встречу с этими милыми феями.

Первое крылатое создание мухой метнулось к Дэшу, пытаясь проскочить сверху, тот отмахнулся кистенем, но вторая мерзкая феечка едва не пролетела под его замахом снизу, и Пони пришлось отпрыгнуть назад. Мелкие мерзости все продолжали вылетать изо рта вонючего цветка, их было семь или восемь, и роились они так, что даже сосчитать было трудно. Дэш, увернувшись от очередного верткого противника, почти наугад отмахнулся кистенем в воздух, и ему повезло: пытаясь разлететься, две твари, видимо, невеликого ума, столкнулись в воздухе, и одна из них попала под замах. Ее предсмертный писк был болезненным и острым, пронзительно-укоризненным. От него хотелось зажать уши и спрятаться куда-нибудь подальше, по крайней мере, Илье, но Дэш был совершенно не впечатлен. Издав довольное “ага!”, он удвоил свои усилия, мечась в кольцо окружающих его мелких паразитов, пытаясь повторить свой успех. К счастью, его блестящих крыльев и волос мерзкие феечки боялись, кажется, не меньше, чем его оружия, поэтому спина у него была, фактически прикрыта. Илья, чувствуя себя особенно бесполезным, начал оглядываться по сторонам в поисках решения или какого-нибудь оружия. К несчастью, его движения привлекли внимание одной из тварей, и тот с радостным гулом-жужжанием полетел к новой цели, не такой опасной, как первая.

Илья сделал пару шагов назад, лихорадочно соображая, что сделал бы супергерой, суперкот или хотя бы нормальный здравомыслящий человек. Вероятно, позвал бы на помощь — но единственная потенциальная помощь, Пони, был и так занят донельзя. Хотя... что там Дэш говорит про тенекотов?..

— Пони! Котов зови! — крикнул он, подбирая толстую ветку и тыкая ей в направлении крылатой нечисти.

К счастью, соображал Дэш очень быстро. Он пару раз присел, касаясь второй рукой земли, и что-то проговорил, делая паузы на замахах, чтобы не сбить дыхание.

С полминуты ничего не происходило, кроме попыток Дэша достать кого-то из противников и попыток Ильи добраться до вонючего цветка, а потом тени начали оживать. Серые тающие следы уплотнились местами, рисуя уши, хвосты и пушистые лапы, и вот уже серые, серые с белым, серые с белым и рыжим, серые с рыжим комки меха и когтей стали выпрыгивать словно из ниоткуда, пластаясь в полете, заставляя гневно жужжащих феек подниматься все выше, чтобы избежать цепких когтей. Серые охотники бесновались внизу, особо хитрые стали забираться на деревья, чтобы напасть сверху, и Пони, наконец, смог немного продохнуть. Коротко махнув Илье, он шагнул на поляну, и коварный цветок, словно почуяв, стал испускать такие густые волны тишины и вони, что они ощущались физически. По его гнилостно-красным красным внутренностям пробегали волны, пасть в середине то разевалась шире, то сужалась, а раскрытые красные лепестки сокращались, словно в ожидании добычи.

— Осторожней, — попросил Илья и едва не задохнулся, хватанув грандиозного запаха полным ртом. Его приятель тем временем, закрыв рот и нос рукой, шагал вперед, упрямо продвигаясь к центру поляны. По темным щекам стекали капли слез, оставляя почему-то красные следы, словно это была кровь, и вся картина была полна такого сюрреализма, что казалась дурным запутанным сном.

Кто-то из летучих тварей то и дело пытался прорваться назад, к своему гнезду или родителю, словно чувствуя опасность, но серые охотничьи тени перехватывали их, сбивая на лету. А Пони шел — запах его не пугал, тишина тоже, и только когда ближайšie к пасти лепестки стали пытаться ухватить его, отмахнулся китенем, одновременно раскрывая крылья. Лепестки отпрянули с возмущенным всплеском тишины, в местах прикосновения световых перьев на красноватой гнилостной плоти остались обугленные следы. К тошнотворной мясной вони примешался запах паленого, но от этого стало внезапно свободней дышать.

Илья, словно опомнившись, встрепенулся, и продолжил мелодию, которая фоном билась почти что под глазами:

— Так дай же мне силу повелителя вечных стихий, дай мне мой путь пройти, с сражаться по зову души!..

От его слов мир не опрокинулся навзничь, и мерзкое животное-растение не издохло само собой, но светящиеся крылья, волосы и оружие Пони засветилось ярче, паленым запахло пуще, словно свет жег не хуже огня или лазера. Дэш сделал еще несколько шагов, заставляя чудище кукожиться и извиваться от каждого своего замаха, а потом с коротким замахом ударил кистенем в центр окаймленной зубами пасти. Ветви, лепестки, порожденные летающие твари — волна агонии прошла по всем частям затейливого гнезда, а потом стихла, и вместе с ней угасло жужжание. Омерзительные существа, на несколько мгновений оглушенно зависнув, неподвижными куклами осыпались вниз, на мягкий дерн, и в наступившей самой обычной лесной тишине прекрасно было слышно шипение и рычание двух милых серых охотников-тенекошек, с воодушевлением делящих тушку добытой твари. Впрочем, они сами быстро осознали, что остались единственным громким источником звука и привлекают ненужное внимание, синхронно выплюнули недогрызенную добычу, схватили в зубы каждый по бесчувственной твари и торопливо скрылись из виду, видимо, посчитав свою миссию исполненной.

— Спасибо, серые братья, — вежливо поблагодарил Пони, обращаясь к собравшимся котам.

— Это была знатная охота, — сказала кошка, которую Илья запомнил как Коричку. Взгляд ее был задумчив, словно она пыталась понять, будет ли такой же знатной охота на самого “брата-чародея”. — Мы добавим ее в наши имена.

— Кошки, которые съели мясных фей, — подсказал один из котов сбоку. Голос у него был совершенно другой, очень мужской и гулкий.

— Съели, победили. Которые охотились на мясных фей, — согласился Дэш немного усталым, но, тем не менее, уважительным тоном.

— Подходит, — согласилась Коричка. — Это мы.

Закрепив, таким образом, какие-то свои неведомые права, кошка Коричка развернулась и направила свои мягкие шаги в сторону леса, и за ней последовали ее сородичи, многие из которых постепенно истаивали в остатках тумана, а не уходили прочь.

— Вдохновляет, — похвалил Илья. — Но особенно бы вдохновляло, если бы я знал, кто такие тенекошки и что это они, в самом деле, сожрали. Или победили. Или сохотили.

— А вот, вроде как бы, тут начинается интересное, брат, — доверительным тоном сообщил Пони, пока кистень в его руках и крылья за спиной истаивали, а лучи волос укорачивались до первоначальной длины.

— То есть, до этого было не интересно, что ли?

— Интересно, но не так чтобы совсем. Это, брат, был ведьмин букет. И выращивает такие вот эдакие букеты одна пожилая тетка, как можно понять, если не тупить, то и ведьма, — Дэш деловито пнул распластанный лепесток, изучил свою ногу после этого, потом схватился за ветки снизу руками и стал тащить огромную вонючую тушу в сторону.

— Это ты что делаешь?

— Работаю за двоих брат, не видно, да? — возмутился тот. — Хватай, давай, и тащи!

Илья с сомнением почесал нос, но брезгливо подставил руки под край мясного лепестка, ухватился за ветки тоже и стал помогать. В конце-концов, это был модус операнди Пони — хватать и тащить, а объяснять либо потом, либо, желательно, никогда.

Пыхтя и отдуваясь, они смогли оттащить древесную тушу только самую малость в сторону. Дэш подлез куда-то с краю, оттягивая лепестки вверх, полоснул несколько раз снова возникшим в его руках мечом, удовлетворенно хмыкнул и вернулся к перетягиваю. Когда им удалось сдвинуть неподъемную ношу еще немного, Илья, наконец, разглядел, что именно заинтересовало его приятеля и подельника: под основанием злополучного гнезда, оплетенный остатками корней, был немного замшелый люк с металлической сеткой на крышке.

— Служебный вход в сказку? — тяжело дыша, съязвил Илья. — Самое место, под задницей вонючего цветочка.

Пони глянул на него так, что без слов стало понятно, кто тут на самом деле “вонючий цветочек”.

— В общем, брат, как-то так выходит. Пойдем сейчас туда, — он постучал пальцем по люку. — Ведьмины букеты так, вроде бы как, натканы, чтобы ведьмины нычки и подземелья защищать. Так что пойдем и проберемся, если повезет — сопрем, что надо нам, и того.

— Сдохнем?

— Спасемся отважным, быстрым бегством, брат, — сверкнул белыми зубами Дэш.

— И что нам надо?

— Монетку, конечно. Или какой другой такой ключик. У нее наверняка есть.

— Ты так в этом уверен?

— Еще бы, — Пони снова отрастил кистень и, подцепив краем замок, начал его разнимать. — Эта была всадник, пока не чокнулась. По крайней мере, Блед так рассказывал, но он сам, вроде бы как, не видел, но ему рассказывал прошлый Воин, пока был живой. Давно!

Замок поддался, слетел, описав красивую дугу, и приземлился в кустах, вызвав там активное шурудение. Кто-то серый шустро порскнул по подлеску, укоризненно мяуча.

— А это ничего, что твои тенекошки нас подслушивают?

— С чего бы это они мои, э? Они сами, вроде как, по себе тенекошки, — Пони, которому отлетающий замок рассадил палец, старательно его облизал — но Илья не мог не обратить внимание, что проступившая кровь была такой же густой и маслянисто-черной, как у него самого вокруг пострадавшего ногтя. Правда, никакой кристаллической структуры у ногтей Пони не было, скорее, они казались просто более плотным матовым черным на черных же руках без намека на более светлую ладонь.

— У тебя вроде крови на лице, — напомнил Илья, показывая на себе движение слезы, оставившей красный блеклый след на щеке Дэша.

— Это слезки, — без смущения пояснил Пони, но растер щеки.

— Кровь черная, слезы кровавые?

— Так и мы не в Первых Землях, — пожал он плечами. — Еще спроси, брат, откуда у меня крылья.

— И откуда у тебя крылья?

— Из задницы! — гордо ответил Пони, подцепив край крышки и с натугой откидывая ее.

— Анатомически не верно, — заключил Илья, проведя беглый визуальный осмотр.

— Зато по сути — в самую точку, брат, — Дэш присел на корточки возле открытого люка, с интересом вглядываясь в темноту и пригнувшись. — Ты, это, умеешь тихо ходить и почти не дышать?

— Не понял. Не греметь смогу, но не гарантирую полной тишины, — ответил Илья, подходя поближе. — А что насчет “не дышать”?

— Ну так подванивает, вроде как, — с сомнением сказал парень. — Ладно, брат, короче, вот как — не шуми там, — и он аккуратно соскользнул вниз, во тьму.

Илья подошел к краю, с подозрением заглянул вниз: волосы Пони светились не хуже экрана телефона во тьме, они были хорошо различимы совсем недалеко внизу.

— Ну? — раздалось оттуда. — Долго будешь копаться, э?

Юноша решил: сел на край люка, свесив ноги, и соскочил вниз, напружинивая ноги. Пол был мягкий, земляной и влажный, и стены коридора тоже не отличались не то что богатой, но и вообще какой-либо отделкой. Плотная, утрамбованная, местами словно оплавленная почва: в некоторых местах из нее даже торчали хвостики земляных червей и куски корней. Потолок был достаточно низкий, относительно невысокий Илья еще мог стоять здесь во весь рост, не опасаясь удариться, а вот более крупному Дэшу приходилось пригибаться.

— Ну, типа того, что, вроде пошли, — сказал тот, принаравливая свою осанку к неблагоприятным по высоте условиям.

— Ты точно знаешь, в какую нам сторону идти?

— Не-а, — беспечно отозвался тот. — Но ты не бойсь, у меня топографического этого,

кретинизма нет.

— Как будто это поможет, — тихо возмутился Илья, пытаясь попасть в нужный ритм, чтобы не отставать от единственного источника света и одновременно не утыкаться в спину приятеля на каждом шаге. Впрочем, источник света постепенно бледнел. Сначала Илья думал, что ему это кажется, но с тем, как ход спускался все ниже и ниже, свет, испускаемый волосами Пони, становился все более прозрачным и неуверенным. И это немного нервировало. Или даже не “немного”.

— Ты в курсе, что ты гаснешь? — осторожно уточнил Илья у своего спутника.

— Э? — полуобернулся Дэш. Потом, видимо, дешифровал вопрос, остановился, оглядел себя, смешно морща попеременно то лоб, то нос. — Я вроде как так глубоко не забирался тут. Наверху не было такого, не.

— И что это значит?

— Что будем в темноте идти, вот что, — невозмутимо пожал плечами Пони. — Я говорю, не бойсь.

— Есть разница между страхом и осторожностью, — возмутился Илья. — Вдруг ты от этого слабеешь или что.

— А вот кто ж его знает, так это и не я, — буркнул Дэш. — Возвращаться все равно не будем, брат, уже, вроде как, не очень и далеко.

— С чего ты решил, карту, что ли, нашел?

— Да не, вроде как, спускаемся уже долго, значит, скоро и придем.

— Логика, — буркнул Илья. — Ладно. Давай тогда, вперед.

Сияющие следы перьев впереди становились все бледнее. Их очертания расплывались и бледнели, пока не остались только смутными кляксами под закрытыми веками. Наступила темнота.

Глава 4, в которой все продолжает происходить, но как-то наискосок

Илья вел пальцами руки по стене, чтобы не пропустить повороты и не влететь в стену, и шаг за шагом двигался дальше. В полной темноте движения были монотонными и сюрреалистичными, почти усыпляющими. Илье даже казалось, что земля под ногами становится более мягкой, пружинящей.

А потом стена под рукой исчезла. Илья сделал еще несколько неуверенных шагов вперед, шаря во все стороны в поисках нужного направления, потом позвал Дэша, но в ответ в лицо пахнуло только прохладным ветром.

— Эй, Дэш! Не смешно, — попробовал Илья снова, уже громче. Но вокруг была только черная тишина, и даже эха не было, и воздух постепенно свежел, словно бы бесконечное свободное пространство само надвигалось на него, стоящего в полной темноте.

Звезды зажглись в вышине постепенно, словно кто-то рисовал широкой кистью полосы. Или же глаза просто привыкали к полному мраку, учась различать в нем слабые источники света.

— Ничесе, — выдохнул Илья себе под нос, озираясь, но стараясь не сходить с места в смутной надежде, что где-то сзади был вход обратно в душное подземелье. Впрочем, ничего там не было: оглянувшись, юноша увидел только чуть менее густой, расцвеченный звездами мрак сверху и более густой — снизу, разделенные четкой линией горизонта.

— Выйду ночью в поле с конем. Вернее, с Пони. И потерю его нафиг, — пробурчал он, жалуясь сам себе. Он ужасно плохо понимал, что ему теперь делать и как, в конце-концов, эти “Третьи земли”, как называл их Дэш, были для Ильи пока совершенно неизведанным пространством, поэтому ему даже трудно было оценить, что здесь норма, а что нет, и что, на самом деле, безопаснее и удачней — остаться на месте и ждать, пока Дэш его отыщет (а он отыщет, тут сомневаться не приходилось), или попробовать двигаться куда-то вперед. Или назад. Или куда-то еще.

— Жаль, что кнопку сохранения забыли добавить. И загрузки. Я бы загрузил версию пораньше. Например, до того момента, как мы полезли в этот люк. Там, в общем-то, все было хорошо и все получалось.

Убалтывая себя, Илья сделал шаг вперед, потом еще несколько, словно набирая инерцию для движения, и, наконец, пошел вперед со стабильной, ровной скоростью, оглядываясь то и дело в поисках хоть какой-то метки, ориентира. Но тут, кажется, только по звездам можно было бы ориентироваться — это если бы Илья хоть что-то понимал в прикладной астрономии, а не просто знал названия планет Солнечной системы и пару случайных фактов. А так он даже не мог с уверенностью сказать, были ли созвездия тут теми же, или другими, чем на родном ему небе.

Тем не менее, чем больше он пялился на небо, тем более очевидно ему становилось, что что-то было не на месте. Размышления и попытки понять, что же именно, кроме отсутствия Луны, его не устраивало, в конце-концов, привели к правильному выводу: на небе не было Млечного пути, который уж точно должен был быть виден на таком прекрасном, ничем не загороженном куполе.

— Либо это отменная иллюзия, — заключил сбитый с толку и изрядно дезориентированный Илья, — либо я, что, в другой галактике, что ли?

Ему казалось, что он бредет в бесконечной ночи невероятно долго. Из-за монотонности пути и обстановки за течением времени было следить очень трудно, но Илья приноровился считать удары сердца. Он сбился где-то на пяти тысячах, и начал снова, когда ему показалось, что далеко, почти на горизонте, что-то блестит. Думая, что уже сходит с ума от этого чистилища, он попытался проморгаться, но виденье не уходило. Там, далеко, в самом деле горел какой-то крошечный огонек и темнота рядом была словно другой фактуры. Воодушевленный и одновременно немного встревоженный, Илья прибавил шагу, путаясь на каждом шагу в высоких темных травах.

Чем ближе становился неведомый источник света, тем больше он беспокоился о том, что же там такое. Ведь в случае чего на такой плоской и бесконечной, как тарелка великана, равнине, даже скрыться некуда. Несмотря на кажущуюся прозрачность воздуха, он очень долго не мог разглядеть, что же там такое. Видно было только небольшой фонарь, качающийся на порывах ветра, а что под ним — Илья разобрал только когда до него оставалось всего ничего — метров сто. Но зато сейчас картина была вполне цельной: фонарь венчал посох, неподвижно воткнутый в землю на краю черной водной глади. У угла причала качалась небольшая лодка, и рядом с ней на берегу сидел кто-то в плотном плаще, складки которого были словно выточены из мрамора.

Илья рискнул приблизиться. Осторожненько, почти по одному шагу, медленно. Его шаги были почти не слышны на мягкой земле, но ему казалось, что его сердце бьется на всю равнину. И тем удивительней казалось, что на него не обращают внимания.

— Эй, — позвал Илья, осторожно ступая в круг света. Ноль реакции. — Простите? — Парень сделал еще несколько шагов и остановился, напряженно глядя на согбенную фигуру. — Вы не знаете, как отсюда выбраться? Ну, и где это здесь, вообще.

Раз. Два. Три. Четыре. Илья успел досчитать про себя до двадцать с хвостиком, когда фигура в плаще внезапно поднялась на ноги и развернулась к нему одним движением.

Илья ошеломленно шагнул назад.

Она была похожа на статую — возможно, она и была статуей, потому что плотный холодный цвет ее кожи ничуть не походил на живую плоть. Глаза казались выложенными перламутром, все семь: два на привычных местах, и три на лбу, два на щеках. Когда фигура подняла руки, откинув в стороны тяжелые полы плаща, Илья с содроганием обнаружил глаза на ее ладонях и запястьях, и все они мигали вразнобой безволосыми веками.

— Здравствуйте, — выдавил из себя Илья, лихорадочно соображая, не знает ли он чего о таких созданиях, случайно, из мифов или страшных сказок. В голову, впрочем, приходил только многоглазый страж Аргус, излюбленный талисман многочисленных ЧОПов.

— Ты прошел путем мрака, — прошелестела стражница. — Не убоялся тени. Река Ночи ждет тебя.

— С-спасибо, — ответил Илья, с подозрением глядя на нее. — А эта Река Ночи меня выведет отсюда?

— Река Ночи течет свободно. Лодка ждет, — странная женщина качнулась вперед, заставив Илью отпрянуть, взялась за посох, и свет на его конце словно втянулся внутрь, в нее, и лучи света вырвались из бронзовой фольги глаз. Они не были слепящими, не были даже слишком яркими, но в полной темноте этого мира были очерчены, словно клинки. — Ступай, — сказала она, и Илья, не видя особенно альтернатив и желая как можно быстрее убраться подальше от впечатляющей стражницы, обогнул ее по дуге и направился к импровизированному причалу. Вода Реки Ночи перед ним была гладкой, словно никакого

течения не было и впомяне, и ни одной волны не пошло по ее ровной поверхности, когда Илья забрался в лодку. Впрочем, и лодка не качнулась даже под его весом и движениями, словно и вода, и дерево были нарисованы на картине или выточены из камня.

— Твой путь ведет в забвение, — сказала стражница, подходя к кромке воды. Веревка, которой лодка была привязана к причалу, от этих слов распустилась, и стражница светящимся концом посоха подтолкнула лодку прочь. — Прощай.

— Но, но, — Илья метнулся к краю лодки так, что обычная бы точно перевернулась, а этой — хоть бы хны. — Но!..

Но несмотря на отсутствие видимого течения, сияющая клинками света стражница была уже слишком далеко, и ее сияние постепенно гасло, оставляя лишь манящий свет фонаря. А путь Ильи снова лежал во мрак, и на этот раз он даже не мог сам выбрать направление.

Река Ночи, черная и холодная, равнодушная, несла его вперед и вперед. Некоторое время он просидел на носу, вглядываясь в темноту впереди, потом, отчаявшись, перебрался на корму, которая все еще немного мерцала после прикосновения фонаря на посохе, и наблюдал за едва заметным следом, который лодка оставляла на воде. А потом ему стало совсем грустно и отчаянно, и он лег на дно лодки, глядя в небо, на далекие чужие звезды, и лежал неподвижно и тихо, слушая шелест воздуха и воды.

Возможно он спал и снова просыпался, и в его снах были те же звезды и та же пустота вокруг, или все время бодрствовал, нельзя было с уверенностью определить. И чем дальше, чем больше Илью одолевали сомнения в том, что Пони таки сможет его найти, и это будет не слишком поздно. В конце-концов, образования и общей эрудиции парня как раз хватало на то, чтобы проследить сходства нынешнего меланхоличного приключения с классическими образцами загробного мира, как его представляли самые разные народы и культуры. Тут было и бесконечное пустое пространство, и река смерти, и стражница-лодочник. Так что, возможно, они просто шли, шли, шли и дошли до конца жизни, выползли в Лимбо, и вот — Илья уже плывет в царство теней для окончательной прописки.

Впрочем, даже испугаться нормально сейчас не получалось. Весь мир был подернут такой аурой тишины и неизменности, что любые эмоции казались лишними. Поэтому Илья продолжал себе лежать на дне лодки, постепенно смиряясь даже с тем, что ему, вероятно, предстоит оставаться в таком состоянии одну или две Вечности напролет. Только вот интересно, как там, все-таки, Пони? Попал ли он тоже сюда, в этот тихий темный мир, или куда-то в другое место, другое чистилище? Или рай, ад? Что там еще обещают мировые религии? Колесо сансары? Такому герою-оригиналу, как Дэш, подошло бы, пожалуй, сражение с демонами, а вовсе не вот такое тихое ускользание в небытие.

— Я рожден был героем, я видел больше, чем всё, мною мир был построен, а теперь я — ничто, — тихонько спел сам себе под нос Илья. — Поднимаясь к вершинам и спускаясь на дно, я не мог бы погибнуть, так было мне суждено. Если я буду жить, то, разрывая мрак, стану звездой в ночи, будет так! Если я буду жить, вырвусь я из оков, я не смогу забыть путь в ничто, — вопреки ожиданиям, его голос вместо того, чтобы раствориться в пустой тишине бесконечных просторов, постепенно окреп и нашел даже какое-то эхо.

И, как ни странно, стало светлеть. Сначала Илья, приподнявшись со дна лодки, подумал было, что это снова усилился тающий свет от лодки там, где ее коснулся фонарь жутковатой стражницы, но, как оказалось, зарево растекалось впереди. Там, внезапно куда ближе линии горизонта, темнота внезапно обрывалась, словно разрезанная раскаленным ножом. И этот край стремительно приближался, намного быстрее, чем это в принципе могло быть: словно

бы лодка не плыла совершенно неторопливо по темной недвижимой глади, без весел или паруса, а шуровала на моторе, как шустрый катер. Илья метнулся на нос, опираясь на борт обеими руками, и с оттенком обреченного ужаса понял, что, во-первых, никаких берегов вокруг не было, а во-вторых, впереди было что-то вроде водопада, потому что река, отражающая сейчас блики света, обрывалась внезапно, и за ней был только воздух, светлое небо, на котором не было ни облаков, ни каких-либо светил: только чистое, прозрачное, теплое сияние.

Илья не успел ни подумать, ни сделать что-то, как край оказался совсем близко, и потом лодка зависла на мгновение над зияющей пустотой, открывая ему невероятный, нереальный вид на бесконечное море солнечного света, а потом рухнула вниз, падая и падая мимо гладкой стены темноты. Илья успел ощутить падение, тянущее, крутящее внутренности чувство почти-невесомости, а потом вокруг не стало ничего, кроме света.

Некоторое время свет был единственным ощущением, единственным, у чего был смысл и фактура, а потом пришло осознание, что, на самом деле, невесомости больше нет, да и была ли она? А он лежит спиной на земле, на траве, и вокруг пахнет солнечным лугом где-то поздней весной, и смотрит в полное света небо, в котором не было никакого источника света. Ему показалось это странным, но ровно до того момента, пока он не попытался вспомнить, а как бы должно было выглядеть не-странное небо. И он не смог. Логично, рассудив, что, значит, все нормально, он поднялся на локте и огляделся.

В самом деле, он лежал на лугу с невысокой травой и аккуратными группами цветов, словно высаженными умелыми руками садовника, а не выросшими абы как: скорее сад, чем поле, но никаких строений в границе видимости не было.

Он осторожно встал, попутно с удивлением оглядывая себя, изучая надетые на себя вещи так, словно впервые видел. А потом подумал: а как, собственно, меня зовут?..

Мысль была неожиданной и довольно страшной, но он в самом деле не имел понятия ни о своем имени, ни о происхождении, ни о каких-то других сведениях. Собственно, он смутно представлял себе даже свою внешность.

— Спокойно, — вслух сказал он, с оттенком тревоги вслушиваясь в свой голос. Он тоже казался немного чужим, словно бы он слушал запись своего привычного голоса, а не говорил сам. — Это еще не конец света. А только конец памяти.

Мысль была странно успокаивающей: ведь если он еще жив, значит, все еще можно наладить, хоть как-то. Поэтому он с повышенным интересом переизучил все свои вещи, ища хоть что-то, что могло бы ему напомнить о себе, но нет — такой удачи ему не досталось. Он был никто в неизвестно где, и если вопрос с тем, кто он, не получалось прояснить, оставалось попробовать помыслить мир иначе и подойти к проблеме с другой стороны. Например, выяснить, кем бы он хотел быть (не практично, но философски), либо попытаться узнать, где он, и, может, отыскать кого-то, кто его знает. Установив, таким образом, цель, он снова огляделся, выбрал совершенно наугад направление и двинулся в путь по демонстративно цветущему, образцово-показательному лугу.

— Такие луга только на идеалистических пасторальных картинках рисовать, — прокомментировал он вслух просто для того, чтобы не чувствовать одиночество. А было, на самом деле, немного одиноко. Он не замечал в траве никакого движения, ни насекомых, ни птиц, ни мелких грызунов, какие, по его мнению, должны были бы мелькать тут и там. Нет, вокруг царил открыточно-сахарный день с яркими цветами, зеленой травой и звучащими в отдалении птичьими трелями. Впрочем, кажется, там были не только голоса птиц:

прислушавшись, путник разобрал человеческие голоса, где-то далеко впереди, сливающиеся из-за расстояния в неравномерный гул.

Ободренный внезапной надеждой найти кого-то разумного и сведения о себе и окружающем мире, путник двинулся вперед, прибавляя шаг и рассуждая про себя, как, собственно, объяснить потенциальным собеседникам свою ситуацию, и кем он все ж таки может быть.

Ему казалось, что он еще совсем сопляк: не ребенок, великоват для ребенка, но, может, подросток? Он даже ущипнул себя за щеку, пытаясь оценить возраст, и согласился с ориентировочным выводом: кожа оказалась плотной и упругой. Правда, следующее предположение оказалось мимо: внутри себя он считал себя относительно темноволосым, но вытянутая вперед прядь длинных волос оказалась совсем светлой.

— И как меня могут звать? — пробурчал он себе под нос. — Джонни*?

** Джон Доу — принятое в саксонских странах обозначение для человека, личность которого не установлена.*

Нет, Джон определенно не годился.

— Джек? Я это иль не я?.. — спросил он в пространство, не забывая отслеживать, не приближается ли источник голосов. И внезапно что-то словно толкнуло его изнутри: чей-то голос, радостным воплем зовущий его по имени. “Илька!”.. — Илька? — неуверенно попробовал он на вкус это имя. Звучало похоже на него. Но все равно странно. — Ладно. Пусть будет Илька.

Голоса становились уже различимыми, да и, приглядевшись, он увидел сидящих под одиноким деревом на холме путников. На траве был расстелен плащ, разложена какая-то нехитрая еда, чей-то посох стоял рядом, прислоненный к стволу. Путников было трое: с приближением их стало можно разглядеть, да и они заметили новое лицо, замахали ему руками, приглашая к себе. Первым был пожилой мужчина, плотный и темнокожий, с окладистой седой бородой, он белозубо улыбался, и в этой улыбке было что-то неуловимо знакомое. Рядом с ним сидела красивая женщина со строгим лицом, в длинном светлом платье и в венке из полевых цветов, а напротив — маленький мальчик с темными волосами.

— Приветствую, приветствую! — позвал старший. — Подходи и раздели с нами трапезу и вино, путник!

Гость отвесил неловкий поклон, с трудом собрался, чтобы усесться на край плаща со свободной стороны, между женщиной и мальчиком. На плаще были разложены хлеба и не то жареная, не то копченая рыба, стоял кувшин, от которого отчетливо пахло перебродившим виноградом. Не иначе, как, в самом деле, домашнее вино. Старик поднял этот кувшин к губам, сделал глоток, передал женщине. Та тоже деликатно отпила и отдала гостю. Тот пригубил терпкий напиток, делая глоток, и вместе с насыщенным вкусом словно маленький кусочек воспоминаний вернулся на место.

Илья, его звали Илья. Конечно же.

— Ну, чего присосался? — толкнул его в бок мальчик. Илья смерил его удивленным взглядом, не уверенный, что детям вообще полагается пить такое, но тот уже отнял у него кувшин и, глотнув, снова отдал старику. А Илье подмигнул, и в его выражении промелькнуло что-то далеко не детское. Далеко не человеческое, наверное, тоже.

— Добро, — старик поставил кувшин на плащ и оглядел Илью с головы до ног. — Далеко ли идешь?

— Ищу дорогу, — ответил Илья, с сомнением отмечая, что вопрос старика — и его

собственный ответ — прозвучали незаслуженно философски. — Я, собственно, хотел спросить, что это за место. Я, кажется, заблудился.

— Что ж, главное — признать, что сбился с пути, а не упорствовать в ошибке, — почему-то одобрительно сказал старик.

— Мы в полях доброго острова Аваллон, — мягко сказала женщина. — Судя, бывает, попадают, сбившись со своего пути, но никогда — напрасно. Ты избежал беды, или смерти, и тебя прибило к этим берегам в поисках верной дороги.

— Похоже на то, — согласился Илья. Он не помнил, что с ним было до этого самого Аваллона, но сильно подозревал, что что-то неприятное. — Правда, я совершенно ничего не помню про это.

— Это так задумано, — снова подал голос мальчик. — Это все туманы.

— Туманы не пропускают память и печали, — подтвердил старик. — Ты ешь, ешь, путник. Еда для всех голодных. Такой славной рыбы, как здесь, нигде нет. Да и хлеб самый пышный.

— Потому, что беспечальный, — звонко рассмеялся мальчик.

Илья послушно отломил себе от краюхи хлеба щедрый кусок, положил на него маленькую жареную рыбку и стал жевать. Странно, но у еды был совершенно нормальный, земной вкус, можно сказать, архетипичный вкус всех на свете рыбных бутербродов. И даже косточки попадались, Илья вытаскивал их изо рта и некультурно вытирал пальцы о траву. Что-то такое было, он помнил, про хлеба и рыбы, и про вино, и про еду для всех голодных.

— А куда мне идти-то теперь? Вряд ли мне нужно оставаться тут, на этом вашем Аваллоне.

Мальчик махнул рукой дальше, в даль полей, где виднелась что-то вроде изгороди из вьющегося винограда.

— Пойдешь вдоль изгороди, пока не отыщешь дверь, войдешь в лабиринт, а там разберешься.

— Точно разберусь? — с подозрением уточнил Илья, выплевывая очередную косточку.

— Если не разберешься, никогда не вернешься, — тихо ответила женщина, и от этих слов разом стало как-то жутковато, несмотря на лубочный уют солнечной поляны и доброжелательных людей. Илья поежился, доел импровизированный бутерброд и, вытерев руки, покосился на кувшин с вином. Кажется, начинать должен старший?.. Старик, словно подслушав его мысли — или просто заметив взгляд, поднял кувшин и снова пустил его по кругу, как братину.

— Что же, за встречу, за расставание, — сказал он.

Илья отпил свой глоток, передал кувшин мальчику и еще раз огляделся, прослеживая изгородь, насколько ее было видно. Мир вокруг казался таким тонким, словно его пальцем проткнуть было можно, но Илья не рискнул тыкать. Вдруг бы получилось?

— А как вас зовут? Кто вы, вообще? — решился спросить он.

— Наши имена ничего не значат, — сказал старик.

— И меняются со временем, — добавила женщина. — И потом, мы же не спрашиваем твоего имени?

— Иди, — напутствовал его мальчик, возвращая кувшин старику. — И постарайся не вернуться.

Старик только качнул седой бородой, мол, счастливого пути.

Илья поднялся на ноги, отвесил неловкий поклон.

— Спасибо за ... гостеприимство. И за совет.

— Счастливого пути, — напутствовали они его нестройным хором, и он, развернувшись в сторону изгороди, все-таки начал спускаться с холма. На середине пути не выдержал — обернулся, хотя в голове то и дело мелькали обрывочные куски каких-то предупреждений из сказок или легенд, что так делать нельзя.

А под деревом уже никого не было. Только края истлевшего плаща на внезапно бурой и жухлой траве немного шевелил ветер, и виднелось что-то такое ... белое, сероватое... кости?.. Да и дерево изменилось: вместо зеленой листвы на фоне неба виднелись только толстые изломанные голые ветви.

Остаток пути до изгороди Илья проделал едва ли не кубарем, и вдоль зеленой стены пошустрил очень даже бодро, то и дело бросая через плечо судорожные короткие взгляды. Но никакие призраки или скелеты не торопились его догнать — вокруг царил все тот же картинный полдень, и только мертвый холм выбивался из общей слащавой идиллии.

— Уйди, — посоветовал я, не оборачиваясь. Я лежал на краю крыши, обозревал свои владения и свой сектор защиты, любясь благолепием и царящим в них порядком, и совершенно не собирался отвлекаться от мыслей о собственной грандиозной профпригодности.

— Ну уж нет, — отозвалась Двекошки, медленно подходя ко мне поближе и ложась тоже медленно, но на уважительном расстоянии. — И так еле сюда взобралась. У тебя лаз из подвала не работает. Не порядок.

— Сама ты не порядок, — фыркнул я и зевнул, разевая пасти с двойными рядами острых зубов, отлично пригодных для ловли мефоз и другой псевдобратии. — Он заблокирован, ненужные коты постоянно лезут.

— Ненужных котов не бывает, — наставительно сказала Двекошки. — У каждого кота свое Приключение.

— Но у некоторых оно заключается в том, чтобы орать и жрать, — согласился я, критически подходя к вопросу. — Сектор — мой. Слежу — я.

— Но ты не всегда можешь быть в нужном месте в нужное время. Потому нас и много, и каждый готов протянуть лапу, если беда.

— И кашку подложить тоже, — поддакнул я, совершенно не впечатленный.

— Я уверена, ты еще согласишься со мной, — без особого напряжения в тоне ответила Двекошки, облизывая переднюю лапу, с тщательностью прочесывая зубами шерсть между пальцами.

— Не меняются только дураки, — подумав, рассудил я. — Это все, что ты хотела обсудить?

— Ты сейчас приходил на Большой Зов?

— Да. В отличие от тебя.

Двекошки фыркнула.

— Я была далеко и не успела. Что там произошло?

— Кто-то дрался с кем-то. Один позвал нас. Второй хорошо отбивался, но сбежал. Конец истории.

Двекошки немного помолчала. Я даже подумал, что, может, она ненароком уснула, и

даже зыркнул в ее сторону глазом, но нет: просто думала, нахохлившись и став от этого еще в два раза больше. Ее размеры всегда вызывали мое искреннее уважение. Я и сам не мал в габаритах, да так, что не всякая глупая псина решится меня задирать, но Двекошки просто потрясает, когда видишь ее в сравнении с любым другим представителем семейства кошачьих.

— Я еще не слышал такого Зова, — признал я, глядя вниз, во двор дома. — Это было странно. Похоже на Зов Сородича, но не совсем.

— Потому что Эти нам сородичи, но не совсем, так и есть, — ответила Двекошки, щурясь. — Они тоже спасают мир от Всенеца, но не как мы. Поэтому мы помогаем им, а они — нам.

— И что они делают? — педантично уточнил я, не понимая, что может быть важнее охоты за обломками нижних миров в верхнем. Гадкие мефозы!

— Они охраняют от Тех. А от Тех и идут мефозы, и другие твари, тоже, — сказала моя собеседница, впиваясь взглядом во что-то внизу. — Сон разума рождает чудовищ.

Я проследил, куда она там смотрит, но там всего лишь шел какой-то бесхвостный в цветной куртке, и ни одной мефозы не было видно, как это и полагается в секторе идеального содержания.

— Значит, на такой зов надо приходиться, — рассудил я. — Но раньше такого не было.

— Было. Но до того, как ты присоединился к Охоте, — пояснила Двекошки, зевая так, что у меня даже самого за ушами затрещало. — Просто сейчас Те начали ворочаться во сне, от того и мефоз все больше, и новые твари встречаются. Теперь все ясно.

Видимо, Эти в самом деле делали важное дело. Ведь если это от Тех у нас такие нашествия, как в последнее время, то, в самом деле, должны быть какие-нибудь Эти, чтобы останавливать Тех и мурчать им колыбельные. А нам, охотникам из Тени, недосуг таким заниматься.

— Союзники, — заключил я рассудительно.

— Союзники, — подтвердила Двекошки, и мы некоторое время наблюдали мир в молчаливом согласии.

— А теперь уйди, — затем попросил ее я.

Дверь нашлась, когда мрачное дерево полностью скрылось из вида, словно она пряталась от него, но она была ничуть не менее странной. В изгороди, да и в самой ткани реальности зияло отверстие, словно вырезанное ножом. За ним виднелись смутные очертания другого пейзажа, а сам срез был не толще картонки от торта.

Илья оборвал веточку с изгороди и сунул туда, наружу. На удивление, ничего не случилось, там, за невидимой границей веточка продолжала здравствовать и зеленеть, разве что, стала немного золотистой. Илья вытащил ее к себе — и осевший на ней золотой налет оказался настоящим: очень мелкая, мелкая, сыпучая, летучая золотистая пыль.

— Час от часу не легче, — буркнул Илья. Впрочем, — выбирать особо было не из чего, поэтому он глубоко вздохнул, вдохнул, на всякий случай, воздуха побольше и шагнул в прорез. Ничего эдакого он даже и не почувствовал, словно в обычный дверной проем вошел, только вокруг вместо зелени, травы и живописных пейзажей была почти бесконечная долина золота под желтым небом с точками далеких звезд, и в воздухе висела золотая взвесь.

Илья выдохнул, хватанул местного воздуха, покашлял, но принял к сведению, что пыль особенно не ощущалась — разве что запах был странный. Не то металл, не то мед.

— Хрен редьки не слаще, — добавил еще одну народную мудрость Илья. Обернувшись, он обнаружил, что никакого окна с этой стороны и вовсе нет, а есть только такое же бесконечное золотое пространство. Натянув на нос воротник рубашки, парень обреченно двинулся вперед, приходя к мнению, что ему тут, видимо, предстоит какой-нибудь идиотский норматив по ходьбе сдавать.

Золотая бездна тянулась почти бесконечно, или, может, на самом деле прошло всего лишь полчаса или час, как вдалеке показалась какая-то выделяющаяся на пустоши структура. Не зная, радоваться или пугаться, Илья, тем не менее, прибавил шаг.

Кажется, это была статуя. Чем ближе Илья подходил, тем лучше было видно: это был трон из золота, на котором сидел золотой же человек. Вскоре стало возможно разглядеть его аристократическое точеное лицо, длинные волосы, странный наряд, массивные браслеты на руках, сливающиеся с подлокотниками трона, и... острые кончики длинных ушей, выглядывающие из-под золотых прядей.

— У царя Мидаса, — сказал Илья, чувствуя шевеление каких-то потерянных воспоминаний, — ослиные уши.

Статуя ему, впрочем, не ответила. Хотя на миг показалось, что золотая взвесь немного дрогнула — хотя, может, это дыхание Ильи ее колыхнуло.

— И что мне делать-то?

— Смотря за чем, — раздался едва слышный голос. — Ты пришел.

Илья поднял глаза и, встретившись с живым взглядом глаз золотой статуи, так и подпрыгнул.

— А ты кто такой? — буркнул Илья крайне недружелюбно из-за испытанного ужаса, близкого к сакральному. В конце-концов, подмена живого неживым и тому подобное — один из самых глубоких ужасов человечества. Феномен зловещей долины, или что-то такое.

— Маэдис, — почти не размыкая губ ответил сидящий. — Златорукий.

Илья недоуменно на него посмотрел, пытаясь найти какие-нибудь подходящие слова.

— Царь Мидас?

— Маэдис, — тихо, но упрямо повторил его собеседник.

— И в самом деле, — растерянно сказал Илья. — Ослиные уши.

— Они не ослиные, — не согласился Маэдис чуть живее. Золотой налет даже немного облетел с его губ и щек, но они все равно больше были похожи на металл, чем на живую плоть. — Ты эльфов, что ли, не видел?

— Не-а, — с интересом ответил Илья, осторожно подходя чуть ближе, чтобы разглядеть неведомую диковинку. Маэдис, или как там его, был похож, по большей части, на человека, но на человека после нескольких десятков пластических операций, потому что, Илья был уверен, таких образцов точно не пускали в массовое производство даже на далеких солнечных пляжах Малибу.

Впрочем, доля чуждости в нем была, тут Илья точно мог сказать, и именно из-за этой доли анатомического, что ли, несоответствия Маэдиса и сложно было воспринимать как живое существо.

— Зачем ты здесь? Хочешь превратить что-то в золото?

— А ты в самом деле это можешь?

— Могу.

— Лучше скажи, где мы, и как отсюда выбраться.

— Не могу.

— А мне обещали, что тут я найду ... дорогу дальше, что ли? — смешался Илья, пытаюсь вспомнить, что конкретно ему обещали.

— Расскажи с начала, — попросил Маэдис. — Может быть, у меня есть твой ответ, но я не могу понять вопрос.

— Да если бы я сам понимал, — вздохнул Илья, обреченно оглядывая золотые просторы, которые были ничуть не многообещающей предыдущих зеленых садов. — Я каким-то образом очутился на острове Аваллон, не зная ни кто я, ни где нахожусь. Встретил там троих — старика, женщину и ребенка, они накормили меня и дали несколько глотков вина, и сказали, что я выйду с Аваллона через дыру в изгороди. И там дальше что-то найду. Не соврала, конечно: и вышел, и нашел. Только не очень понимаю, что дальше.

Золотая фигура на троне встрепенулась, Маэдис даже голову немного повернул, заставляя золотистую пудру осыпаться с щеки и части волос.

— А когда ты обернулся, то на их месте были только кости и мертвая трава, — сказал он, и на этот раз его губы в самом деле двигались.

— Так и было.

Маэдис отвернулся, глядя в пространство, а потом медленно, словно взвешивая каждое слово, сказал:

— Тогда, вероятно, это ты — мое решение, а не я — твое. Или... и то, и то.

— Ты их знаешь? Этих троих?

— Я встречал их, — уклончиво ответил тот сначала, но потом все же продолжил. — Они — Оракулы. Воспоминание о мудрости, застрявшее в туманах волшебного острова, всегда и никогда. Считается, что они знают обо всем и все, и могут дать совет о самом главном, что имеет сейчас смысл для тебя. Я встретил их однажды, давно, или недавно, когда-то... — черты его лица дрогнули, словно он пытался вспомнить, как управлять лицевыми мышцами. — Когда искал, как избавиться от дара, который ничего хорошего мне не принес.

— Золотое прикосновение.

— Золотое прикосновение, — подтвердил он. — Видимо, обо мне помнят там, на Первых землях. И про мои ... ослиные уши.

— Если бы я знал, что такое Первые земли, — пожал плечами Илья. — Или откуда я знаю про ослиные уши.

— Вероятно, ты на самом деле не потерял память — просто часть воспоминаний от тебя скрыта чем-то, или кем-то. А вот то, что не имеет значения для этого кого-то, ты прекрасно помнишь.

— Можно сделать вывод, что этот кто-то понятия не имеет про царя Мидаса.

— Вероятно.

— И что тебе посоветовали эти Оракулы?

— Они сказали, что освобождение найдет меня под Третьими землями, в истоках реки Златоток.

— И?

— Я отправился туда. Но в пещере, откуда брал начало Златоток, я столкнулся только с довольно неприятной дамой, которая решила использовать мой дар по своему.

— Ты работаешь у нее философским камнем, — предположил Илья, оглядываясь вокруг. Что-то в словах Маэдиса про неприятную даму прозвучало до странного знакомо.

— По крайней мере, именно так описывал ситуацию один алхимик, которому довелось сюда добраться однажды. Правда, я до сих пор не знаю, сумел ли он отсюда выйти.

— Но откуда это, “отсюда”? Где мы?

— Это один миров той дамы, — часть золотого слоя осыпалась с плеч и рук Маэдиса от его неопределенного движения. — Она хранит их в гадальных костях.

— И ты считаешь, что я должен тебя как-то освободить? — нахмурился Илья.

— Ты нашел меня под Третьими землями, в истоках реки Златоток, после встречи с Оракулами. Я считаю это логичным предположением.

— И что тебя держит? Кроме отсутствия порталов и других дверей в иные миры, — с подозрением в голосе уточнил парень.

Маэдис наклонил голову и дунул, заставляя золотую взвесь подняться в воздух со своих рук. Руки приобрели почти живой вид, насколько можно выглядеть живым с настолько бледной кожей и оставшимися прожилками золота, но браслеты на запястьях оказались вовсе не украшением, а кандалами. Золотыми, как и трон, как любая вещь, к которой прикасался “царь Мидас”, но, тем не менее, кандалами, которые удерживали его на месте.

— Предполагается, что я знаю, как с этим справиться?

— Хотелось бы верить, — тихо сказал Маэдис и поднял пристальный взгляд на Илью.

— Я ничего не помню.

— Ты не помнишь ничего, что касается тебя самого и твоих возможностей. Но, может быть, ты знаешь еще что-то... обо мне?

— Это бесполезно, — буркнул парень. — Вообще-то считается, что вода из реки Златоток сняла с тебя проклятие, и ты жил долго и счастливо, только обзавелся ослиными ушами, и об этом узнал весь свет.

— Я родился с этими ушами, поэтому можно предположить, что историю рассказывают в обратном порядке.

— Тогда дальше ты пришел к Златотоку.

— Разве что сам Златоток ко мне. Впрочем, будь у меня руки свободны, я бы сделал это: но сейчас это довольно-таки... невозможно.

— Ты, что, этот ... колдун? — оживился Илья, не очень-то понимая, почему его так вдохновляет это простое признание. Даже если и колдун, Маэдис был в плену чар, которые не мог разбить самостоятельно.

— А как, по твоему, я научился превращать все в золото? Боги благословили?

— Вообще-то, именно так и говорят. Не помню только, был это Аполлон или Дионис?

— Ни тот, ни другой. Я попался в ловушку собственной жадности совершенно самостоятельно.

Илья задумчиво огляделся, потом медленно обошел золотой трон — тюрьму по кругу, изучая и пытаясь вытащить из своих воспоминаний хоть что-то нужное и ценное. Был ли он сам могущественным колдуном? Мог бы он, например, одним словом сломать заклинание, которое удерживало тут Маэдиса?

— Вообще-то, — наконец, сказал он. — Мне кажется, что и решение в мифе подсказал тот же бог.

— Но это был я.

— Вот именно, — кивнул Илья, возвращаясь на прежнее место перед троном. —

Вероятно, и решение ты знаешь сам.

— И не додумался до него за все это время? Ты думаешь, я глупец?

— Глупец — не глупец, но обо всей этой мишуре ты знаешь явно больше меня. Вот, например, эта ведьма, она просто тебя заперла, или поставила какое-то условие?

— Не считая брани, это было что-то вроде “мы будешь скован, покуда ты здесь, и никто из тех, кто к тебе придет, не сможет разбить твои оковы”, - индифферентно процитировал Маэдис.

— Что, собственно, подтверждает мое предположение о том, что дело в тебе.

Маэдис одарил его совершенно волооким взглядом, но потом внезапно как-то расслабился на троне, ослабляя спину, и явно задумался.

— Я не рассматривал свою ситуацию с такой точки зрения, — признал он. — Я так понимаю, сам ты не умеешь переходить между этими мирами?

Илья отрицательно покачал головой.

— Придется научиться. Ты должен осознать, что этот мир — не настоящий. Это серьезная, многоуровневая иллюзия, мистерия, но, тем не менее, она, на самом деле, не материальна, и если ты сосредоточишься, то сможешь определить те места, где ей не хватает веса и смысла.

— Конкретно здесь веса и смысла особо нет нигде, — буркнул Илья. — Что ты задумал?

— Ты не можешь разбить мои оковы. Но ты сможешь перенести меня вместе с собой в другой мир. Если не на Земли, то в другой из миров колдуньи.

— Но я не волшебник. В отличие от тебя, видимо.

— Ты справишься. Дошел же ты досюда? Давай. Подойди ближе, чтобы не забыть меня, когда все получится, и приступай. Положи руку на трон. А теперь помысли мир иначе. Видишь, насколько он плоский, если приглядеться? — вкрадчиво сказал Маэдис. Голос у него стал размеренный, гипнотический, но Илья, понимая, чего тот добивается, не сопротивлялся. Без помощи настоящего волшебника вряд ли что-то получится, а оставаться в этом золотом мире было, конечно, роскошной, но, кажется, совершенно неуместной кончиной. Кажется, Илью за такое кто-то убьет дома.

— О, — сказал он. — У меня есть сестра. Она прибьет меня, если я тут пропаду пропадом. Найдет и прибьет.

— Ценно, — согласился Маэдис. — Но было бы скверно, если бы ей пришлось тебя спасать.

— Еще как, — подтвердил Илья.

— Тогда соберись и ищи места, где этот мир тонкий, ломкий. Где он совсем ненастоящий.

Илья сосредоточился, оглядываясь, глазами перебирая каждую золотую пылинку вокруг. Они все были настоящими, в этом сомневаться не приходилось: царь Мидас создавал самое всамделишное золото, без обмана, не фальшивку. Сам трон тоже выглядел и ощущался вполне прочным, надежным и металлическим, Илья даже провел пальцам по гладкой поверхности, удостоверившись в этом. А вот небо казалось странным, слишком золотое, слишком светлое, слишком ясно на нем виднелись блески звезд: такого неба быть не могло, нет, только не в “истоках Златотока”, разве что, в какой-нибудь совсем другой галактике с другой атмосферой. А ведь он дышит, значит, воздух пригоден, значит, то такой же, как дома? Воздух настоящий. А вот небо — нет.

Илья впился в него взглядом в безмолвном поединке, и слова вместо него внезапно

сказал Маэдис, непонятные, странные слова, похожие одновременно на латынь и какой-то, может, греческий, и небо внезапно порвалось пополам, обозначая новый Млечный путь из пустоты, в который устремился золотой песок. Трон Маэдиса дрогнул тоже, и Илья вцепился в него, чтобы не оказаться снова одному в непонятном месте. Песок под ногами пошел волнами, но не как барханы от ветра, а, скорее, как мнущаяся бумага, и их потянуло наверх, раскручивая и дергая. Это было пугающе и ужасно, но Маэдис, Илья успел вырвать из хаоса один взгляд, этот был полностью спокоен и сосредоточен, и казался самым сердцем шторма, где царит тишина.

Трон поднимался на тянущихся к небу золотых холмах все выше и выше, и Илья был готов поклясться, что их рук Маэдиса высыпаются все новые центнеры золотого песка.

Наконец, в полном хаосе и ворохе смятых плоскостей они достигли разрыва в небесах, и внезапно все кончилось.

Шторм утих, и золотой песок больше не застилал глаза, а золотой трон, неловко качнувшись на одной из граней основания, тяжело завалился набок, Илья едва успел отпрыгнуть. При падении что-то хрустнуло, и, когда Илья решился посмотреть, Маэдис уже встал на ноги, держа на отлете руки и встряхивая волосами, чтобы вытрясти из них золото.

— Проблема с золотоносностью не решена? — уточнил Илья.

— Подозреваю, что стоит рассмотреть данный мне совет буквально и вымыть руки в Златотоке, — сморщил тонкий нос Маэдис. Ему явно хотелось отряхнуться, убрать с лица волосы и все такое, но он стоически держался. — Но сначала надо выбраться. Мы все еще не на Третьих Землях.

— А что было бы, если бы на тебе были золотые перчатки?

— Как ты себе представляешь существование в золотых перчатках?

— Даже если не рассматривать э... полотно из мелких золотых звеньев, — сказал парень. — То можно было бы сделать из тонких нитей с золотым покрытием или напылением. Неужели бы ты, весь растакой колдун, не мог бы сделать достаточно тонкую нить?

— Видимо, мир в самом деле шагнул куда дальше, чем я помню его, — Маэдис смерил Илью заинтересованным взглядом. — Это интересная идея. Мелкие звенья мне проще понять, но нить кажется более привлекательной.

— Может, есть и еще более простые способы, — пожал плечами Илья. — Рычаг выключения или что-то такое.

— Нет, рычаг бы я нашел, — прискорбно отозвался Маэдис, оглядываясь по сторонам. — Итак, мы попали в какой-то следующий мир. Нам стоит начать двигаться, чтобы куда-то пойти.

— А в какую сторону нужно идти?

— Без разницы. Это не настоящий мир, поэтому рано или поздно мы придем к его центру. Можем даже разделиться, если хочешь проверить.

— Нет, не хочу, — отозвался Илья. — Спасибо. Не хотелось бы прийти первым — мало ли что там ждет.

Маэдис огляделся кругом, изучая местность. Они стояли на залитом светом луны каменистом плато, уходящем куда-то вдаль, и прозрачная тишина обволакивала все вокруг.

— Что ж, — сказал он, переступая с ноги на ногу, словно разминаясь. — Пойдем.

И они пошли — побрели по бесконечным камням, иногда спотыкаясь, хоть и не спешили, пока вдаль не замаячила кровля какого-то сооружения из белого камня.

— Храм, — прокомментировал Маэдис, не забывая держать руки подальше от себя, своей длинной одежды, напоминающей простыню поверх платья куда больше, чем смутно вспоминающиеся тоги, гиматии и хитоны.

На взгляд Ильи, “храм” звучал не очень ободряюще, тем более, чем ближе они подходили, тем очевиднее становилась некая мертвенность и запущенность сооружения. Стены были обрушены с трех сторон из четырех, позволяя видеть очередной огромный трон, на котором восседала, видимо, единственная обитательница этого места: женщина в двурогом головном уборе, с которого на ее лицо ниспадала вуаль. Складки такого же дымчатого материала скрывали ее фигуру, а на коленях, под руками, лежали свиток и ключ.

— Здравствуй, колдунья, — поздоровался Маэдис, не склоняя головы.

— Выбрался, — тихо и безэмоционально ответила женщина, и вуаль чуть колыхнулась от ее дыхания.

— Выбрался, — подтвердил Маэдис на удивление мягким и немного насмешливым тоном. Илья бросил на него короткий взгляд и поспешно отступил на пару шагов назад, потому как за контурами фигуры его нового знакомого начинало клубиться что-то сумрачное и тревожное. Впрочем, дама под вуалью выглядела ничуть не более успокаивающе: тонкая ткань колыхалась, словно обрывки тумана, и то и дело в изгибах мерещилось что-то противоестественное. — Выбрался и пришел за тобой.

— Это хорошо. Не придется тебя снова ловить по всем Землям.

Оценив диспозицию Илья шуганулся вбок, прячась за обваленной колонной, и за его спиной началось что-то жуткое. Осторожно выглянув из-за своего укрытия, он увидел, как Маэдис вскинул перед собой руку, из которой вырастал золотой щит, а из второй на землю исторгался поток черного пара, который проникал за щит и вступал в борьбу с белыми ключьями тумана, которые источала фигура женщины. Та даже поднялась со своего трона и шаг за шагом медленно продвигалась ближе к своему противнику, и легкая ткань позволяла видеть, как изгибаются под странными углами ее ноги, больше напоминающие конечности насекомого. Их движения были ломкими, асинхронными, и от этого верхняя часть корпуса двигалась рывками, вперед и назад.

— Мамочки, — просвистел на выдохе Илья. Он ужасно рассчитывал на то, что во время боя о нем никто не вспомнит, и, в общем-то, пока так и было. Противники, поглощенные противостоянием, даже не смотрели в его сторону, а он никак не мог оторвать взгляда от неестественной ужасающей фигуры колдуньи, хотя стоило бы, наверное, огородами, огородами и прочь отсюда, чтобы хотя бы время боя переждать в безопасности. В конце-концов, что он мог сделать против ведьмы? Но бросать своего спутника казалось как-то неправильно.

Маэдис тем временем прекратил раздувать черные облака и, удерживая щит, взмахнул свободной рукой, выговаривая длинную и мелодичную фразу. Неизвестно откуда на ведьму спустилась орда птиц, но та, досадливо передернув голыми бледными плечами, ответила коротким гортанным звуком, и из складок ее одежды во все стороны ринулись крупные насекомые, эффективно отвлекая птиц от первоначальной цели. Маэдис шагнул назад, отступая от колдуньи, но тут же подался вперед, своим движением порождая сильный ветер, который снес и насекомых, и птиц, и вуаль тонкой ткани с колдуньи, обнажая ее лицо. Она закричала в ярости, ловя улетающую фату и упуская ее, а Илья даже на миг задохнулся от того, насколько она оказалась страшной: и дало было даже не в чистом уродстве, нет — просто она была невыразимо чужой. Носа у нее не было, только гладкая ребристая кожа

вокруг единственного глаза, и маленький безгубый рот прямо под ним. Из рта высовывался единственный длинный и острый зуб, а вот глаз был прекрасен сам по себе: огромный, ясный, с длинными ресницами, окаймляющими его, с яркой фиалковой радужкой. Илья даже замешкался, замороженный, пока из задумчивости его не вывел потекший по разрушенному залу острый запах аммиака. Маэдис что-то такое готовил, пользуясь потенциальным слабым местом ведьмы, неспособностью чувствовать запахи, и продолжая держать щит против щупальц тумана, которые то и дело пытались проникнуть, оплести золото щита, вырвать его.

— Хорошенький мальчик, — внезапно услышал он шепот откуда-то сбоку. — Подойди поближе, хорошенький мальчик, подойди!

Илья дернулся, оглядываясь. Не то, чтобы он был уверен, что “хорошенький мальчик” — это он, но кроме него из мальчиков тут наблюдался только глубоко занятый Маэдис, значит, вероятно, обращались к нему. Но вот кто и откуда?.. Рядом явно никого не было.

— Свиток. Подними свиток, хорошенький мальчик. Подними свиток, и поговорим, — подсказали шепотом ему.

Илья еще раз огляделся и увидел отброшенный в начале боя в сторону ведьмой свиток пергамента, который лежал у нее на коленях. Он валялся, конечно, в стороне от основных военных действий, но Илья подозревал, что при попытке подобраться ближе его непременно спалят. Впрочем, ведьма была крепко занята попытками добраться до Маэдиса, который, отступая, все еще ловко закрывался своим золотым щитом от любых ударов, и умудрялся то и дело контратаковать. Именно из-за этого тактического отступления свиток валялся практически за спиной ведьмы, так что можно было и рискнуть. Рассудив таким образом, парень осторожно пробрался за порушенным рядом колонн поближе, высунулся немного из-за укрытия, чтобы убедиться, что ведьма занята и ей не до того, после чего осторожно втянул свиток в сомнительную безопасность заколонья. Маэдис явно видел эти манипуляции, но вида не подал, за что Илья был ему весьма благодарен.

Свиток приветственно зашипел на два голоса, когда Илья начал его разворачивать: внутри оказалось два изображения таких же в точности ведьм, как та, что не переставала бомбардировать Маэдиса заклинаниями. Такие же женские туловища, такие же инсектоидные колени, только вот вместо глаз на достаточно схематичных рисунках были провалы, и зубы не выглядывали ниоткуда.

— Это вы со мной разговариваете? — недоверчиво поинтересовался Илья, и нарисованные фигуры зашевелились в плоскости.

— Хорошенький мальчик, — снова услышал он, и челюсти нарисованных ведьм двигались, хоть и не синхронно. — Выпусти нас. Выпусти на свободу, чтобы мы отобрали у сестры то, чем она завладела.

Илья поискал какие-нибудь цензурные слова, чтобы выразиться культурно, но не нашел.

— Это та — ваша сестра? — уточнил он, хотя и так было ясно. — И чем это она завладела?

— Глазом!

— Зубом!

— Отняла у нас, сейчас не ее время, не ее срок. Отняла и заточила нас сюда, а сейчас наша, наша очередь!

— И как вас выпустить? — Илья посмотрел в сторону продолжающейся баталии. Ведьма продолжала теснить Маэдиса, и, кажется, несмотря на предбитвенную браваду, шансов у него было не много. То ли растерял силы и навыки за время заточения, то ли

никогда и не мог в самом-то деле тягаться со своей пленительницей. В конце-концов, разве легенды что-то говорили о том, что царь Мидас был великим магом?

— Порви пергамент, — хором взвыли нарисованные ведьмы.

— Давайте с вами договоримся тогда, — помолчав, сказал Илья. — Потому что у меня нет уверенности, что вы поможете мне после того, как я помогу вам.

— Чего ты хочешь?

— Богатства?

— Славы?

— Я хочу, чтобы вы отпустили меня и того, с кем я сюда пришел, на свободу. В Третьи Земли, — добавил он название, которое уже успел запомнить.

— И все?

— Все?

— Не причиняя нам вреда и без внезапных дополнительных ухищрений.

— Договорились.

— Клянемся.

— Освободи нас!

— Помните, вы обещали, — строго сказал Илья, пытаясь звучать уверенней, чем был на самом деле, и взялся за пергамент обеими руками. Ведьма почуяла неладное уже когда лист начал рваться: внезапно дернулась назад, но Маэдис тут же воспользовался ее секундным замешательством, превратив пол под ее ногами в отвратительную хлюпающую красную массу, похожую на мешанину мяса и костей. Издав неопределенный звук, ведьма занялась новой напастью, и Илья успел, дорвал пергамент до конца, даже зажмурившись в конце от суеверного ужаса.

— Что же я это такое делаю, — успел подумать он, и его резко отбросило прочь, впечатав спиной в грудь камней. Обе части пергамента висели в воздухе, сгорая, и пламя на них, вопреки всему, не угасало, а росло с каждым моментом, на глазах принимая пугающие чуждые формы.

Ведьма-противница Маэдиса взвыла, пытаясь сильными ударами отделаться от него, но Маэдис держался, едва ли не злорадно контратакуя и отвлекая ее то дождем из лезвий, то расплавленными искрами, то шатающейся под ногами землей. А потом ведьмы материализовались полностью и с визгом, с воем бросились на свою сестру. В мешанине тел, рук, инсектоидных конечностей и неопрятных седых волос Илья с содроганием увидел, как одна из освобожденных ведьм отколупывает глаз у сестры-противницы из глазницы, пальцами подлезая под веко, и оттуда во все стороны брызжет сукровица и кровь. Вторая бывшая пленница сначала удерживала сестру, а потом, стоило только глазу выпасть из гнезда, бросилась его отнимать, тоже.

Илья был настолько заморожен этой свалкой, что даже не заметил, как Маэдис подобрался ближе и, протянув руки, всунул их в самую гущу кучи-малы.

И все три застыли: невероятная гротескная статуя из переплетенных в драке, разрывающих друг друга тел, протягивающих руки вверх в попытке вырвать друг у друга глаз.

— Неплохо вышло, — похвалил себя Маэдис, старательно удерживая руки подальше от себя.

Илья, приподнявшийся было с места падения, плюхнулся обратно.

— А ты можешь сам себя превратить в золото? — спросил он невпопад.

— Волосы и одежду — могу. Это действительно тот вопрос, который тебя волнует

больше всего?

— Нет. Но, определенно, самый простой. Потому что нам надо выбираться отсюда, а разве этот, как бы его, мир, не должен был разрушиться с окаменением создательницы?

— Со смертью, — педантично поправил Маэдис и попробовал сдуть пропотевшие, все еще покрытые золотой пылью волосы с лица. Но они прилипли — подумав, он осторожно отодвинул их локтем, вывернув руку. — То, что я превращаю в золото, технически, считается живым.

— И до какой фазы ... и степени оно живое? Что-то когда-то превращалось обратно?

— Нет. Но у меня особенно не было времени ставить опыты. Когда я понял, что несколько... перестарался в своих опытах, я сразу начал искать способ избавиться от этой способности, так что, многие аспекты для меня до сих пор не ясны. Предлагаю провести опыт сейчас и разбить эту чудесную композицию. Хотя милые дамы тут и вышли лучше, чем в жизни.

— Потому что тихие и не колдуют?

— Именно, — подтвердил Маэдис. Подойдя к скульптурной группе, он пробно покачал их, убеждаясь, что, несмотря на тяжесть конструкции, опрокинуть ее реально из-за не очень надежного баланса. — Помогай.

Илья, вздохнув, поднялся на ноги и, стараясь не коснуться ненароком своего спутника, налег сбоку, хватаясь за какие-то выступы. Какое счастье, что в золоте было особо не разобрать, что это было изначально! На пятый или шестой согласованный толчок статуя все-таки опрокинулась, и несколько деталей, не выдержав, откололись, но эпичного разлетания на осколки не произошло.

Оба, и Илья, и Маэдис, синхронно посмотрели вниз, изучая результат.

— Может, их магией?

Маэдис покивал, поднял руки, встряхнув ими, сложил пальцы в сложный жест и проговорил короткую, непонятную фразу. Черная искра, зародившись где-то на обратной стороне реальности, скользнула по узорам жеста, вырастая в размерах, и вырвалась из него беззвучным кинетическим ударом. Почти визуально видимая волна ударила в статую, заставив ее подскочить и переломиться в нескольких местах, и тут же словно кто-то невидимый скомкал и порвал реальность так же, как Илья поступил с пергаментом. Словно они были внутри листа, а этот лист кто-то взял в руки, перекрутил и разодрал, и это не было больно, скорее, ненормально и неестественно, потому что реальность расходилась вокруг с беззвучным, но осязуемым треском, и отдельные надрывы пытались пройти прямо по ним, но в последний момент огибали, хотя напряжение все равно чувствовалось.

Илья пару раз увидел изнанку этого искусственного мира в разрывах, мрак подземных коридоров, и из-за изгибов осыпающегося пространства перед его глазами мелькнули его собственные ноги и спина, а потом наступила пустая темнота.

Глава 5, полная знакомств

Сколько именно это длилось, он не смог понять ни сразу, ни потом: просто было темно, невероятно, непроглядно темно и пусто, а потом он как-то разом понял, что у него просто закрыты глаза.

Крайне недовольный собой и злым миром, Илья приподнял веки и тут же часто заморгал, потому что даже окружающий его скудный свет показался слишком ярким. А еще он не мог толком пошевелиться: вокруг не оказалось никакой основы, никакой опоры не ощущалось ни под ногами, ни под руками, ни под спиной. Илья осторожно повернул голову, промаргиваясь, и обнаружил, что его разведенные в стороны руки оплетают лианы или веревки из чистого света, такое же авангардное украшение обнаружилось поперек груди и живота. При этом ощущения удержания или захвата не было, просто сдвинуться было невозможно, а вокруг распространился тот самый блеклый свет, позволяя видеть хотя бы себя, если не стены комнаты.

— Добро, магия, счастье, — прокомментировал Илья себе под нос, но воздух словно бы съел звук, как было еще там, в лесу. Вокруг не было ничего, что позволило бы идентифицировать место нахождения или причину попадания в такую подвешенную во всех смыслах ситуацию, но зато воспоминания вернулись полностью, и Илья, наконец, смог примерно восстановить линейку произошедшего. Вот они с Пони идут по подземному коридору, спускаясь все глубже, а потом, видимо, попали в какую-то ловушку, расставленную владелицей уютного жилья. В результате Илья провалился в иллюзорные миры, созданные магией ведьмы, и Пони, вероятно, тоже — но тогда он должен был вырваться на свободу, как максимум, одновременно с ним ... и Маэдисом.

Кстати, Маэдиса поблизости тоже не наблюдалось, но делать выводы было сложно: то ли их разделило при переходе, то ли Маэдис вообще не вышел из иллюзий, то ли, может, и предал своего временного спутника, оставив его на растерзание какому-то светопрядущему пауку.

— Эй, — позвал было Илья в пустоту, когда ему надоело висеть, но тишина ничуть не поколебалась, съев каждый из двух звуков с особым аппетитом. Она явно была голодной, если такое вообще бывает.

— И что, я теперь буду здесь висеть до скончания мира? — сказал Илья, даже немного забавляясь тем, как вместо слов изо рта не вырывается ни звука. Стараясь удержать это ощущение, потому что с ним было проще жить, парень продолжил говорить. — А что сделал бы Суперкот? А ничего бы не сделал, потому что у него лапки. Но, несомненно, посоветовал бы мне не терять присутствия духа и искать возможность освободиться. Плохо, конечно, что я даже не представляю, с чем столкнулся, и где вообще Пони? И вот интересно, как он вызывал своих тенесуперкотов? Мне бы сейчас не повредил натуральный такой суперкот, — Илья говорил и говорил, пытаясь не впасть в панику и сохранить присутствие духа. Одно хорошо: пока не хотелось ни есть, ни в туалет, и, если подумать, так было с момента попадания в эти самые Третьи Земли, хотя он определенно ел рыбу и пил на Аваллоне: а вот чувства голода или жажды не было. Он успел вспомнить все, какие когда-либо недозабыл, стихи и тексты песен, рассказы, анекдоты и просто наборы цифр и случайные факты, когда в отдалении возник небольшой островок света, не имеющего отношения к его световым оковам. Он постепенно приближался, и Илья, невольно нервничая, пытался разглядеть, что

это, пока, наконец, не увидел того, над чьей головой висел пушистый шарик света. К нему шел, сохраняя на редкость серьезное выражение на физиономии, он сам: только одетый в другую одежду, наверное, и какой-то... не такой.

Подойдя ближе, второй остановился, позволяя светляку виться вокруг себя и, склонив голову набок, стал изучать Илью.

Илья в ответ изучал его, тоже, полный немого изумления: хотя вот с этим вариантов не было, полог тишины все еще накрывал его и все вокруг, и приподнялся он только когда второй поднял руку и щелкнул пальцами — этот щелчок неожиданно хлестко разнесся вокруг, и звук вернулся.

— Жаль, что нельзя убить тебя сейчас и здесь, — сказал второй, и Илья с отвращением узнал собственный голос, каким он обычно звучал на записях.

— За что бы это меня убивать?

— За то, что ты живешь.

— Многие живут.

— Но ты один живешь вместо меня. И рано или поздно, но ты умрешь и уступишь не свое место.

— Ты, как, мой злой близнец, что ли?

Второй усмехнулся.

— Нет. Это ты — злой близнец. А я — жертва. Но когда-нибудь... все пройдет.

— Как-то так: слезы смывают мрак, — спел Илья, внезапно ловя коннотацию и чувствуя себя от этого счастливым, словно он не был непонятно где в непонятно какой ситуации. — И тогда все пройдет. Я хотел тебе сказать, или просто обещать...

— Замолчи! — почти крикнул второй, судорожно складывая какую-то фигуру, но сбиваясь и не успевая, потому что голос Ильи словно по всему пространству резонировал, колебаясь вместе с тканью реальности.

— Что когда-нибудь, когда-нибудь, все пройдет, — упрямо закончил он. — Страх уйдет. Все пройдет!..

— Что-то произошло? — раздался голос откуда-то из темноты. — Князь? Тебе нужна помощь?

— Нет, — отозвался второй с крайней степенью неохоты на лице. — Я же сказал — вы все можете идти. Я вполне справлюсь сам.

— Царь тебя призывает, светлый князь, — неуверенно сообщили в ответ. — Мы вернулись за тобой.

— Что там случилось? — не отрывая от Ильи неприязненного взгляда, крикнул назад двойник.

— Тот гость, колдун Маэдис, чем-то недоволен. Царь просит тебя прийти, светлый князь.

— Наколдовал, — почти что одними губами сказал двойник, обращаясь к Илье. — Я тебе это припомню.

Илья набрал в рот воздуха и повторил, почти проорал, радуясь тени силы, которую ему это давало:

— Что когда-нибудь, когда-нибудь боль уйдет, страх уйдет. Все пройдет!..

Удивительно, насколько живым и сильным он себя чувствовал, пока второй уходил прочь, словно в самом деле все было по плечу, и словно он не висел, прикованный, неизвестно где, беспомощный и без возможности связаться с кем-то знакомым. Нет, в этот

момент не было на свете, наверное, никого более уверенного в своих силах, чем Илья. Он был счастлив, свободен и цел внутри, и болей и страхов, даже привычных и тайных, не существовало.

А потом второй ушел, его светлячок погас, и вместе с ним пригасло и ощущение победы.

— И что же делать, все ж таки? — поинтересовался Илья вслух, радуясь, что хотя бы тишина опять не навалилась — видимо, второй забыл восстановить барьер молчания.

— Освободиться, — ответили ему. Илья опустил взгляд на звук, и глаза, уже привыкшие к сгустившемуся сумраку, различили три области более плотной темноты впереди, и эти три области посмотрели на него в ответ: он ясно различил слабо отсвечивающие кошачьи глаза.

— Самому, конечно, потому что у вас — лапки? — С юмором уточнил он, еще не растеряв до конца то волшебное ощущение всемогущества. Тени, тем временем, изменили форму и придвинулись ближе, так, что в свете своих оков Илья мог различить сероватые абрисы гибких, невероятно крупных кошачьих тел. — Вы эти, тенекошки? — вспомнил он термин, использованный Пони.

— Да. Я — кошка, которая украла печенье в клеточку, — сказала первая, с явно видимыми тигровыми полосками по серой шубе.

— А я — кошка с плюшевой шерстью, — ответила вторая, в самом деле немного похожая на плюшевую игрушку с круглыми лапками и щеками.

— И я мягкая, сдобная кошка, — представилась третья, с самой светлой и длинной, плотной шерстью.

— Вафля, — перевел Илья. — Плюшка и Булка. Гастрономическое трио.

— Никогда не понимала желания людей упрощать там, где это не требуется, — посетовала вторая кошка.

— Но нам все равно, как ты нас назовешь, — добавила первая.

— Потому что вы все равно отзываться не собираетесь? — все еще веселясь, уточнил Илья.

— Нам не потребуется, — мягко сказала кошка Булка. У нее был самый, в самом-то деле, ласковый голос. — Твой друг велел тебе передать, чтобы ты ждал его и никуда не уходил, потому что искать тебя он замучался.

— Твой друг, — сказала кошка Плюшка, косясь на свою соратницу, — сказал, что добьется твоего освобождения у царя туманов.

— Вероятно, это был другой друг, — предположила кошка Булка.

— Вероятно, совсем другой друг, — согласилась Плюшка.

— Отлично, два сообщения от двух друзей, — резюмировал Илья. — А ты, как, от третьего друга что-то передать должна? — спросил он у кошки Вафли, которая крайне незаинтересованно, но усиленно чесалась.

— Нет, — отозвалась та после паузы и занялась вылизыванием лапы. — Я просто за компанию.

— Ясно, — несколько обескураженно сказал Илья. — Может, вы еще и в курсе, где я вообще нахожусь? И что за фигня, которая меня держит.

— Я не “фигня”, — раздался обиженный голос из темноты. — Что бы там это не значило.

Илья так и вздрогнул: до этого момента он не предполагал, что его светящиеся оковы, кроме общей странности, могут быть еще и живыми.

— Простите, — выдавил парень, пытаясь обернуться. — А вы что?

Оковы, покачавшись, зашевелились и начали разворачивать его, отчего весь мир Ильи зашатался и поехал тоже. Движение было крайне неторопливым, и парень с минут пять молча наблюдал прихорашивающуюся кошку Вафлю и ее с интересом наблюдающих подруг, и не видел толком ничего больше. Потом на краю зрения светящиеся щупальцы-ветки начали сгущаться, сплетаясь, и, наконец, показалась словно сплетенная из них женская фигура. В ней было что-то неуловимо знакомое, словно Илья сталкивался если не с ней, то с чем-то или кем-то похожим не так давно. Или, может, века назад. Ветви, деревья?.. Дриада! Пони разговаривал с девочкой-деревом, правда, Илья ее голоса не слышал.

— Простите, — повторил парень. — Я не сразу понял, что Вы здесь, и что это ваши ... детали.

— А чьи еще это могли быть “детали”? — возмутилась дева. — Много кто способен удержать такого, как ты?

— Какого это “такого”?

— Злого двойника из Первых земель. Но я тебя удержу. Сберегу князя Аилиса от тебя, подменить не позволю.

— Я, в общем-то, не за этим пришел, — попробовал объяснить Илья. Конечно, загадочные “друзья” в которых он прозревал Маэдиса и Пони, обещали ему скорое спасение, но ничего не делать было невозможно. — Я попал сюда случайно, и мне очень надо вернуться обратно на ... Первые Земли. Чтобы никого не подменять.

Дева посмотрела на него очень долгим и очень недоверчивым взглядом, несколько неживым из-за странной структуры ее полупрозрачного лица, словно свитого из ветвей-щупалец. Илья, несколько раз обдумав формулировку, все ж таки повторил свой вопрос. — А кто, все-таки, Вы, прекрасная дама?

— Лампара, — отозвалась она. — Разве не очевидно?

— Если бы я еще знал, что это такое, — нахмурился Илья, пытаясь вспомнить хоть что-то похожее в ворохе своих неостребованных познаний.

— Это я, — логично пояснила дева, и Илья был готов поклясться, что услышал сзади кошачье фырканье.

— Кажется, переговоры зашли в тупик, — резюмировал он, пытаясь понять, что можно спросить такого, на что “лампара” может дать четкий ответ. — А князь Аилис — это тот парень, который сюда ругаться приходил?

— Да, это был светлый князь, — подтвердила она.

— И кто он такой? Правитель? Герой?

— Он приемный сын царя туманов, короля серебряных рос, правителя меж черных деревьев, властелина мглы и вод забвения, — с огромным почтением перечислила лампара.

Определение кликнуло: про черные деревья, туманы и воды забвения Илья что-то уже знал. Царь Туманов, как говорил Дэш, как раз и правил Черным лесом, куда попадали через Порог неудачники вроде Ильи.

— Ну, хоть что-то выяснил, — заключил Илья. — Только вот, госпожа лампара, я в самом деле не собирался занимать ничье место. На меня напали, я провалился на Порог, а оттуда — в Черный Лес. И с тех пор пытаюсь выбраться. Правда, не очень получается.

— Не очень верю, — с готовностью ответила лампара и стала медленно поворачивать его обратно. Видимо, с тыла Илья ее раздражал меньше. Впрочем, если она хорошо знала этого “князя Аилиса”, это было даже логично: видеть знакомое лицо на чужом и

предположительно враждебном человеке было достаточно неприятно. В общем-то, если вдуматься, самому Илье это тоже было весьма некомфортно: какой-то там непонятный князь Аилис с его, простите, родной физиономией, да еще и обвиняющий его в неизвестно каких грехах. Хотя, надо сказать, какого-то суеверного ужаса или отвращения Ильи не чувствовал: наоборот, встреча со злым двойником странным образом придала ему сил и оптимизма, хотя это и было достаточно странно.

А тенекошек, кстати, в унылом сумраке уже не наблюдалось, и это было достаточно прискорбно, “но не очень”, потому что полог молчания так и не опустился, а это значит, что если он сосредоточится, то сможет что-то сделать. Ведь это его оружие, разве нет? Главное, услышать музыку, которая подскажет слова. Илья сосредоточился: в целом вокруг было достаточно тихо, как и должно быть в подземелье, только лампара неясно вздыхала позади, и где-то в ровном ритме срывались и падали капли. Пожалуй, это и было подсказкой: Илья сосредоточился на ритме, словно на звуке метронома, вдохнул на затакт и вступил четко в ритм.

— Отвернусь почти, время уходить, она растает там, в слепой тени. Шорох и полет ветер донесет, только это все не значит ничего.

— Ты что делаешь, что ты делаешь? — закричала лампара. Ее ветви-щупальца пришли в движение, они беспорядочно двигались во все стороны разом, испуганно мечась, пока из них медленно утекал свет. Илья почти видел, как он капает из трещин и разрывов, как срывается вниз и растворяется в темноте. Злорадства он при этом не чувствовал, ему было, скорее, грустно, что приходится причинять кому-то вред, но иначе было нельзя: он должен был освободиться, должен был сам пойти следом за князем-двойником и встретить его, ответить на обвинения и выдвинуть парочку своих. Просто так было бы правильно. И потом — Св, конечно же, ждала его домой, и никак нельзя было позволять обстоятельствам себя задерживать.

— Ты злой, злой!

— Опустит! — скомандовал он лампаре. Та, помедлив еще несколько долгих секунд, в течении которых Илья ничуть не сомневался в том, что она сдастся, дернула его вниз, позволив коснуться ногами земли и развила во всех стороны свои ветки, стекая ими с тела пленника. — Вот видишь, — прокомментировал Илья, демонстративно отряхиваясь и оборачиваясь на нее. — Как все просто, когда не делаешь того, чего не надо?

— Князь тебя поймает. И накажет, — пообещала она, протягивая было снова щупальца к Илье. Однако, воздух перед ними словно сгустился и щелкнул почти электрическим разрядом, хлопнув по светящимся ветвям. Те спешно отдернулись, и лампара свила их вокруг себя причудливым узором, явно стараясь держать их подальше от оказавшейся совсем не беспомощной жертвы.

— Мы с князем сами разберемся, кто кого будет наказывать, — пообещал Илья, разворачиваясь на выход и осторожно ступая в темноте. Впрочем, это оказалось легче, чем он думал: следы впереди словно сами его звали, прося повторить пройденный путь. Видимо, что-то было в этой двойниковости, что-то особое, что связывало их помимо внешности. И Илья пошел вперед, без особого труда выбирая дорогу: по коридору, по лестнице, через приоткрытую дверь в мягкий приглушенный свет. Тут уже оказалось что-то больше похожее на нормальные казематы: серый камень, какие-то решетки, и даже несколько недоумевающий стражник нашелся: он уставился на Илью, а Илья — на него, изучая его острые “ослиные” уши, выглядывающие из волос, тунику а-ля Линк и кожаные доспехи,

богато украшенные золотым и серебряным тиснением. Долго пялиться, впрочем, было явно неблагоприятно для дальнейших свободных перемещений по местным угольям, поэтому Илья, ведомый все еще не угасшей волной уверенности, нагло заявил:

— Чего встал? Дверь запирай. И защитные чары восстанови, а то еще вырвется.

— Да, светлый князь, — с готовностью ответил стражник, явно чувствуя огромное облегчение от того, что его замешательство развеяли и сказали, что делать. Голос был совсем другой, не тот, что отвлек Аилиса от его пленника, из чего Илья сделал вывод, что торопливый и преждевременный исход своего князя этот несчастный не застал, вероятно, пришел позже, на смену, например. Илья величественно ему кивнул, по крайней мере, он надеялся, что это выглядело именно величественно, а не супер-глупо, и прошествовал мимо, следуя практически зовущим его следам своего двойника. Позвавший Аилиса стражник упоминал “того гостя”, а кошка передала сообщение от Маэдиса как раз по поводу встречи с царем, значит, вероятно, где-то там, впереди, куда ведут следы и куда ушел его двойник, Маэдис пытается добиться для него справедливости: так что не хило бы Илье и самому поприсутствовать. По крайней мере, так он найдет хотя бы одного из своих спутников.

Этот выглядел знакомым. Я определенно уже его видел, хотя все бесхвостные кроме моего собственного для меня выглядят очень похожими. У этого другая масть, и поэтому я почти уверен, что сталкивался с ним.

— Ничего себе ты кот, э, — говорит Этот, разглядывая меня с уважительным восторгом в глазах. — Почти как Кошка, которая съела Кошку.

— К делу, — потребовал я сурово, задирая хвост как можно выше и распушаясь во все стороны, чтобы казаться еще крупнее.

— Мы с тобой не знакомы, нет? Ты такой, вроде как, приметный кот, — продолжал изучать меня Этот.

— Вероятно, — согласился я, скромно облизывая лапу. Я, в самом деле, приметный. Вряд ли можно упрекать человека в том, что он так заинтересовался мной, так что я даже снизошел для дальнейшего ответа — Я часто прихожу, когда нужны мы, тенекошки.

— Это вот ты молодец, — похвалил меня Этот и, серьезнея, сказал. — Мне нужен самый сильный из вас для особого задания. Это будешь ты, вроде как?

— Наверняка, — подтвердил я с оттенком опаски. Что там могло быть такого, чтобы Этот счел задание особым? И насколько это все надолго, а то мой бесхвостный будет волноваться?

— Мне нужно, чтобы ты добрался до моего коллеги в Германии, вот как. И я до него дописаться не могу, дозвониться не могу, а он мне, вроде как, нужен. До зарезу.

— Кого искать, — деловито уточнил я. — Кто передать?

Германия, это же не очень далеко? Чуть дальше какого-нибудь Западного Бирюлева, обители зла?

— Найди Зверя Бледа. Коня-Бледа, понимаешь? Он должен ощущаться, как я, только не как я, а как Смерть. И попроси у него монетки для меня. Я — Глад. Он меня знает.

Я важно покивал, хотя мне было не очевидно. Но что той Германии? Небось не больше Южного Бутова.

— Он белый, — продолжил пояснения Этот. — От Порога и дальше, ведь белый. А е

настоящем мире — просто бледный. Бледная такая кожа, глаза, если без линз, красноватые, как-то вот так. Найдешь?

— Разберусь, — уверенно сказал я. — Наверняка кто-то его да знает из тамошних котов.

— Непременно, брат-кот. Как же без ваших-то? А вот никак. Не обойтись.

С этим я был полностью согласен. Коты, в конце-концов, предназначены для того, чтобы спасти мир, а уж такие, как я — тенекошки, и вовсе герои среди героев.

— Это срочно? — уточнил я, пытаясь прикинуть, успею ли я вернуться домой, чтобы предупредить Кошку, нежную, как сливки о своем отсутствии и попрощаться с ней.

— Очень, — вздохнул Этот. — Вчера. Позавчера.

Видимо, мне снова предстояло исправлять чужие ошибки. Я картинно зевнул и облизал свой воротник.

— Принято, — помедлив, ответил я, поднялся на все четыре и грациозно отправился в путь, на первом же шаге приподнимаясь выше, в Пограничье, чтобы сквозь его разрозненные лазейки найти путь покороче. Где там эта Германия?..

Я сделал несколько сотен прыжков сквозь знакомые и частично знакомые козьи тропы, явно уходя за пределы Красногорска (знаю я, знаю, где Красногорск! Любой воспитанный кот знает географию своего родного города, Пограничья и Сонных земель. Правда, обычно больше и ничего). Наверняка здесь вполне было уже недалеко до Германии, поэтому я вынырнул: немного неудачно, оказавшись на чьем-то окне и вспугнув голубя. Подтягиваясь на неудобный подоконник — эти люди явно не думали о котках, которым может случиться тут оказаться — я проводил птичку долгим подозрительным взглядом, но это в самом деле было обычное пернатое, а не мефоза.

Ткнулся носом в окно: какой-то бесхвостный подросток, которые все одинаковы во все времена и во всех странах, сидел за компьютером, наяривая в какую-то яркую игру. Я даже залюбовался весело прыгающими и умирающими фигурками таких ядовитых оттенков, что даже специфическое кошачье зрение их различало между собой. Похоже, подросток был в своем роде знатным охотником, только вместо нормальной добычи приносил одни только битые пиксели.

Отвлекаясь от него, я осмотрел стены и все остальное, что могло бы натолкнуть меня на мысль о том, куда я успел добраться, но кругом все было совершенно повально интернациональным. Какие-то латинские названия на плакатах. Мебель как из туалетного каталога. А где еще читать каталоги мебели, щедро присылаемые добрыми шведами по почте?.. Где, кстати, эта Швеция? Дальше Зеленограда, или нет? Явно не очень далеко, раз оттуда шлют и шлют каталоги всем, кого ни спроси? Каталоги, конечно, занимательные, только вот к использованию совершенно негодные: бумага слишком глянцевая, ничего не впитывает. Но я отвлекся.

Мой наблюдаемый, тем временем, продолжал играть, или, как говорит одна из моих бесхвостных, “шпилить”, и я, прижавшись носом к стеклу, бдил.

— Андрей! Андрей, мусор иди вынеси! — раздалось приглушенное из глубины комнаты.

“Андрей” и “мусор вынеси”, это явно была не Германия. Я собрался было уже уходить, но подросток с преувеличенным стоном откинулся на стуле, разбрасывая в стороны руки в неплохой имитации своей игровой смерти.

— Скучота! — возвестил парень. — Мусор, фигусор. Я, может, рожден мир спасти, а не мусор выносить!

— Супергерои тоже выносят мусор, — сообщил я ему сквозь стекло, не удержав свое мнение в себе, просто оно рвалось наружу слишком сильно. — И уж точно помогают маме!

Бесхвостный дернулся было обернуться на звук, но я лихо перемахнул с подоконника на ближайшее дерево, и затаился в голых ветвях, благо, защитный окрас позволял.

— Чья это за новая какашка в моем лоточке? — спросил меня изумленный голос сбоку, пока я, шурясь, наблюдал за перемещениями ошарашенного моим советом бесхвостного.

Обернулся: на ветке чуть повыше меня восседала небольшая кошка в изящном черно-белом фраке.

— А в какой стороне Германия, изволь сообщить?

Кошка озадаченно посмотрела на меня, и я не могу понять, которое это именно “озадаченно”: это “все знают, где Германия, дурак” или “а какого черта кошка должна знать, где Германия”?

— Германия, — ответила она, наконец. — В стороне Германии. А ты сидишь на моем дереве, и я сейчас тебе покажу, почему этого делать не надо!

— Обойдусь, — гордо ответил я и спасся отважным, быстрым бегством, перескочив с ветки на ветку и оттуда в Пограничье. Некоторые кошки, все ж таки, бесполезны и не рождены для подвигов, зря Двекошки думает иначе. Но я ей потом все докажу.

В следующий раз я вынырнул через меньшее расстояние, чем прошел в первый раз, потому что мне все-таки надо было убедиться, что я двигаюсь в направлении Германии, а не какого-нибудь Кот-д’Ивуара. Какое, однако, хорошее название, правда? Хотелось бы когда-нибудь там побывать. Наверняка там любят котов.

Если все идет не по плану, иногда стоит просто сделать вид, что это и был план “Б”. И это сработало: Илья уверенно вышел из темницы и двинулся по залам и коридорам куда-то, как он надеялся, вслед за Аилисом. Иногда ему встречались солдаты, одетые примерно так же, как и первый, или не-солдаты, наряженные во что-то неуловимо занавесочное, в стиле Маэдиса, но абсолютно все именно того же фенотипа внешне: похожие на людей после серии улучшайзигов, с “ослиными” ушами и густыми, яркими волосами преимущественно черных, серебристых и белых цветов. У некоторых впрочем, в шевелюрах были цветные пряди в цвет плащей или шарфов, и Илья находил это даже вроде как модным. Особенно его поразил высоченный и серьезнейший персонаж в вороненой кольчуге с металлическими пластинами, в розовом плаще и с розовыми же бликами в черных волосах. Вдобавок к явно порванному и сшитому хирургом уху, у него был грандиозный шрам на пол-лица и крайне серьезные ши.

Он проводил Илью таким неодобрительным взглядом, что парень даже порадовался: кажется, у зловредного Аилиса тут были свои хейтеры. А хейтеры с большими мечами это немного более круто, чем, например, хейтеры с безлимитным интернетом и хронической безработицей.

По пути Илья не один и не два раза задавался вопросом, куда же таки он идет: коридор с горельефами за коридором с барельефами, зал с кариатидами за залом с колоннами, словно он попал в какой-то древний храм в период его активного функционирования, но, в конце-концов, он остановился перед запертыми дверями зала с двумя стражниками по бокам, и оба они смотрели на Илью так, словно у него выросла вторая голова. Впрочем, возможно так и

было: скорее всего, именно сюда вошел Аилис, а стража еще не менялась.

— Что, никогда на Первые земли не приходилось срочно уходить? — огрызнулся на них Илья, старательно вспоминая капризноватый тон своего двойника. — Открывайте, живо. Меня ждут обратно.

Стражники переглянулись, словно беззвучно обмениваясь информацией, после чего один из них торопливо отпер замок и приоткрыл дверь. Илья, не вступая в дискуссии и не испытывая судьбу больше необходимого, скользнул в щель и тут же толкнул створки назад ногой, чтобы отсечь себе пути к отступлению, а праздным стражникам — к подглядыванию.

Дверь захлопнулась с негромким звуком, но этого оказалось достаточно, чтобы в его сторону повернулись все присутствующие: и внушительный мужчина с серебряными волосами, восседающий на троне из покрытых инеев веток, и чертов Аилис, и Маэдис, и ... некто с бесконечно черной кожей и анемоновидными волосами, перетекающими в драматично полуразвернутые крылья.

— Брат! — радостно позвал Дэш, оборачиваясь всем корпусом и буквально в два шага пересекая пространство зала, чтобы стиснуть приятеля в дружеских объятьях. Маэдис не был столь беспечен: он остался на прежнем месте, зорко наблюдая за царем и князем и беспокойно одергивая короткие перчатки, скрывающие его руки.

— Итак, можно заключить, что утверждение о том, что моего друга уже нет во дворце, было ложным. Разве ложь считается допустимой для высокородных фаз? Даже если они и из Лунного двора, — Маэдис вопросительно выгнув бровь.

— Валить надо, брат, валить, — прошептал Пони над ухом Ильи прежде, чем его отпустить.

— Технически, может, никто и не врал, — вмешался Илья, наконец, выпущенный и чувствующий себя как нельзя более уверенно от того, что его прикрывал не только Дэш, который, по его ощущениям, вообще мог справиться с любой напастью, но и Маэдис, который уже доказал свою сугубую полезность и сообразительность. — Я был где-то под.

— Любимые шутки Лунных, — презрительно фыркнул Маэдис. — Но я, так и быть, закрою глаза на все это. Мы покидаем твой дворец, высокий царь.

Сидящий на троне резко поднял руку, словно призывая к молчанию, и направил тяжелый взор на Илью, изучая его самым что ни на есть внимательным образом.

— Аилис, — не сводя взгляда с Ильи, обратился он к стоящему рядом и явно истекающему ядом двойнику. — Возможно, тебе есть что сказать?

— Нет, отец, — сказал тот, но тут же передумал. — Да. Это из-за него я не могу войти на Первые Земли. Это он вытягивает из меня силы через границы, и спасения от него нет.

— Я его вообще в первый раз вижу, — возмутился Илья. — И сюда не собирался, по крайней мере, так вот. И смысла претензий вообще не понимаю. Я просто живу. Каким таким местом я кого-то не пускаю, или вообще пожираю на досуге, я не в курсе. Отпустите нас уже.

Царь не отвел взгляда, продолжая изучать Илью снова и снова, и а его взгляде были не только раздумья: Илья был готов поклясться, что в холодном взгляде мелькало что-то вроде узнавания или понимания, и от этого в холоде появлялся отголосок тепла, словно в промозглом весеннем ветре.

— Много лет назад, — медленно начал он, поднимаясь на ноги и складывая руки вместе. — Черная река принесла в мои руки Аилиса. Похоже, теперь я могу быть уверен в том, откуда именно.

Аилис бросил на царя совершенно безумный взгляд, словно разрываясь между какими-то эмоциями или мыслями, и Илья начал было снова просить о том, чтобы их выпустили в конце-то концов, как одновременно случилось несколько событий.

Во-первых, на Маэдиса без предупреждения упала с потолка огромная люстра, больше похожая на клетку для незваных гостей или пыточный инструмент.

Во-вторых, неизвестно откуда едва ли не на головы стоящих рядом Дэша и Ильи приземлился их давний преследователь, и круговерть огненных волос и плаща едва не помешала Пони вовремя вскинуть руку с оплетающими ее бледными световыми перьями, чтобы встретить удар меча.

А в-третьих, Аилис, замешкавшись на несколько долгих секунд, словно атака Шторма была и для него неожиданностью, внезапно принял какое-то решение внутри себя и резко толкнул своего отца. Царь, потеряв равновесие от неожиданности, пошатнулся и с треском упал с возвышения, на котором стоял его трон.

— Вот ты ж зараза, э, и не лежишься, — возмутился Пони, отбивая удар. Илья обернулся вокруг в поисках оружия, но лучшим оружием в этой ситуации, по всей видимости, был Маэдис, поэтому парень метнулся к своему спутнику и стал стаскивать с него, явно дезориентированного и полубессознательного, тяжелую громаду люстры. Аилис, впрочем, времени зря не терял: из его сомкнутой в кулак ладони в обе стороны выросли рога огромного лука, больше напоминающие солнечные лучи, и от первой стрелы Ильи, занятый своим делом, увернулся едва ли не чудом. Он продолжил тащить и тащить Маэдиса из-под погнутой груды железа, стараясь не глядеть на кровь на его лице и не думать, насколько тот в порядке, если даже не пытается колдовать и помочь себе магией, и Аилис выпустил еще одну стрелу, от которой Илья не грациозно отшатнулся, подвигаясь так, чтобы между ним и противником оказалась та же люстра. Дэш продолжал отбиваться от Шторма, соединив светящиеся перья-пряди в уже знакомый Илье не то кистень, не то цеп и резво отмахиваясь им, то и дело норовя выбить у противника меч хитрым захватом. Наконец, люстра поддалась, сдвинулась, и Маэдис с Илей, не рассчитав усилий, повалились на пол, прямо под ноги сражающимся. Шторм попытался было дотянуться и пнуть хоть одного из них в лицо, но Пони вовремя подсек его точным ударом по колену.

— Немедленно прекратите! — вмешался, наконец, царь, поднимаясь на первую ступеньку своего трона и воздевая руки. От его белоснежных ладоней воздух дрогнул, растекаясь тонким, едва видимым туманом. Тут же Маэдис, словно очнувшись, схватил Илью, за что достал, Дэша за ногу, как дотянулся, и их всех резко и без предупреждения рвануло сначала вверх, они слепо ударились о воздух, словно наткнувшись на преграду, Маэдис выкрикнул какое-то ругательство, и их потащило вбок по воздуху, через бесконечно слитое в одно серо-черное пространство, пока оно не превратилось в землю, с листьями, с ветками, жестоко обдирающую бока выступающими корнями.

Только после этого все, наконец, остановилось. Дэш медленно перекатился на спину и истерически заржал. Илья недоуменно на него посмотрел, приподнимаясь, но Маэдис беспомощно смеялся тоже, поэтому разумных комментариев было пока ждать неоткуда.

— Не забудь... - простонал, держась за отбитые бока маг. — Вернуться с венком из роз!

— С чего это? — не понял Илья.

— Точно, — подтвердил Дэш, пытаясь прекратить смеяться, но только хрюкая. — Для королевы мая!

— Он ему такой: а если моего друга тут нет, то я — королева мая. А если есть — то ты!

— Я так понимаю, вы успели подружиться.

— Было особо некогда.

— Я пришел, брат, тебя выручать, но меня немного того. Припоймали. Привели к царю, а там этот вот, как раз про тебя нудит.

— И вы стали нудеть вместе.

— А то ж! Вроде того, — белозубо улыбаясь, подтвердил Дэш, и живая улыбка родом из другого мира странно выглядела на его лице, залитом густым черным на Третьих Землях.

— Смех смехом, а куда мы попали? И, главное, как отсюда выбраться-то уже?

— Я пытался перенести нас в Первые земли, но там какой-то барьер, — сморщил свой тонкий, практически лишенный углубления на переносице нос Маэдис и осторожно. — Раньше такого безобразия себе не позволяли. Людская общественность же должна знать, как правильно жить. Иметь эталоны. Доступные, знаете ли, эталоны.

— Это, вроде как, вас, что ли?

— Конечно. А без эталонов все катится в Тартар.

Илья про себя высоко оценил изящество формулировки: без привычного “тарары” или “к черту” и иных, менее цензурных вариаций, фраза только выиграла, приобретая оттенок апокалиптической безнадеги.

— Барьер-то, вроде как, и есть, и царь его этот и поставил, — нахмурился Дэш, явно пытаясь сосредоточиться на поиске выхода.

— Совершенно точно это был не царь, при всем уважении, — не согласился Маэдис. — Я видел его и говорил с ним, и уж узнал бы его чары. Но это был кто-то достаточно знающий его, чтобы сделать все похоже и в той же струе. Возможно, его ученик? Или... сын? — он выгнул бровь, бросая на Илью заинтригованный взгляд.

— Я про это ничего не знаю! — отмахнулся Илья. — Ни про блок этот, ни про этого Аилиса. Да и про царя тоже. Я вообще толком ничего не знаю просто за мной начал гоняться Шторм, этот оглашенный в красном, а Дэш — спасать.

— Я сначала не был уверен, что ты, брат, из наших, — покивал Пони. — Не обессудь, э? Просто не то чтобы от тебя прямо несло силой, вот вроде как и не был уверен. Но потом решил, что ты просто еще развиваешься и все такое. Поэтому так.

— Однако даже царь признал, что связь между Илией и Аилисом есть, — указал Маэдис, коверкая имя Ильи на ветхозаветный манер. — Да и сам Аилис обвинял Илию в том, что из-за него не может пройти в Первые земли. Значит, его присутствие каким-то образом блокирует перемещение: такое бывает в случае некоторых редких проклятий или если речь идет об антиподах.

Дэш смерил увлекшегося Маэдис критическим взглядом и уточнил:

— Это вредно для здоровья? Ну, это кроме того, что за ним бегают ненормальный убийца?

— Кроме этого? Вряд ли.

— Тогда это вроде как и можно позже обсудить. Важнее понять, как нам отсюда выбраться. Мы собирались у царя просить что-то из меченых всадниками вещей, наверняка что-то у него есть. Да точно есть, иначе как этот красный туда-сюда шарится? Но теперь вроде как и неловко. А как иначе пробиться через это все, я что-то не очень-то и представляю. Ну, я Бледу сообщение-то отправил, тенекошки побежали, но это может еще долго занять. Сидеть, что ли, получается, ждать, пока Блед опять спасет мою задницу? Э, нее, не пойдет.

— Я сам с такими барьерами не сталкивался, — немного нахмурился Маэдис, размышляя и разглаживая в раздумьях перчатки на руках, и не особенно реагируя на упоминание Бледа, из чего Илья сделал вывод, что либо концепт Зверей был достаточно старым, чтобы Маэдис просто понял, о ком, вернее, чем речь, либо эта информация была просто опущена им, как несущественная. — Но я могу предположить, что, как и демонов Порога, жителей Третьих можно вызвать с Первых с помощью соответствующего ритуала.

— Это нужно чтобы кто-то знал ритуал и решил вызвать именно нас. Не вариант!

— Кроме того, могу предположить, что нимфам такие ограничения не помехи, поскольку считается, что они одновременно существуют тут и там. Вероятно, кто-то из нимф может либо дать нам совет, либо помочь.

— И как мы будем искать нужную нимфу?

— О, это легко. Если не знаешь, к кому обратиться, начни с самого главного, — пожал плечами Маэдис.

— Звучит как симптом душевной болезни, — похвалил Илья. — И кто среди них главный, и где его искать?

— Нам надо провести ритуал призвания через круг фаз. Это позволит нам поговорить с самыми сильными здесь нимфами. Если они сами не знают ответа на наш вопрос, они могут направить нас в нужном направлении, подсказать, у кого еще спросить.

— И что, вроде как, это где угодно можно сделать?

— Нам нужна достаточно большая поляна, чтобы провести обряд. И, кроме того, природный материал.

— Это как в детском саду? — нехорошо оживился Илья, припоминая скачки со Св по всем окрестным скверам за листьями и желудями, чтобы потом из этого дерьма и палок собрать какую-то чудо поделку в рамках соревнований по рукоделию среди родителей.

— Например, нам нужна галька со дна реки, и, желательно, что-то из озера и моря, несколько листьев и веток с разных деревьев, какие-нибудь плоды, ягоды, камень со склона холма или горы, такие вещи.

— И что, вроде как, предполагается, что мы такие коллекции с собой в кармансах таскаем? — возмутился Дэш. — Сколько мы тут до моря будем ползти?

Маэдис выпрямился, осматриваясь, хотя что там можно было увидеть, кроме стволов деревьев? Илья подумал было об этом, и тут заметил, что глаза мага закрыты, и сквозь веки проникает золотистый свет. Как бы там он не обследовал территорию, глаза к этому имели мало отношения.

— Можно попросить твоих этих тенекошек принести что-то, до чего нам долго добираться? — предложил Илья.

— До моря, в самом деле, далековато, — признал Маэдис. — Если нам могут помочь и принести с берега что-то, что угодно — раковину, песок, водоросль, это было бы принято с благодарностью. Также, далеко до гор.

— Поньи сиськи! Тенекошки то, тенекошки се, э, — пробурчал Дэш, проводя руками по своим анемоновидным сияющим волосам. — Скоро пошлют нас на хвост тенекошки с такими запросами.

— Я попрошу вместе с тобой, — пообещал Маэдис. — Та милая кошка, которой я излагал свою просьбу ранее, была со мной очень любезна.

— Заодно меня научите их вызывать, — оживился Илья, которого этот вопрос волновал примерно с того момента, как он узнал, что в мире существуют такие вот незаменимые

помощники любого приключенца.

— Да что там, брат, вызывать, э? Они сами приходят, если хотят, или чувствуют обязанность, и иногда можно хоть узваться: свои там какие-то у них сражения и схватки, или не считают тебя конкретно сейчас достойным внимания, такие вот, как бы, шуки.

— Так на то они и кошки, — легко пожал плечами Маэдис. — Если бы они приходили всегда, когда их зовут, они были бы тенесобаки.

— Но зверей они часто слушают, — не удержался от того, чтобы похвалиться, Пони.

— И магов, — не остался в долгу Маэдис, бросив на Дэша предупреждающе-оценивающий взгляд.

— Да пофиг, — отмахнулся Пони, опускаясь на корточки и опуская руку на землю. — Зову серых стражей из тени, чтобы охотиться вместе.

— А мы делаем это так, — Маэдис, поглядев на Дэша, встал на одно колено, касаясь земли одной рукой. — Приходите, серые из серых, будет работа, будет и награда.

переводя взгляд с одного на другого, закончивших свой ритуал и поднимающихся на ноги, Илья заключил, что основным было прикосновение рукой к земле и некое обращение к тенекотам. Пожалуй, стоит попробовать потом, когда будет надобность, самому, и проверить догадку.

— И долго ждать?

— Да нет, брат, всего ничего, если соизволят прийти, то обычно быстро.

— Главное, чтобы соизволили, — подтвердил Маэдис.

Но тревога была напрасной: не прошло и пары минут, как между стволов мелькнуло что-то серое, одно, второе, и рядом с ними совершенно внезапно возникли две кошки, одна невероятно крупная, кругленькая и ладная, вторая — тощая, с наглым взглядом, большими ушами-локаторами и коротким, словно обкусанным, хвостом.

— Кошка, которая съела кошку, — милым голосом представилась огромная.

— Кошка, которая слушает ветер, — не осталась в стороне вторая.

— Которая съела кошку? Серьезно? — выгнул бровь Илья.

— Это потому, что я размером как две кошки. Но спрашивать даму о ее весе — крайне неприлично, — ответила та. — Вы только за этим нас звали?

— Нет, конечно нет, — вмешался Маэдис. — Нам нужно что-то с берега моря. И что-то со склонов горы.

- “Что-то”? — уточнила вторая из кошек. Ее уши беспрестанно двигались и трепетали, словно выслушивая все со всех сторон. — Что за манера давать задания?

— Нас устроит любой предмет. Это для круга призыва.

Кошка смерила Маэдиса критическим взглядом, но кивнула.

— Хорошо. Это все?

— Да. Чем скорее — тем лучше.

— Не первый день с вашим двуногим племенем дело имею, — фыркнула кошка и увильнула за деревья одним скользящим шагом. Вторая, тяжело подняв тыловую часть, удалилась куда медленней и величественней.

— Нам остается, вроде как, ягод, листьев и прочего мусора набрать, — проводив кошек взглядом, отметил Дэш.

— И из реки. Я знаю где река, поэтому пойду я, а вы пока соберите остальное, — распорядился Маэдис и исчез за деревьями едва ли не быстрее первой кошки.

— И где ты его такого добыл, э, брат? — усмехнулся Дэш, оглядываясь и подбирая пару

каких-то листочков с земли.

— В иллюзиях ведьмы, — ответил Илья, протягивая руку, чтобы отломить ветку, но Пони тут же схватил его за руку.

— Сбрэндил, брат? Мы нимф вызывать будем. Не гневи растения, собирай с земли!

— Вряд ли мы найдем валяющимися симпатичные плоды или что-то такое. Сдается мне, тут такой же не сезон для этого, как и на наших Первых землях.

— Да нам хорошие и не нужны. Любые сойдут, вроде как, и нимфы больше оценят, если мы не будем портить им зеленые насаждения, вот как. Так что Маэдис этот?

— Сначала я попал в огромный темный мир, под открытое небо, — покорно начал рассказывать Илья, выискивая на земле веточки и листочки получше. — Там был лодочник и темная река, Стикс, что ли? С учетом того, что после того, как я плыл по этой реке, я нифига не помнил.

— Это, значит, Харон и аркан “Смерть”, — покивал Дэш. — Я это тоже видел.

— И как ты выбрался?

— Ну так у ведьмы это все в картах. Прорезал карту и вышел, так как-то.

— И так можно было?

— А то, брат. Выбрался я, а тебя нет, и ведьмы нет. И какие-то уроды по переходам шаряться. Ну, спрятался я от греха. А там этот наш красавец — Шторм. Чуть не лагерем у ведьмы в норе встали.

— А ты?

— А я за ними вроде как шпионил. По верхам. Но прошпионил, э. Только увидел, значит, потом, как тебя волокут, а Маэдис, этот сам идет, вроде, но без конца материт этих фаэ. Шторм аж уши заткнул. Человечьи, кстати, уши, а то я уже сомневался, думал, может, полукровка царя там, или еще что такое. Но нет, человек. Только стремный такой.

— Да люди все стремные, — поморщился Илья, подбирая вполне симпатичную и почти не погрызенную шишку. — Но, в общем-то, сейчас меня теперь куда больше Шторма волнует этот Аилис.

Дэш промолчал, только сияющие волосы недовольно вздрогнули.

— Ну? — буркнул Илья. — Что?

— Я о таком еще не слышал, брат. Жаль, Бледа где-то носит. Может, он сталкивался. А если нет, э? Он сейчас старший, вряд ли кто знает больше, чем он. Иногда, знаешь, брат, пригодился бы старенький вредный наставник, который все знает и все видел, да?

— Я так понимаю, легендарный Блед на эту роль не тянет.

— Да вроде как и нет, — засопел Пони.

— Эй! Ну, а мне и ты как старший вредный наставник, — подначил его Илья, стараясь не думать слишком много над их текущими проблемами.

— Это еще кто из нас старенький, брат! — оживился Дэш, блеснув белоснежной улыбкой.

— Так что научи меня справляться с иллюзиями, а то я в следующий раз опять там полжизни проведу и притащу с собой табор беспризорных магов.

— Э, тогда не научу, — рассмеялся Дэш. — Табор нам бы пригодился. Первый вроде как полезный вышел. Кто он вообще?

— Царь Мидас, у которого ослиные уши, — невозмутимо отозвался Илья. — Он какой-то местный маг, который попался той ведьме и был у нее в плену. Но он в самом деле умеет превращать все в золото и все такое.

— А в платину, вроде как, не умеет? Ну там или в баксы.

— Прикосновение, превращающее в баксы пригодилось бы. Но я думаю, золото тоже можно выгодно обменять по курсу.

— О, э, значит, попросим его перелопатить все, что найдем, — осклабился Пони. — Бизнес-план!

— Действительно, — весело фыркнул Илья, прислушиваясь. Вдалеке раздавались неспешные шаги, и он остановился, вглядываясь между стволами и ожидая увидеть занавесочный фасон имени Маэдиса. Илья сначала даже не понял, что это не он: мелькнуло белое, голубое и розовое, и через несколько шагов уже нельзя было отрицать, что вместо уже относительно привычного Маэдиса к ним движется совершенно незнакомая девушка.

Глава 6, где все куда-то идут, как будто дома не сидится

— Что там, брат? — Пони подошел к нему и осекся, настороженно замер, разглядывая незнакомку.

— Привет вам, путники, — сказала она с безопасного расстояния, улыбаясь. У нее в самом деле были розовые волосы, напоминающие цветение сакуры, или еще какую-то романтическую чушь, и она была одета в голубое с белым платье далеко не по современной моде. Впрочем, на фоне преувеличенно древне-фасонных одежд жителей замка царя туманов одета она была просто ультра-модно. А еще девушка была прямо-таки неприлично красива: прямо как звезда инстаграма после фильтров.

— Не стоит переживать, — мягко сказала она, поднимая вперед обе руки. — Я знаю, что вы — Звери. И вряд ли кто-то из нимф в здравом уме найдет в себе храбрость столкнуться с вами в бою. Я, как и мои сестры, не достаточно глупа... или сильна для этого.

— И это хорошо, — сказал Илья себе под нос. Вот с чем-чем, а с желающими подраться проблем у них точно не было. Всегда просто изобилие вариантов, куда ни пойдешь.

— Я поняла, что вам нужна наша помощь. Вы даже собрались проводить какой-то древний обряд, — мягко сказала она, продолжая улыбаться. — Такие штуки уже давно вышли из моды, но ваш друг, наверное, не в курсе? Он выглядит так, словно пришел из седых веков.

— Вероятно, так оно и есть. Его зовут Маэдис, и если это о нем ... на Первых землях есть миф, то он жил несколько тысяч лет назад.

— Маэдис, — повторила нимфа медленно, словно смакуя это имя. — Деревья не помнят. Но скалы помнят, и реки тоже — одного Маэдиса, мага Солнечного двора. Он взял из праха золото, познал тайну трансмутаций и пропал.

— Я думаю, — авторитетно сказал Илья. — Это был он. Проблемка с трансмутациями и порождаемой ими гиперинфляцией драгметаллов все еще при нем.

— Да уж где та гиперинфляция, — возмутился Пони, все еще озабоченный своим бизнес-планом грядущего обогащения. — Мы аккуратненько же.

— Что ж, если это тот Маэдис, это объясняет ритуал, — нимфа обвела их по очереди теплым взглядом, который, тем не менее, словно рентгеном насквозь пронизывал. — Но было бы достаточно позвать. Что вам потребовалось, Звери конца света, от нас, дев природы?

— Собственно, Маэдису виднее, — попытался переключить стрелки Илья, но нимфа продолжила на него смотреть своим медовым взором, и он, чувствуя оттенок нервозности, продолжил. — Но вообще-то он, мы надеялись, что вы, нимфы, знаете, как нам пробиться через барьер и вернуться на Первые земли. Кстати, если говорить о нимфах, а что Вы за ... вид? И как Вас зовут?

— Я нимфа Безымянной реки. Фаэ зовут меня Никогда, — представила она, на мгновение склоняя голову в кивке-поклоне, скорее обозначенном, чем в самом деле значимом.

— То есть, наяда? — покопавшись в пассивных знаниях из средней школы, уточнил Илья.

— Брат, да какая разница? Наяда, хренада! — вмешался Пони, который от долгих

разговоров явно терял терпение — даже анемоновидные волосы шевелились, как белые червячки. — Сестра, ты помочь нам можешь? Нам бы на свободу отсюда, а то тут какой-то Шторм, какой-то Аилис и еще и какой-то Царь Туман для довеска. Лично для меня это ровно на трех фаэ больше, чем нужно, просто дышать нечем.

— Вам мешает барьер, — резюмировала она, переводя взгляд с одного на другого. — И вы правы в том, что нимфы ходят другими путями. Я могу попробовать провести вас дорогой своего русла. Не могу обещать, что дорога будет легкой, или куда-то приведет, но могу обещать попытку.

Илья и Пони переглянулись, потом оба, не сговариваясь, посмотрели в сторону, куда ушел Маэдис.

— Это будет здорово, только мы не можем просто бросить Маэдиса тут, ничего не рассказав, — помявшись, ответил Илья, когда понял, что Пони от принятия решений самоустранился.

— Идемте. Ваш друг увлекся купанием, — сказала, снова улыбаясь, Никогда. — Видимо, река Златоток станет в самом деле золотиносной.

— А разве она так называется не за то, что тут можно мыть золото?

— Конечно, нет. Она вытекает на равнину на западе, и солнце, садясь, окрашивает воды в золотой оттенок, — нимфа легкими шагами двигалась впереди, и деревья словно раздвигались перед ней. По крайней мере, Илье казалось, что они идут по вполне сформированной тропинки вместо качественной чащи.

Маэдис, как ни странно, их ждал: по крайней мере, никакого удивления не выказал. Никогда он отвесил вежливый поклон, видимо, сходу распознав в ней наяду.

— Ты пришла сама, чтобы нам помочь? — вежливо спросил он. — Твой народ редко показывается на глаза смертным.

— Времена изменились. И если на Первых землях нас и вовсе не увидишь, то здесь, в стране Фаэ, мы ходим не таясь. Иной раз можем даже посетить бал в Солнечном дворе, — добавила она почти мечтательно. — Когда вернешься туда и займешь подобающее тебе место, ты просто обязан отблагодарить меня за помощь красивым балом.

— Я приложу все усилия, моя госпожа, — согласился он настолько легко, что Илья заподозрил его в отсутствии намерений выполнять это обещание.

— Но для этого ты должен вернуться. И твои друзья — тоже, — она обвела их задумчивым взглядом. — Я открою для тебя ворота деревьев, и ты пройдешь по короткой тропе до двора своего правнучатого племянника, — снова обратилась она к Маэдису. — У него есть свой колдун, но я уверена, что ты сильнее и по праву сместишь его с того места, которое полагается тебе. Ты ведь был колдуном своего брата, Царя Менельдиса?

— Так и было. Но мои опыты требовали присутствия на Третьих Землях, поэтому я часто бывал там, а не при дворе брата, — признал Маэдис. — Я буду рад вернуться домой хотя бы и после стольких лет. Какого колена от меня нынешний царь?

— Пятого, колдун. В Первых землях минуло три тысячи лет.

— Пятого, — тихо повторил Маэдис, словно пытаясь окончательно уложить в голове ту прорву времени, которая пролегла между ними его собственным временем.

— Но ты все еще не превзойден. Те колдуны, что добыли золото из праха после тебя, сделали это лишь по твоим следам.

— И по моим инструкциям, — отмахнулся Маэдис, но этот доброжелательный заход наяды явно подействовал: маг явно повеселел, в большей легкостью переживая осознание

новых условий. — Ты обещаешь довести до Первых земель моих спутников? Я обязан Илии жизнью и свободой.

— Я обещаю приложить все усилия для этого, — пообещала Никогда.

— Тогда дай мне дорогу до Солнечного двора.

Наяда кивнула и неторопливо отошла обратно к кромке деревьев, где опустилась одним коленом на землю и стала о чем-то неслышно переговариваться с деревьями.

— Я знаю, что мы встретимся вновь, — уверенно сказал Маэдис. — Поэтому нет смысла в долгих прощаниях. И знайте, что тенекошки всегда меня найдут для вас, если потребуется.

— Потребуется, э, — махнул рукой Пони. — Дай только сообразить, и мы тут наладим золотые шахты царя Мидаса!

— Не думаю, что это будет хорошим решением. Но, тем не менее, никто не может помешать его принять, — скупно улыбнулся Маэдис и перевел взгляд на Илью. — Если я узнаю что-то дельное про твоего двойника или про Шторма, я дам тебе знать.

— Коты принесут на хвосте новости, — кивнул Илья. — Удачи там тебе ... в твоём будущем поединке.

Маг кивнул и деловым шагом, закинув на плечо край своего плаща, еще хранящего остатки позолоты, пошел к наяде, которая уже поднялась на ноги. Позади ее деревья мигали и расплывались, словно по воздуху расходились волны.

Они обменялись парой не слышных слов, и Маэдис без сомнений и промедлений шагнул вперед. Воздух мигнул, и он исчез.

— Вот это отличное метро, — прокомментировал Пони уважительно.

— И, главное, никаких тебе толп, — добавил Илья.

— Что же, ваша очередь отправляться домой, — сказала Никогда, возвращаясь к ним. На ее колене был след от земли и травы, но он быстро исчезал, словно провалилась внутрь.

— Было бы неплохо, э, — подтвердил Пони. — А то мало ли, может, нас там уже ищут. Тебя-то, брат, точно твоя Св начнет искать, если ты к ужину морду лица не высунешь.

— Это точно, — мрачно подтвердил Илья. Вспомнив про Св, он тут же почувствовал себя как в детстве, загулявшись допоздна: что тогда, что сейчас от лишнего героизма его удерживало только глубокая вера в то, что в какое бы болото его не макнули кикиморы, Св придет, вытащит и отчитает, и это будет куда хуже любых кикимор. — Загостились что-то.

— Идемте, — наяда протянула им руки. Ее ладони оказались прохладными и ощутимо влажными, поэтому ощущение было скорее как от плотной струи воды, чем как от живой плоти. — Мы пойдем средней дорогой из страны фаэ, — тихо добавила она и сделала первый шаг по берегу.

Стоило им обоим шагнуть вместе с ней, как небо перевернулось в серый, и тонкий туман поплыл под ногами, которые ступили вовсе не на гальку и прибрежный песок Златотока, а на странный, серый, колкий плат, мелкое крошево.

Оно хрустело под каждым шагом, прогибалось и вспухало, как живое, но Никогда двигалась уверенно, хоть и медленно, ведя за собой своих спутников: Илью справа, Пони слева.

— Что это за место, сестра? — неловко спросил Дэш, пытаясь в окружающем тумане разглядеть хоть что-то. Но кругом были только молочно белые непроглядные потоки, и только серая дорога вперед была видна хоть как-то.

— Место, где умирает неживое, — ответила наяда. Илья бросил на нее короткий взгляд,

надеясь убедиться, что она не превратилась внезапно в жуткую сморщенную старуху. Нет, не превратилась: только розовые волосы стали больше похожи на кораллы, а кожа окончательно истончилась, показывая внутри ток воды вместо плоти. На всякий случай он зыркнул на Пони, но тот все еще выглядел все тем же черным гигантом со светящимися волосами, как выглядел и на Пороге, и в Третьих Землях.

— Мы на Пороге, да, сестра? — уточнил Пони, и голос его прозвучал достаточно нервно. — В той части, куда лучше не ходить.

— Поэтому сюда и нет смысла закрывать путь, — мягко ответила наяда. — Не бойтесь. Вам повезло: я в самом деле могу пройти здесь в безопасности.

— Потому что твоя река умерла? — предположил Илья. — Ты сказала, что ты — нимфа Безымянной реки. Она Безымянная, потому что ее нет смысла именовать? Или потому что ее нет?

— Вот она, — ответила Никогда. — Мы идем по ее руслу. Она — лезвие, которое рассекает все.

Дэш очевидно поежился, но прокомментировал преувеличенно бодро.

— Это значит, нам в самом деле повезло, вроде как, да? Иначе бы мы не прошли. Иначе бы просить Шторма, Аилиса и их царька нас пропустить. Ну, или ждать пока Блед нас достанет.

— Блед — это твоя Св, я понял, — нервно хихикнул Илья, ступая по серому месиву.

Он пытался не приглядываться к нему, но это было трудно и труднее раз за разом, потому что чем дальше они шли, тем очевидней становились очертания серых предметов под ногами. — Почему здесь столько костей? — внезапно понял, что это, он.

— Потому что мы идем в обратном направлении, — сказала Никогда и улыбнулась ему. Как ни странно, несмотря на явную доброжелательность улыбки и в целом отношения наяды, стало резко страшнее. Илья вопросительно посмотрел на Пони, но тот сделал страшные глаза (один зеленый, второй синий, оба — выпученные) и морду тяпкой и продолжил идти. Кажется, у него сомнений не возникло, и приходилось доверять его опыту общения с потусторонними персонажами разного толка.

А потом появился запах.

Сначала Илья думал, что ему просто показалось: тонкий, едва заметный затхло-сладковатый аромат появился в воздухе, пробираясь в нос, и парень яростно сжал переносицу, чтобы не чихнуть. Переждав спазм, он принялся, и вроде как ничего не почувствовал, но затем запах пришел вновь, уже более сильный.

Пахло тлением, и было даже понятно, почему. Серые сухие кости сменились белыми, а затем на них стали появляться куски истлевшей одежды или высохшей кожи, клочья мертвых волос, и это было куда как более неприятно, чем идти по костяному крошеву. Тут уже, практически, была дорога по чужим потревоженным могилам, и Илью передергивало, как никогда на кладбище. Пони, впрочем, держался уверенно, или пытался это показать, поэтому приходилось сжать зубы и делать вид, что все нормально. И почти удавалось, пока запах не приобрел эпические масштабы, становясь все более тошнотворным и предвещающим что-то совсем ужасное. Скелеты постепенно обрастали плотью. Каждое новое тело или его куски были на чуть более ранней фазе разложения, и тягучая вонь, казалось, проникала в каждую клетку, каждую пору.

— Никогда, — задыхаясь, простонал Илья. — Никогда больше мяса в рот не возьму!

— Куда тебе, — буркнул Дэш, закрывая нос свободной рукой.

Идти было все труднее. Наяда вела их вперед и вперед, не позволяя сходить с тропы из наваленных тел, и там, где ее шаг был легок и уверен, то Илья, то Пони то и дело оступались и соскальзывали между окоченевших трупов, в зловонную жижу грязи и крови под ними.

— Не выходите из русла реки, — попросила она. — Иначе потеряетесь навсегда, и я не найду вас.

— Легко сказать, — содрогнулся Дэш, стараясь не смотреть под ноги и не дышать. Из-за этого он, конечно же, снова оступился, взмахнул рукой и хватанул полной грудью отвратительного густого воздуха, который, кажется, заставлял сами легкие гнить изнутри.

— Держитесь, — сказала наяда, сжимая их руки сильнее. Вода под ее кожей потемнела, став черной и глубокой, словно осеннее озеро, и от этого весь ее облик наполнился новым тревожным настроением. — Не бойтесь. Пока вы со мной, вам ничего не грозит. И стража не бойтесь.

— Здесь ... еще и страж? — смог выговорить Илья, стараясь ни на миллиметр не открыть рот. Вонь была настолько плотной и густой, что с каждым вдохом казалось, что он откусил кусок гниющей плоти. Под ногами было мерзко, окостеневшие и мягко-гнилостные части перемежались, но смотреть, куда ставить ноги, было совершенно невозможно. Илья попытался один раз, но встретился взглядом с мертвыми пустыми глазами отрубленной головы и передумал раз и навсегда. Иногда лучше не знать, куда ты прешь, иначе можно испугаться и никуда не пойти вовсе.

— На каждой дороге свои спутники, — сказала наяда, сжимая их руки, словно предупреждая. Впереди кто-то стоял, кто-то огромный, нелепый, похожий больше на диковинное животное, чем на человека, потому что был кособоко составлен из частей разных тел, слипшихся друг с другом, тянущихся друг за другом. Он словно сам был руслом мертвой реки, потому что все полотно мертвечины поднималось к нему, цепляясь за него, колыхаясь и издавая присвист и вздохи, когда воздух скользил в мертвых легких и гортанях.

— Ничего себе декор, поньи сиськи, — выдохнул Дэш, волей-неволей подбираясь и напрягаясь. Хотя как бороться с такой машиной?

Наяда, впрочем, невозмутимо тащила их вперед, улыбаясь даже и словно напевая под голосом, едва слышно, навязчивую мелодию без слов. Илья пригляделся: страж в самом деле вбирал в себя все тела, занимающие русло, возвышаясь над ним, словно памятник тлению, и сзади него виднелось черное сморщенное полотно воды. Оно было похоже на потоки слез и темные ноябрьские лужи, и воду под мостом, ведущим из ниоткуда в никуда. Возможно, это было своего рода границей? Надо было пройти мимо стража, чтобы выйти, но куда?

Никогда запела чуть громче, выводя мелодию сомкнутыми губами, и Илья подпел ей, забывая дышать от ошеломительной вони.

— Пусть кладбищенский вальс и поворотный романс погружают нас в транс, чтоб выплакать слезы народа.

— Чтоб выплакать слезы за мертвых, — разомкнула губы Никогда, позволяя своему чистому, ясному голосу вылиться в бесконечное трепещущее и бултыхающееся пространство отвратительного зловония. Серебряный звук словно стал острием резонирующей волны голоса Ильи, который разводил в стороны туман и запах гниения, устремляясь к чудовищному стражу.

Он начал поворачиваться: отдельными частями, отдельными элементами, кусками, выворачивая с мясом из себя куски, чтобы повернуть все имеющиеся уши к звуку, и от этого раздавался болезненный, тошный суставной хруст.

— Чтоб выплакать слезы за мертвых, — повторил за Никогда Илья, чувствуя подъем и полет внутри себя, несмотря на пугающую цель впереди. Черная вода начала вытекать из глаз и глазниц на чудовищном теле Стража, словно они плакали, словно он плакал, и такая же черная вода текла по щекам Никогда. И чудовище, и наяда с каждым шагом и каждой темной каплей становились словно бы немного меньше и прозрачней. Поток воды, которым ощущалась ее рука в ладони Ильи, словно истощался, становясь едва заметным касанием влаги, но Никогда продолжала идти вперед, увлекая за собой своих спутников.

Груда тел неумолимо поднималась, наклон становился сильнее, Илья то и дело скатывался немного назад, давясь плохо подавленным ужасом и отвращением, но что-то все-таки менялось: гора впереди таяла, теряла плотность, теряла вес, и к запаху гниения примешивался холодный и пустой запах тины, ряски, холодной, не прогретой солнцем стоячей воды. Эта примесь показалась Илье удивительной, и он уцепился за нее мыслью и всеми ощущениями, пытаясь понять, откуда это, куда оно ведет, что это и зачем. Большая часть вопросов осталась неотвеченной: но очередной шаг словно пробил какую-то грань реальности, и на Илью без предупреждения хлынула холодная, темная вода. Он взмахнул рукой, потерявшей контакт с прохладной ладонью наяды, уцепился за что-то плотное, и это плотное уцепилось за него в ответ. Если это был не подводный зверь сом, то, вероятно, Пони: надеясь на это, Илья схватился за него крепче, пытаясь сориентироваться в мокром мраке вокруг, и потом Пони, если это все таки был он, дернул его в сторону и вверх.

Илья вынырнул.

И снова довольно не удачно. Даже не на подоконнике, а внутри чьей-то квартиры. Быстро оглядевшись, я нырнул под стол, и оттуда уже наблюдал, как местный бесхвостный, ругаясь, ищет тут и там что-то важное. Было не слишком уютно: в месте моего прятанья валялись какие-то объедки и пахучие вещи разной степени противности. Некоторые, конечно, были очень даже ничего, но я брезглив и лежу на вещах только своих бесхвостных, потому что про них я хотя бы имею представление, где они лазали, что ели и когда последний раз обрабатывались от насекомых.

— Где?! Где это чертово свидетельство о рождении? — возмущался бесхвостный, разбрасывая вещи еще пуще. — Почему у меня всегда такой срач? Почему я никогда не могу нормально убраться?

— Да ты тухлую еду для начала хотя бы собери, — подал голос из-под стола я, лапой выдвигая оттуда тарелку с живописными объедками.

— А? — ошарашенно застыл бесхвостный, оглядываясь вокруг так, словно я окружал его со всех сторон.

— Мяу, — сказал я и, подумав, добавил. — А Германия далеко?

— С тысячу... тысячу километров, — ответил бесхвостный и испуганно икнул.

— Сахар на корень языка положи, — посоветовал я, забиваясь поглубже в тень от стола, чтобы вступить в Пограничье хотя бы одной лапой.

— Совсем спятил, — услышал я бормотание, уже проваливаясь прочь. — Точно надо убраться, пока вконец шизофреником не стал!

Тысяча километров! Подумать только. Это мне бежать и бежать, как бы лапы не стереть!

Задумавшись, я не заметил как оказался на берегу сухой реки, которая своим руслом пересекала все части Пограничья. Что же, это была неплохая идея, я бы, может, и нарочно лучше не придумал.

— Эй, — позвал я, усаживаясь на берегу и на всякий случай прочищая когти на передних лапах. — Эй, река!

Реки — да и само Пограничье — похожи на кошек. Они терпеть не могут делать то, что вы от них ожидаете, но зато иногда могут сделать именно то, что вам надо, вне зависимости от ваших пожеланий. Поэтому я и не ожидал, что мне быстро ответят, или придут на зов, или что-то еще такое. Я просто сидел, лежал, чистил лапы, чистил когти, вылизывал воротник, а также все остальное, что должен вылизывать себе каждый уважающий себя кот в моменты скуки и тоски. Я даже хвост свой вычистить успел, чего обычно делать не желаю, потому что хвост — длинный, шерсть — пухнастая, а во рту все застревает.

— Что тебе, милый тенекотик? — спросила, наконец появляясь, нимфа реки, которая течет Нигде и Никогда. Под стать пустому руслу, она была вся в черном, и только края одежды вспыхивали едва видимым не то багровым, не то розовым.

— Мне нужно в Германию, — сообщил ей я, внимательно глянув в ее сторону.

— И что же там, в Германии, такого нужного? — спросила она, присаживаясь рядом со мной на берегу и осторожно протягивая руку к моей шерсти. Подумав, я не стал ее расстраивать, потому что мне нужна была ее помощь, и позволил себя почесать. В конце-концов, мы, коты, должны иногда проявлять милость к бесхвостным, даже если они особенные.

— Мне нужно передать сообщение одному из Этих, — пояснил я деловым тоном, немного прерываясь на громовой пуррр. — Так что помогай.

— Давай попробуем, — согласилась она. — Мне кажется, немного моего русла есть и там, но я не уверена, что именно в той части Германии, что тебе нужно.

— Меня устроит любая часть, — милостиво согласился я, про себя лихорадочно соображая, а что, Германия еще и достаточно большая, чтобы иметь части? Больше Химок, например? Химки же огромные. Однажды я гонялся по Химкам за одной верткой мефозой, с которой никак не могли справиться местные коты, и это, я вам скажу, было прямо-таки не просто. Химки большие, мефоза маленькая, а я — один, как и подобает герою. Впрочем, даже если Германия такая огромная, мне придется справиться.

— Тогда я сейчас обозначу для тебя пусть, — улыбнулась нимфа и начала вытягивать из меня волосок. Я почувствовал тягу, словно волосок вот-вот оторвется, и оскалился было на чистом инстинкте, но шерсть все тянулась и тянулась, и боль все продолжалась и продолжалась, так что пришлось изумленно замолчать, глядя на то, как в сияющих руках нимфы образуется целый клубок моей шерсти.

— Да я что тебе, прялка, что ли? — справедливо возмутился я.

— Хороший кот всегда поможет по хозяйству, — хитро улыбнувшись, ответила нимфа. — Хотя бы себе самому.

— Хватит меня разматывать, — я даже дернулся, но от этого стало только больнее в боку. — Сейчас, — извиняющимся тоном попросила она, торопливо наматывая еще и еще. — А то не хватит на всю дорогу и тебе придется самому искать путь. Не бойся, не облысеешь.

Мне, признаться, такой опасности в голову не приходило, но я тут же покосился на свой бок критически. К счастью, поредения шерсти там не обнаружилось.

— Вот, — наконец сказала нимфа реки, которая течет Нигде и Никогда, и положила передо мной клубок из моей собственной шерсти. Тонкая серая нить была такой эстетичной, что я невольно загордился. Может, из моей шерсти можно вязать какие-нибудь модные шапки, и мои бесхвостные просто слишком глупые, и упускают шикарные шансы? — Следуй за нитью, клубок приведет тебя в Германию, раз тебе так надо.

Я важно кивнул, поднимаясь на ноги, и уточнил, вспоминая все известные мне сказки бесхвостных:

— А если бесхвостный просит дорогу указать, ты что делаешь?

— Ем его на обед, — рассмеялась нимфа. — То же самое я делаю, если сама не могу проводить. Но из людей труднее вытягивать ниточку, поэтому их предварительно лучше усыпить. Они столько не вытерпят, начнут переживать зря. А во сне ожидание переносится легче.

Я снова кивнул, мотая на свой длинный вибрис новые сведения о народном фольклоре, и подтолкнул носом магический клубочек.

— Побежали.

Воздух был промозглый и влажный, ничуть не лучше воды, и вокруг было невероятно темно, так что даже было непонятно, открыты глаза или закрыты.

— Слово волшебного пони, брат, — сообщил ему неуместно жизнерадостный голос над ухом. — Мы на Первых землях уж точно.

— Как это ты догадался?

— А у меня крылья не растут от ужаса, — расхохотался Пони, и звук его смеха разнесся вокруг словно бы вперед и назад, но в стороны — нет. — Давай уже копытами вставай, тут не глубоко.

— Копыт не имею. Как уважающий себя... — он поискал нужное слово. — Зверь, имею скромные лапки. Поэтому у меня лапки. И поэтому я не могу.

Тем не менее, несмотря на это заявление, он, придерживая себя за Пони, поменял немного расположение в пространстве и в самом деле смог встать в полный рост, почти упираясь головой в склизкий изогнутый почему-то потолок.

— А кроме того, что мы в Первых землях, — Илья, кстати, уже остро почувствовал, что именно там они и есть: где-то там, внизу, в толще воды у него развязался кроссовок, и шнурок его нервировал. На Пороге и дальше никаких шнурков у него не было. — Мы, собственно, где?

— Ответил бы в рифму, брат, да слов нет, — преувеличенно оптимистично отозвался Пони. — Да сейчас разберемся. Труба какая-то. Тут, — раздался плеск. — Уходит куда-то ниже. Ты как с плаванием?

— В море могу, — подумав, резюмировал свои успехи Илья. В общем-то, плавать, в целом, он умел, но чаще всего так, что приходилось себя утешать тем, что, видимо, человек он хороший, поэтому и тонет.

— В море любой дурак может, а ты, э, вроде как попробуй в трубе в подземной реке! — укорил его Дэш. — Э, ладно, брат, выручу нас, сам на разведку сплаваю.

— Не потопни. Я без тебя точно не выберусь, — предупредил его Илья.

— Спасибо за заботу, брат! — Дэш что-то там еще покрутился вокруг своей оси, после

чего раздался всплеск, и более сильное, чем было, и в тому же обратное течение ударило в Илью, заставив пошатнуться и сделать неловкий шаг назад. А потом некоторое время было почти болезненно тихо, и Илья только прислушивался к плескам и вздохам воды, пытаясь вреди них поймать отзвуки движений своего приятеля.

Было неудобно, мокро и, в общем-то, страшновато. Илья нащупал в кармане куртки свой телефон, но шансов включить его в воде, наверное, не было вовсе: надо было брать влагозащитный, подумал он было, но тут же себя оборвал. Никакая влагозащита не дает гарантий от таких вот купаний. Тут нужен подводный бокс, а кто же знал? Вероятно, надо было просто брать телефон для экстремалов, и придется так и сделать, если подобные чудеса в его жизни продолжаться.

Отвлекаясь на телефонные рассуждения и немного замечтавшись несмотря на неприятную ситуацию, Илья не заметил возвращения Дэша до тех пор, пока тот не хватанул его под водой за руку.

Тут, конечно, Илья оранул, как безумная чайка, дернувшись в воде, стукнув Пони куда попало и породив такое эхо, что и мертвые, оставленные позади, за стражем, наверняка слышали.

— Ну ты псих, брат, — уважительно сказал Дэш, отплевываясь от воды. Он немного дрожал от холода, и это было очевидно, и, кажется, Илья дрожал тоже. По крайней мере, зубы пару раз пытались клацнуть, он заметил это и попытался остановить, но почти бестолку: вокруг была холодная темная вода и темнота, и если бы Илья оказался в такой ситуации даже всего лишь пару дней назад, он бы уже был в панике. Но дело было сейчас, и рядом стучал зубами Пони, утверждающий, что он волшебный, и было не так уж страшно, просто неприятно и холодно.

— Что там, получилось понять?

— Там, брат, труба.

— В смысле что дело труба? Это и так понятно.

— В смысле, что труба там. И решеткой перегороджена. Если получится выломать, скорее всего, пройдем дальше.

— И как ты собираешься выламывать? В этом мире ты не совсем прямо Геракл. Кстати, о мирах. Почему бы нам просто не мигнуть на Порог, или что-то такое?

— А ты видел, что там было на Пороге за тем стражем, э?

— Вода.

— Это тут вода. А там, считай граница и была. Через нее маханули — свалились сюда.

— Мне кажется, или каких-то нюансов я не понимаю?

— Вроде как и да. В общем, брат, Порог, он нависает. И иногда его нет, потому что тут нет Порога, понимаешь?

— Порога нет, потому что его нет? — повторил Илья.

— Да, вроде того, что там разлом, и где разлом, там не перейти.

— А где решетка, там разлома уже нет?

— Вот, ты уже и все понял, — одобрил Пони.

— Может, попробуем в обратную сторону? Там же тоже где-то должен кончиться этот твой разлом.

— Не мой, а Порога разлом, — наставительно сказал Дэш, стуча зубами. — Вроде как кончится, но что там будет, ты понимаешь?

Илья скривился, вспомнив русло из мертвых тел, и, хотя его приятель не мог этого

видеть, но явно все понял.

— Вооот, брат, — заключил он. — Поэтому только вперед, только... в трубу.

- “Не вылететь бы в трубу”, - процитировал Илья мрачно.

— Не просочиться бы в канализацию, а так ничего, э, — оптимистично отозвался Пони. — Если какую песенку вспомнишь про спадание оков и отрывание решеток, ты того, попробуй, э?

Про спадание оков в голову лез только Пушкин из школьной программы, а про решётки и вовсе ничего, поэтому Илья только вздохнул.

— Давай ты уже просто выломаешь эту решетку без допингов и излишеств?

Ради разнообразия Дэш пререкаться не стал: набрал в грудь воздуха и ушел под воду почти без плеска, и Илью снова обдало подводным потоком воды и его толчка. Что-то бумкнуло там, в темноте, и Илья до рези вглядывался в окружающий мрак, пытаясь уловить хотя бы точку света, но видно ничего не было. Зато был звук, глухой, смазанный толщей воды, словно кто-то размеренно бился о преграду.

— Надеюсь, ты не головой, — автоматически пошутил Илья. — Это было бы слишком даже для тебя.

Он все еще пытался вспомнить хоть что-то про пробивание стен или снятие оков, но был, наверное, слишком холодно и неприятно, и Пони же сам сказал, что на Порог все равно не пустит?.. Впрочем, кусочек речитатива все-таки нашелся, и Илья попытался попасть словами между клацаний зубов. Этот текст был не из его собственного “парка” мелодий и песен, а вовсе даже родом из детства, когда Илья еще состоял при бабушке, а Св просыпалась к экзаменам под эту бодрую песню. Впрочем, она и сейчас периодически под нее просыпалась, так что архив был не совсем пассивный.

Было донельзя странно пытаться что-то петь или начитывать, стоя по шею в темной, холодной воде в запертом тоннеле, но Илья честно старался, и даже голос и мелодию не упустил.

— Вот стены мы сломать должны и выпустить нас, и на своем стоять должны мы сейчас. И если это нужно нам, дорога не ждет, здесь нам не место, и пойдем мы вперед.

Последний отзвук и полуэхо быстро погасли, потом внизу что-то яростно скрежетнуло и окончательно стихло.

Илья напряженно вслушался, но в тихом плеске вялого течения было не различить ничего особенного, поэтому когда Пони схватился за него под водой прежде, чем вынырнуть, это было очень неожиданно, но на этот раз, хотя бы, Илья чайечкой орать не стал.

— Добро пожаловать туда, э, — сказал Пони, поотплевывавшись. — Ты доплывешь там, или тебе надо помогать? Только честно давай, брат.

— Я ничего не вижу. Так что вряд ли найду, куда двигаться, — практически без запинки признал Илья.

— Тогда не обижайся, вроде как, когда я тебя за шкирман потащу.

— Да не вопрос. Главное, чтобы вытащил, а не просто тащил. Там что за решеткой?

— Вода, — ответил Дэш, помолчав. — Если что, вернемся. Тут воздух никуда не денется, да.

— Надеюсь.

— Заткнись уже, брат, и вдыхай.

Илья послушался. И, стоило ему шумно вдохнуть, как Пони рванул его вниз, под воду, перехватывая его то за шиворот, то за руку, то за шею с волосами вместе. Илья барахтался,

как мог, но демисезонная одежда, качественно согревающая своей многослойностью в сухости, оказалась жутко неудобной для плавания, да и тренировки у него не было, наверное, две вечности, поэтому он больше, кажется, мешал Дэшу себя тащить в нужном направлении, чем помогал.

Тот толкал его сначала вниз, потом вперед, пока в крошечном мраке толщи воды Илья не задел спиной за что-то острое, едва не раздирая куртку, и в легких не начало уже гореть от нехватки воздуха, а в голове мутиться. Это и было границей, видимо, той самой решеткой, потому что Пони тут же начал толкать его вверх, но тут уже сквозь резь в глазах и дым в голове Илья и сам разглядел брезжущий свет и активнее заработал всеми конечностями, выплывая на поверхность.

Первый глоток воздуха показался просто райской амброзией, и несколько долгих секунд Илья только отплевывался, дышал, отплевывался снова и ровным счетом ничего не видел вокруг себя, и продолжал не видеть до тех пор, пока не убрал с лица прилипшие волосы, пахнущие тиной и покрытые ряской, как у водяного. А когда стало полегче, то сначала разглядел даже не своего приятеля, бултыхающегося поблизости, а водную гладь небольшого пруда, и небрежно окультуренные берега вокруг, и недоуменные лица немногочисленных прогуливающихся.

— Илька! — внезапно донеслось с берега, когда Илья открыл было рот, чтобы поздравить Дэша и себя с успешным всплытием. — Ты чего туда залез?

И после небольшой паузы:

— Холодно же! Ты простудишься! Вылазь немедленно!

Всего один на всем свете человек называл Илью Илькой. И, так и есть: повернувшись в направлении источника звука, Илья обнаружил на небольшом парапете, окольцовывающем пруд почти вровень с водой, Ната, которая, нагнувшись и упираясь руками в колени, опасно наклонилась вперед. Выше ее, на тропинке на краю склона, нашлась и Маша-Война с двумя надкусанными эскимо в руках. Видимо, Ната, увидев Илью, бросилась вниз, сунув недоеденное подруге, и та сейчас переводила взгляд с мороженого на барахтающихся в воде парней и на Нату, словно размышляя, продолжать ли ей стоять и держать, чем-то помогать или просто и без затей доест обе порции.

— Илька, я кому сказала! — закричала на него Ната, почти переходя на ультразвук. Способность производить такую феерическую звуковую волну дала основания знатокам фольклора окрестить Нату в школе бенши: однако, Илья-то знал, кто на самом деле орет громче всех, и это была вовсе не Ната, а ее подружка-войнушка. Если особо ничем не примечательная Маша кому и запомнилась, то тем единственным разом, когда она пришла на школьную дискотеку и в попытке с кем-то поговорить перекрывшая музыку даже особо не крича. Если так подумать, отвлеченно обсудил сам с собой Илья. пытаюсь прибарахтаться ближе к берегу, то этот достопамятный трубный голос прекрасно подходил именно для Всадника-Войны. Она же должна там какие-то лозунги орать, отправляя в бой народ?..

— Брат, ты каракатица, — сообщил ему Дэш, хватая его за шиворот и таща к берегу. Он делал размеренные, ровные гребки, и даже одежда, кажется, ему не мешала. Хотя, справедливости ради, напялено на нем было поменьше, чем на Илье, который был любитель натянуть три-четыре-пять слоев шмоток.

— А ты — водомерка, — не остался в долгу Илья, когда мог протянуть руку и схватиться за край парапета.

— Тогда лезь первым, э, раз обзываешься, — обиделся Пони.

— Прекратите сейчас же, немедленно вылезайте оба! — снова прикрикнула на них Ната. — Вы спятили, что ли, оба? Вода холодная! Заболеете!

— У меня хороший иммунитет, вроде как, — похвалился Пони, впрочем, забывая о своей угрозе в процессе доставания себя из воды. Он взялся обеими руками за парашют, уперся, легко подтянулся, низвергая вместе с собой водопады холодных струй. Закинул ногу и перевалился, перекатившись и без проблем вскакивая на ноги. Зубы у него, впрочем, выбивали дробь не хуже, чем у Ильи. Рационально оценивая перспективы приятеля выбраться самостоятельно, Пони не стал вредничать и, наклонившись, протянул Илье обе руки. Когда тот благодарно ухватился, Дэш уперся ногами и потянул вверх. Ната, конечно, тоже в стороне не осталась: неизвестно насколько она помогла, но вымокла тоже основательно, поскольку оба купальщика были мокрые не просто насквозь, а прямо-таки порусалочьи. Взобравшись на твердую землю, Илья несколько секунд просто лежал на твердом, приходя в себя. На мокрые руки тут же налипла всякая фигня, и, вставая, Илья не нашел ничего лучше, кроме как вытереть ладони о собственную куртку, тоже всю в веточках, мелком мусоре и ряске. Относительно чисто было в карманах, и он засунул руки туда, оставляя там весь налипший мусор.

— Дураки! — Ната стукнула Илью мокрым кулаком по мокрой спине. — Недоумки! Вы чего, а? Ну, чего?

— Пospорили, что ли? — спросила Война, наблюдавшая за ними с безопасного расстояния, доедая одно из эскимо. — На слабо?

— На слабо, — покорно согласился Илья, не попадая зубом на зуб. Он плохо себе представлял, куда их, к черту, занесло, как здесь оказалась Ната и что вообще теперь делать.

— Мальчики все идиоты, а я что тебе говорила, Нэсть? — прокомментировала Маша, доедая свое мороженное и плотоядно поглядывая на Натаино. — Так что твой баобаб еще ничего.

— Идиоты, вот уж точно! — закивала Ната, явно соображая, что с ними делать. — Вы телефоны и кошельки, конечно, тоже искупали, не пожалели?

— Конечно, а что, на берегу оставлять, что ли, вроде как? — оживился Дэш, приплясывая на месте и растирая руки руками.

— Идиоты, — подтвердила диагноз Война. — Ладно, идем ко мне. Я тут недалеко живу, добежите бегом, согреетесь, а там как-нибудь высушим вас, раз такое дело.

— А это... удобно? В смысле, мы там никому не помешаем?

— Не, — пожалала плечами Война. — Но вы осторожней, там мама.

— Такая страшная мама?

— Мама чудесная, — буркнула Ната, подталкивая обоих мокрых крыс вверх, к тропинке. — Не наговаривай.

— Чудесная, — согласилась Маша, критически осматривая Илью и потом Дэша. — Но она будет вас кормить, причитать и отчитывать, так что не признавайтесь, что купались тут на слабо. Лучше соврите что-нибудь. Но это я так, предупреждаю. Некстати, второго-то как зовут?

— Это Дэш, девочки, знакомьтесь, — спохватился Илья, которому уже казалось естественным, что Война знает Пони, а Пони знает Войну. Но, вероятно, они официальные так и не были представлены. — Он волшебный пони.

— В смысле?

— В смысле, что от работы дохнут кони, ну, а он волшебный пони.

— Что-то мне твоя рожа, волшебный пони, больно знакома, — сморщила лоб Маша, изучая его.

— Так я учусь в Лулумбарии, листовки раздаю тут у метро, вот так вот, — широко улыбнулся Пони, но стучащие зубы сводили на нет все его попытки казаться очаровательным. — Листовочки тебе часто даю, красавица. Ты там замужем уже, э?

— Так, — Маша всучила Нате ее мороженое и отсутствующе сунула палочку от своего собственного, вовремя доеденного, в карман пальто. — Бегом, за мной. А то реально к чертям вымерзнете и вымерете, как мамонты.

— Маша, блин, — Ната негодуяще посмотрела на эскимо, с которым теперь не знала, что и делать, а ее подруга, прижимая полы короткого пальто через карманы, уже посайгачила по тропинке вдоль прудов. Дэш, ничтоже сумняшеся, припустил за ней бодрой рысью, и Илья, погибая под весом мокрой куртки, толстовки, рубашки, майки и всей остальной экипировки, отставая, потрусил следом.

Идти оказалось в самом деле недалеко, хотя они и снискали по дороге не один десяток недоуменных взглядов от мамашек с детьми, пенсионеров с собаками и прочих обитателей тихого и зеленого спального района в дневное время. К финишу, однако, без потерь пришла, разве что, сама Маша-Война. Илья и Дэш оба дрожали, как листья на ветру, с обоих все еще яростно капало, а Ната была вся вымазана мороженым, которое попеременно решала до доесть, то донести и доесть потом.

— Вверх! — скомандовала Маша, явно привычно возносясь по лестнице едва ли не одним рывком на полтора этажа, до почтовых ящиков.

— Насколько вверх? — с надеждой уточнил Илья.

— На последний, конечно, — невозмутимо отозвалась Маша. — Возблагодарите небеса или кого-нибудь там еще, что без лифта всего лишь на пятый, а не на двадцать пятый!

— А моя любовь живет на 25-ом этаже, — немзыкально взвыла Ната. Илья от этого нервно подпрыгнул и поскакал по лестнице вверх, перешагивая через две ступеньки, пока Дэш, плачась о несправедливости мира к нему, такому “з-замерзшему и устатому”, плелся позади. Ната, впрочем, с готовностью его жалела и обещала скорое облегчение, спасение и теплый пледик.

Илья успел подняться достаточно быстро, чтобы увидеть, как Маша отпирает дверь и, приоткрыв ее, сначала всовывает в щель ногу, чтобы профессиональным отточенным движением всех собачников перекрыть кому-то голососитому доступ наружу.

— Мааам, — позвала Маша внутрь. — Забери Процика, я с Натой, и еще мы из лужи выловили Илью, помнишь его?

— Какого Илью? — донеслось из-за двери невнятное вперемежку с гулким и утробным собачьим лаем. Не иначе как собака Баскервилей там выражала радость. Впрочем, Илья был не против и собаки Баскервилей, если к ней прилагались сухое полотенце и фен. Маша, наконец, открыла дверь пошире, и, оставляя ее распахнутой, зашла внутрь.

— Ну, вот, Илья же.

— Дратути, — беспомощно обтекая на придверный коврик чистенькой маленькой прихожей, сказал Илья и попытался улыбнуться. Мама Войны показалась ему знакомой, да и пса он смутно вспомнил — кажется, именно этот боевой состав часто наблюдался возле школы после уроков.

— Ну ничего себе, — очень по-машински прокомментировала Машина мама, не отпуская, впрочем, бульдога, которого цепко держала за ошейник и еще коленями для

верности. — Ну-ка давай, заходи, и марш в ванную, немедленно. Только разуйся!

— Спасибо, — неловко ответил Илья, наклоняясь, чтобы попытаться распутать мокрые шнурки. — Извините, что ... вот так. так вышло. Упали случайно в пруд.

— В пруд? Кто еще упал? Маша?!

— Не, не, не, мам, ты же видишь, я сухая! Это его друг еще упал. Он тоже поднимается.

— Нормальные девочки на улице подбирают котят, — назидательно сказала Машина мама. Как же ее звали? Илья то ли не помнил, то ли не знал. — На худой конец, щенков или воронят. А вы что?

— А мы ненормальные девочки, — подтвердила Маша, ничуть не озабоченная выраженным матерью недовольством. — Ну, мам, ну не оставлять же их там? Оба без телефонов, без денег, проездные вымокли, воспаление легких, смерть, похороны, веночек с черной ленточкой... И все это во цвете лет и в двойном экземпляре!

— Да ладно, ладно, — согласилась ее мама, как раз когда в дверь следом за Натой, застенчиво улыбаясь, заглянул мокрый и распространяющий волны холода Дэш.

— Драстути, — не попадая зубом на зуб, повторил он вежливое выступление Ильи и скромненько затер ногой натекшие с себя капли. — Простите, э, милая лэди, мы цветы и торт-конфеты в следующий раз принесем, можно?

— Если не собираетесь жениться на одной из этих “милых леди”, - с достоинством отозвалась женщина, обводя взглядом свою дочь и Нату. — То обойдемся без тортика. Закройте, наконец, дверь, делите ванную как-нибудь сами. Я принесу полотенца.

— Если сопротивление бесполезно, — прокомментировала Маша, ловко ловя на полете к Илье пса Проца, — Сдавайтесь и сделайте вид, что так и было задумано. Ната, кончай пялиться на мальчиков, ради всего святого, и давай мне помощи. А вы там в ванную, сами разбирайтесь, раздевайтесь, или что, кто первый пойдет, решайте сами.

— Полотенца, — вставила мама Маши, выкладывая стопку на табурет возле входа в залу. — Сейчас сообразим с временной одеждой.

— Я первый, — Илья, наконец, спихнул второй мокрый ботинок, и, на ходу стряхивая на пол донельзя мокрую куртку и рубашку, ретировался в ванную.

— Лучше бы котят подобрали, — заключила Маша. — Возни меньше, толку больше.

— А блохи? — деловито уточнила Ната.

— А кто сказал, что этих от блох не придется обрабатывать? Фу, фу, фу, Процик, я сказала, фу! Дядя блохастый!

Как ни странно, драться за ванную и теплую воду так и не пришлось. Илья справился быстро, буквально минут за пять, и, завернувшись в одолженный ему чей-то халат, застенчиво выполз наружу, а Дэш, наоборот, отправился отмокать сразу после этого.

— На, поешь, — Маша бацнула на сервировочный стол заставленный поднос, и борщ в тарелке жалобно плеснул. Илья посмотрел на еду с сомнением и вопросительно поднял бровь. — Я предупредила! У меня тут мама. Жри, давай. А то она решит, что не вкусно, и тогда тебе кирдык. И мне кирдык.

— Пони тоже будут кормить? — поинтересовался парень, подвигая к себе стол и одергивая халат.

— Будут, будут. Шашлык из него делать будут, — зловеще пообещала девушка и полезла в кладовку зачем-то. — Натка, лови детали! — попросила она подругу и та, примостив собственную принесенную с кухни тарелку на край стола, стала принимать запчасти от вентилятора. На взгляд Ильи, для вентилятора пока что было холодновато, но он счел за

благо не высказываться. Правда, помощи в сборке тоже не предложил, но девчонки справились сами, после чего вентилятор был торжественно направлен на развешанную на стульях мокрую одежду купальщиков.

— Хитро, — похвалил он, не забывая есть суп.

— В моих интересах выпихнуть вас прочь до тех пор, пока папа не пришел, — пояснила Маша.

— Такой страшный папа?

— Папа чудесный, — не согласилась Ната, которая, видимо, была о семье подруги самого высокого мнения. — Просто ты в его халате. Он, наверное, тебя убьет.

— Тогда в самом деле удалиться вовремя будет разумно, — покивал Илья, доедая борщ. Кормили тут отменно, сушили тоже неплохо. По крайней мере, одежду. — А что мой телефон? Он в кармане был.

— Телефоны мы сунул в рис, а баблометры разложили под обогревателем, — Маша указала в угол комнаты. — Но я не уверена, что твой телефон включится. У твоего товарища бессмертный кирпич, а вот твоё чудо техники может и не выжить.

— Буду надеяться на китайские чудеса, — наморщил нос Илья. — Китайский пром в китайском рисе.

— По моему, это был краснодарский рис, — подумав, сказала Маша.

— Тогда чуда может и не случится, — прыснул Илья. — Да ладно. Мне главное домой добраться, а там уж какая-то запасная трубка найдется.

— Какого черта вы вообще в воду-то полезли? — уточнила Ната, переворачивая голубенькую веселую куртку Дэша другой стороной к потоку воздуха.

— Да подрались мы и свалились, — сморщил нос Илья.

— Что, не сошлись во мнениях относительно одного богословского вопроса? — процитировала Маша.

— Да примерно так.

— И опять будете драться?

— Да что мы, придурки, что ли, совсем, э? — не согласился Пони, появляясь в дверном проеме. Он был обмотан тремя или четырьмя большими полотенцами в весьма этническом стиле, вызывая в памяти Камерун, Зимбабве или еще какую-нибудь Африку. Илья, впрочем, в Африках был не силен, поэтому которую именно определить не мог.

— Еда, — тут же злорадно вспомнила Маша. — Надеюсь, ты ешь борщ!

— А кто его не ест, так-то? — не понял Дэш, величественно прошествовая в комнату.

— Я! — отозвалась Маша-Война, убегая на кухню. Вернулась она с очередным обширным подносом с первым, вторым и булочкой.

— У тебя мама на армию, что ли, готовит? — с уважением уточнил Илья.

— Ага. А ты думаешь, почему у меня всю жизнь проблемы с лишним весом?

Илья с сомнением посмотрел на нее, пытаясь вспомнить, была ли Маша-Война хоть когда-нибудь хоть сколько-нибудь круглой, но, видимо, в школе он обращал на нее недостаточно внимания, чтобы что-то такое отложилось в памяти. В любом случае, про девчачий вес и связанные с ним переживания Илья предпочитал тактично молчать, благо как и любой нормальный парень все равно был не способен заметить в знакомых девушках колебаний в плюс-минус пять-семь килограмм.

— Я думаю, будет глупо спрашивать, а что вы там делали? — спросил Илья, выкрадывая из-под руки Дэша булочку и вгрызаясь в нее.

— Гуляли мы, ели мороженое и обсуждали, какие парни дебилы, — отмахнулась Война. — У Натки проблемы с ее бфом, вот.

— Маша, блин! — возмутилась Ната, краснея до кончиков ушей.

— А третья ваша где? — решил не акцентировать “бойфрендные” проблемы Илья. — Вы, вроде, всегда втроем ползали, а тут как не встречу вас — так вы парой.

— Это тебе просто не везет на Сашку, — пожалала плечами Маша. — Но она ж вечерник поэтому если вечером, то мы точно будем тандемом, а не триумвиратом.

— Триумвират! — с удовольствием повторил это слово Пони. — Не тройка, не троица, э! Триумвират! Не “пара”, а “тандем”! Образование из всех слов прет, вроде как и стыдно, что я неуч. Филолог? — с подозрением уточнил он, хотя Илья, уже поднаторевший в его выражениях лица и оттенках речи, сразу понял, что вопрос был задан просто ради вопроса, и ответ Пони уже знает.

— Нет, это Сашка филолог, — отмахнулась Маша, скосив на Пони глаза так, что было точно понятно — она тоже каким-то особым всадниковым чувством обнаружила фальш.

— Маха — сайколог, — хихикнула Ната.

— Это что за профессия? — не понял Илья.

— А это Натка в восемнадцать лет впервые открыла для себя английский язык, — закатила глаза к потолку Война. — И представляете, там столько слов!

— Маша, блин! — повторила Ната, но скорее довольна, чем рассерженно.

Илья чувствовал себя как-то странно. Это самое “Маша, блин” было очень даже знакомо, на переменах это было одной из привычных нот школьного фона много, много лет. С другой стороны: вот эта самая “Маша, блин” — самый настоящий Всадник Война, и сколько лет она была всадником, пока он иногда пересекался с ней в столовке или на перемене?.. И сколько еще таких людей, на которых он не обращал внимания, хотя видел, а они на самом деле — кто-то особенный? Сейчас, прислушиваясь к себе, в основании своих мыслей, он мог рассылать неумолчный ритм, который пах кровью и железом, прямо, как ... перед появлением Шторма.

Напоминание не было приятным, и Илья, поевшись, встал, чтобы проверить свою одежду. С нее, частично отжатой в машинке и уже с полчаса висевшей под вентилятором, уже не капало, но она была, конечно, все еще ощутимо влажной.

— Когда там грозный папа придет? — уточнил Илья, не оборачиваясь.

— Через часика два-три, — с готовностью отозвалась Маша. — Немного еще обсохните и ступайте с миром.

— Почивать не оставите?

— Чего-чего?

— Ну, так как ты, оказывается, легендарная Баба Яга, — уверенно сказал Илья с как можно более серьезным лицом. — В баньке попарила, ужином накормила... теперь, значит, положено дать добрым молодцам поспать, а с утра снабдить в дорогу навигатором и добрым советом.

— Разбежался! — рассмеялась Ната.

— В дорогу, — с достоинством ответила Война. — Могу дать вам пинка!

Голос ее, впрочем, звучал совсем не угрожающе, и мимика выдавала едва сдерживаемое веселье.

— Пирожки еще есть! — донеслось из коридора, и Маша, все-таки, заржала.

Ну, и в каком месте она Война? Невольно снова подумал Илья. Обыкновенная же

девчонка. Никаких тебе темных вод и омутов.

— Лучше мелочи отсыпь, если есть, — честно попросил он.

— Этот вот тоже вечно мелочь клянчит. Это заразно, что ли? — спросила Маша, тем не менее, оглядываясь в поисках своей сумки. Из кошелька она выгребла несколько десятков монет, которые, видимо, автоматически высыпала туда каждый раз, получая сдачу и никогда не пересчитывала. — Хватит тебе?

— Я, честно, верну, — пообещал Илья, в свою очередь, пересыпая добычу в карман. — Но сейчас все бабки в кошельке отсырели вконец. Только ты мне телефон, что ли, свой напиши, или ты там в соцсети какой-нибудь есть?

- “Вкакой”-нибудь есть, — кивнула Маша.

— Кинь мне заявку? Я там как есть. Настоящие фио, и я, наверное, там один такой. Если не один, так у меня на аватарке кусок нашей гоночной тачки. Ната ее знает.

— А? Ага, — кивнула та. — Знаю, ага.

— Хорошо, с компа потом, — согласилась Маша, и Илья, все-таки, счел за благо начать собираться. Сталкиваться с грозным владельцем халата, который был ему велик в три раза, как минимум, он не очень горел желанием.

Пирожков и даже добрый совет им, впрочем, в дорогу выдали — в отличие от пинка, который, несмотря на все угрозы, достался настырному псу Процику, а не Илье или Пони.

— А почему, кстати, Процик? — поинтересовался Илья, завязывая мокрые и теплые от батареи шнурки под беспрестанное нытье обиженного животного, которому не давали броситься и всех обслюнявить.

— А, да это, как сказать... В общем, до конца десятых дела у папы шли неплохо, и деньги обычно были. И его приятель у него выпросил, что называется, “на дело”. Дескать, открою свое дело, разбогатею, все верну с процентами.

— И как, вернул?

— Ну, в целом... процент как раз и вернул. Вон он, Процент-то, — хихикнула девушка, наклоняясь, чтобы почесать пса за ушком. — Он собак собрался разводить. Но порода в моду не вошла, тогда, помнишь, все с йорками бегали.

— Да и сейчас бегают. Только йорк это вроде и не собака. К Св кто-то как-то с йориком приходил, так мой кот решил, что эта крыса. Чуть не пообедал. А коту-то виднее.

— Ну, у тебя, видимо, не кот, а какой-то суперкот, — пожалала плечами Маша.

— Точно. Суперкот и есть, — подтвердил Илья, и на этой жизнеутверждающей ноте они с Пони, таки, покинули на удивление гостеприимный дом самого настоящего Всадника Войны.

Весь спуск до первого этажа Илья старательно держал язык за зубами, хотя вопросов у него было больше, чем можно было бы успеть задать даже, наверное, за час, а когда они вышли на улицу, первые промозглые ощущения от прохладной погоды, ветра и недосохшей одежды были такими живописными, что временно отбили охоту разговаривать, заставляя переживать вполне себе экзистенциальный кризис. В результате Илья снова открыл рот уже когда они приблизились к злополучным прудам.

— Думаешь, Шторм все еще ищет нас в Третьих Землях? — спросил он, поражаясь тому, насколько странно звучал этот вопрос в реалиях привычной московской действительности. Он вполне мог себе представить как Пони недоуменно полуборачивается, глядя на него из-за края капюшона, и уточняет “чего-чего, брат?”

Пони в самом деле полуобернулся, но тут же развернул голову обратно и пожал

плечами.

— Э, думаю да. Мы, брат, так ловко просквозили обратно, что надо запомнить это место.

— Может, лучше не надо? Не всегда мимо будут проходить сердобольные самаритянки, знаешь ли.

— Так можно, вроде как бы, сделать тут тайничок, чтобы вещи про запас припрятать, если что. Мало ли нам снова от Шторма драпать придется? Или от чего похуже.

— Похуже, — едва не хрюкнул от возмущения Илья. — Я так и не понимаю, почему этот Аилис на меня похож. Вот это точно — кое-что похуже. Да его даже Св со мной попутает!

— Да, брат, но он сюда не пройдет. Помнишь, э, он жаловался? Так что Св твоей ничего не грозит, вроде как.

— Зато галактика в опасности, — с деланным пафосом и очень кислым тоном отозвался Илья.

— Двух штук тебя мир не вынесет, да? — блеснул улыбкой Дэш.

— Боливар не вынесет двоих, — подтвердил Илья. — Кстати, про Боливара. В выходные ты едешь со мной на дачу, ты помнишь? Один я туда не попрусь.

— Такая страшная дача? — повторил шутку Пони, сам хихикая ей.

— Нет, такой страшный дядя, — ежась, ответил Илья. — Вот ты ржешь, а он супергерой. И это очень печально.

— Для него?

— Нет, для нас. Сам увидишь, — зловеще пообещал он. — Запомни, в субботу.

— Так хоть отвезешь, э?

— Отвезу, — уныло пообещал Илья, что настроение пропорционально падало при мысли о том, что суббота очень даже скоро. Дядя его, в самом деле, был прекрасным человеком, и многие его буквально на руках были готовы носить, но с отдельными последствиями этой доброты и этого ношения приходилось иметь дело непричастным, и они со Св каждый раз делали все, чтобы спихнуть решение дачных проблем на другого. — Как говорится — проигравший моет посуду.

— Можно и посуду, только ты монеток мне войновых отсыпь, да. Пригодятся. Кстати, брат. Вернее, некстати! Та дамочка-то что?

— Какая дамочка? — не понял Илья.

— Ну, вроде как, та, которая. Где нас Шторм накрыл.

— А, — сообразил Илья. Кажется, это было вечность назад, а на самом деле сколько? — Слушай, а сколько мы отсутствовали то?

— Да несколько часов всего, брат, — отмахнулся Пон. — Дата та же на календаре была, так что все нормалек.

— Хорошо, — выдохнул Илья, успокаиваясь.

— Даа, а то Св убьет, вроде как, — рассмеялся Дэш.

— Тебе смешно. А у меня Св, — трагично отозвался Илья. — А когда у тебя Св, то даже думать об опасности нельзя, потому что Св почует и прибьет.

— Так, а дамочка-то что?

— Да ничего, вроде, — неуверенно вспомнил Илья. — Я ничего эдакого в ней не заметил. По крайней мере, с тем, как я слышу Войну, ничего общего. Ничего запредельного. Обычная женщина, страдальная немного. Возвышенная, тонкая натура, похоже. Мне с

такими трудно. То есть, я могу некоторое время изображать рафинированного мальчика из хорошей семьи, но рано или поздно, знаешь, выплывает, что я не на скрипочку в детстве ходил, а вовсе на гитару, и стремился “Enter Sandman” играть, а не прелюдии Баха.

— А она, значит, вроде как, по прелюдиям, — двусмысленно прокомментировал Дэш и сам взоржал.

— Я видел ее страницу, у нее открыта была. Можно будет посмотреть, что она там пишет, проследить. Вдруг это просто я птица-тупик, а она в самом деле Всадник?

— Проследим, брат, не зря же Шторм за ней носится, — кивнул Пони.

Разговаривая, они прошли весь путь до Проспекта Вернадского, и Пони, попрыгав на месте, сказал:

— Давай, вали на остановку. 34-ый тебе нужен, брат.

— А ты куда? Разве тебе не полагается меня за ручку домой довести, чтобы я не пропал по дороге?

— Я бы довел, если бы вроде как думал, что Шторм все еще за тобой носится. Но Шторм носится за тобой по Третьим землям, и, наверное, за твоим этим магом поперся. А при Солнечном-то дворе с ним вряд ли станут церемониться.

— Собственно, это один из пунктов, о которых я тебя тоже хотел спросить.

— Церемонии Солнечного двора? Э, нет, нет, брат, давай домой, потом церемонии. Я тебе обещаю, в лучшем виде все расскажу, только не сейчас, да? Мокро, холодно и фу.

— Это не фу, — вздохнул Илья. — Это приключения. Ладно. Что, завтра? Послезавтра? В субботу дача, еще раз напоминаю. Ты мне должен, ясно тебе?

— Это все угрозы. И дискриминация, брат, — рассмеялся Дэш, махнул ему рукой и гордо удалился, засовывая руки поглубже в карманы толстовки. Илья даже некоторое время смотрел ему вслед, но Пони, видимо, не был намерен демонстрировать никаких особых трюков: перейдя по светофору улицу, он независимой походкой удалился в глубь района, и постепенно яркое пятно голубой куртки потерялось где-то в сумерках, оставляя Илью с уже знакомым ощущением зыбкости собственношкурно пережитого опыта. Было ли вообще это путешествие неизвестно куда, или привиделось? Никаких документальных подтверждений не осталось, никаких сувениров на память или, может, фотографий на телефоне, поэтому сомнения в собственной нормальности подкрадывались и покусывали. Может, они в самом деле свалились в пруд, поспорив из-за, например, количества ангелов на острие иглы? Свое участие в такого рода дискуссии он, по крайней мере, мог себе представить и обосновать без схождения с ума.

Глава 7, в которой что-то получается, но не то, что нужно

Дверь квартиры распахнулась перед его носом, словно его тут ждали.

— О, явился, — почти совсем не угрожающе сказала Св, уперев руки в боки.

— О, нет, — простонал Илья, который надеялся просквозить потихоньку, чтобы не акцентировать внимание на обстоятельствах своего отсутствия.

— О, да, — не согласилась Св. — Ты какого лешего телефон не брал?

Илья поднял вверх указующий перст, призывая к вниманию, потом сунул руку в карман, достал свой вымокший и немного высушенный телефон и торжественно вручил сестре. Пока она недоуменно вертела его в руках и пыталась включить, Илья проскочил мимо нее в квартиру и побыстрее сбежал в ванную, чтобы отмокнуть в тепле, вяло воспроизводя в голове последовательность событий, а потом стараясь все это выкинуть из головы. На самом деле, он хотел не думать о том, что с ним было, и что еще будет, а завалиться спать, и желательно, чтобы кот рядом храпел, и никакие нездешние ветры не дули в его жизнь хотя бы до утра.

Подлый кот, впрочем, пришел только под утро, благоухая совсем не духами, но Илья в сонном великодушии простил ему даже такой faux pas.

Всю ночь ему снились странные сны, в которых он пробирался через лес на Третью землю, и Шторм шел рядом с ним, иногда подбадривая. Или Царь Туманов величественно склонял свою голову, слушая его рассказ. Или почти-бесконечная библиотека разворачивала изгибы своих полок, чтобы поднести ближе к нему самый обычный учебник по рпр вместо затейливых томов по магии и истории дальних стран, где водятся чудовища. А потом он словно бы проснулся, открыл глаза, всем телом ощущая это усилие, и обнаружил, что лежит на деревянном полу, залитом немного холодноватым, прозрачным утренним светом, который льется из окон террасы. За окном виднелась молодая зелень каких-то плодовых деревьев. Не понимая, где он и что происходит, но почти уверенно вспоминая, что спать ложился в собственную кровать, Илья приподнялся на локте, чтобы оглядеться, и вперился взглядом в чьи-то босые ноги, стоящие на ошкуренном бревне. Подняв взгляд выше, он встретился взглядом с их хозяином: внушительный мужчина, весь белый, словно присыпанный мелом, то и дело поглядывал на него, вырезая узор на небольшой доске.

— Ты — Зверь Мора, — сказал мужчина.

— Да, — ответил Илья, и услышал, как его собственный голос где-то сбоку сказал то же самое второй раз. Он резко повернулся в ту сторону и обнаружил там точно так же ищущего его взглядом своего двойника. Перепугавшись, Илья вскочил на ноги, его визави тоже взвился с пола, и они замерли, пожирая друг друга полными негодования взорами.

— Ты! — сказал Илья Аилису, а Аилис Илье, и оба задохнулись от бешенства. — Как ты сюда попал?

Белый мужчина негромко рассмеялся, и этот звук заставил их обоих на секунду обернуться.

Илья успел заметить, что на доске, которую тот вырезал, было прямоугольное углубление посередине, словно для инкрустации, разделяющее пополам солнечный диск, а по четырем углам были трубящие ангелы. Но подробности уже ускользали, утекали, картинка смещалась, и вместе с ней расслаивался звук: Аилис что-то крикнул ему, и слов

было не разобрать, но Илье послышался вызов на поединок, или на встречу, или только почудилось? Последние отзвуки смешались с утренней тишиной, и в открытые глаза хлынула картинка окружающего его на самом деле.

— Ничего себе астральный опыт, — буркнул Илья себе под нос и пошел собираться в универ, попутно всерьез разгневав своего домашнего суперкота возней и шебуршением.

— А нечего было шляться неизвестно где полночи, — укорил его в ответ Илья и все-таки ушел. Видимо, Шторм в самом деле временно потерял их след — по крайней мере, ни по дороге в универ, ни из него никаких странных происшествий не случилось. Задавшись целью отыскать и допросить своего коллегу по непоняткам, Илья попытался было позвонить по оставленному Пони номеру, но ответа не дождался, и даже сообщения ушли в никуда. Может, все-таки надежный “кирпич” дал слабину, и телефон после принудительного купания просто не включился? Подумав, Илья решил не оставлять попыток прозвониться, но еще и попробовать поискать Дэша в местах его обычной дислокации. В частности, большим потенциалом обладала шаурмячная, листовки которой Пони раздавал чаще, чем остальных. Это легко можно было проверить по размокшей макулатуре в карманах Ильи.

Искомое место было где-то между Калужской и Проспектом Вернадского, судя по адресу, а, значит, можно было проверить по пути другие известные места обитания волшебных пони, по крайней мере, их часть.

Рассудив таким образом, Илья доехал до Октябрьской, где вышел и покружил по площади, обходя отдельные группки тусующейся молодежи, затем вышел к трамвайному депо, остро вспоминая недавние события, произошедшие именно здесь. До Университета отсюда стабильно и как минимум столько, сколько Илья себя помнил, ходило целых два трамвая — 14 и 28, причем на 28 было ехать дольше, но просто дожждаться вагона и поехать было не так интересно и захватывающе, как попробовать самому вызвать немного страшноватое чудо, которое ему демонстрировал Дэш не так уж и давно, если подумать.

Илья поставил ногу на рельсы, чувствуя себя немного придурком, и тут же убрал, не уверенный в том, что все сделал правильно. Но тихо тренькнуло, и ярко освещенный трамвай с прочерком на табло возник практически прямо перед ним, затормаживая и едва не снося ему голову зеркалом. Передняя дверь гостеприимно распахнулась, и Илья, чувствуя себя едва ли не великим маго-кудесником, вошел внутрь. Дверь тут же закрылась, и, вопреки предыдущему опыту, трамвай просто тронулся и продолжил движение. Причина оказалась банальна: в салоне, кроме самого Ильи, находился еще один пассажир. И его бронзово-рыжие волосы и красный плащ не позволяли его спутать с кем-то другим.

Впрочем, вскакивать и нападать Шторм, кажется, не собирался: он сидел боком на одном из одинарных сидений в середине вагона и пристально смотрел на Илью своими колючими глазами, словно измеряя от и до в обещании сделать гроб точно по размеру.

— Привет, — сказал Илья, когда молчание стало совсем едким. Нашел-таки! Или не искал, и это все случайно? Он просто тоже вызвал трамвай, а Илья налетел на него, как кур в ощиц?

— Аилис, — сказал Шторм сухим, словно отвыкшим от использования голосом такого тембра, который с равной вероятностью мог быть мужским и женским, — Аилис хочет поговорить с тобой.

— И ты здесь, чтобы меня к нему доставить? — с подозрением осведомился Илья.

— Вряд ли ты пойдешь без того черного, — совершенно справедливо рассудил Шторм, откидываясь на спинку сиденья и ни на секунду не спуская с Ильи настороженного взгляда.

— Это точно. Но “поговорить” это уже лучше. Нормальные люди с этого начинают.

— Ты...видишь тут людей? Да еще и нормальных? — очень сухо осведомился Шторм.

Илья фыркнул от неожиданности, давя неуместный смешок, и сказал:

— Резонно. Где назначена встреча?

Шторм несколько долгих секунд поизучал его, едва не поворачиваясь головой туда и сюда, не дать ни взять птица, потом наклонился вперед и выложил на сиденье напротив себя, развернутое в обратную сторону хода трамвая, четыре блестящих пластинки, испещренные мелкими царапинами.

— Четыре ключа. На тебя и твоего напарника. Два туда, два обратно. Покажешь ему — он подтвердит, что все честно. Приходите, как соберетесь с храбростью.

— Разве для разговоров нужна храбрость?

— Бывает, для разговоров она нужна больше всего, — строго ответил Шторм, поднимаясь на ноги. Он прошел мимо Ильи, едва не задев его краем волос и плаща, обдав запахом крови и металла и глухим рокотом изнутри реальности, остановился возле дверей. Трамвай покорно остановился, двери раскрылись, и Шторм сошел по ступенькам. Глядя ему вслед, Илья видел, как тот, ничем не отличаясь от любых других прохожих, неторопливо удаляется прочь по улице.

Трамвай продолжал стоять, двери не закрывались. Спohватившись, Илья поднес руку к ближайшему компостеру, дожидаясь чувствительного укола и забора крови.

Компостер высунул язык, облизываясь, и мелодично сообщил:

— Осторожно, вагон скоро тронется. Уважаемые пассажиры, будьте внимательным к вещам, оставленным другими пассажирами. Вагон следует по маршруту “14Д”, следующая остановка — Университет, конечная.

Илья понял намек, но собирать пластинки-ключи сразу не торопился. Ошибка могла стоить ему слишком дорого, поэтому он сел на место Шторма и наклонился над оставленными им предметами, изучая их и прислушиваясь к ним... и к себе.

Особых странностей визуально не обнаруживалось: обычные полоски металла, словно в самом деле заготовки для ключей, и даже, кажется, вовсе не железо или какой другой простой металл: больше было похоже на серебро. Хотя, если провести аналогию Третьих земель и их обитателей с народом холмов, то все логично, там уж точно любителей железа нет. А их золото превращается в листья, интересно, что происходит с серебром?

Илья покривил губы, достал пачку бумажных платков, взял одну салфетку в руку, толком не разворачивая, и осторожненько взял этой импровизированной прихваткой одну из пластин.

И ничего не случилось. Поэтому Илья завернул ее поплотнее в бумажку и таким же образом обошелся с остальными тремя, размещая их в глубинах своих практически бездонных карманов. Чего там только не было, если поискать. Наверняка нашлись бы не только ключи для дверей в иные миры, но и сами иные миры как класс. А, может, и особый тип домового — карманнОй. Илья хмыкнул своим мыслям, рассеянно представляя себе морду этого самого карманного, укоризненно выметающего из кармана труху от сломанной сигареты или обломки зажигалки. При этом карманный житель почему-то выходил очень похожим на его собственного кота. Видимо, по части укоризненных морд Мак был главным чемпионом в его жизни. Воспоминание о коте заставило резко захотеть домой со страшной силой, тем более, что для этого уже практически не надо было прикладывать никаких усилий: на Университете вышел, домой зашел. Но — нет. Кажется, в этом и

заклучался главный, но не воспетый подвиг любого героя: идти и делать то, что должен, даже когда ужасно хочется домой, к коту, и вообще ты уже почти туда пришел.

— Конечная. Просьба освободить вагон! — возвестил трамвай и остановился, тренькнув.

Илья с огромным неудовольствием исторг себя в раскрытые двери, насупился и пошел мимо купола станции, втайне лелея надежду, что Пони найдется где-нибудь тут, и никуда не придется больше ползти.

И он, словно ожидал только моего прикосновения, припустил вперед, а я — следом. Движение моего проводника оставляло за ним серую ниточку, которая тут же втягивалась обратно в мою шерсть по мере того, как я следовал за ним.

Путь долго, очень долго лежал по руслу той самой реки, по Сонным землям или по Пограничью, так что я даже подраслабился, мирно труся по так четко указанной дороге, а потом клубок подпрыгнул в воздух и исчез, продолжая тянуть вперед и вперед серую ниточку, которая сейчас для меня уходила в совершеннейшее никуда, растворяясь хвостом в воздухе.

Однако, я, к счастью, не глуп. Я быстро сообразил, что это такой скачок через реальность, чтобы захватить какую-то информацию, или преодолеть чрезмерное препятствие в нижних мирах через верхний. Поэтому я покрутился на месте в поисках подходящей тени, но они все были не очень. Пришлось, впрочем, брать, что было: я ступил в малюсенькую теньку одной лапой и носом, закрывая глаза, чтобы убедить себя в том, что тени достаточно, и вынырнул вслед за ниточкой в более плотные части реальности.

Здесь было куда теплее, чем в оставленных позади родных краях, и я безо всяких подсказок понял, что стараниями нимфы изрядно продвинулся на запад.

Вокруг был лес, практически такой же, как под серым небом Пограничья, только вместо светлых сумерек здесь царила ночь, живая и влажная. Я, пожалуй, это совсем не люблю. Конечно, шерсть моя позволяет мне и в холода спокойно пребывать вне помещения, но лучше уж честный мороз, чем промозглая роса с ветром пополам.

Я встряхнулся от носа до хвоста и порысил вперед, следуя за тенью клубка, едва видимой здесь, в самом реальном из миров. Кроме котов, наверное, никто и не разглядел бы его, но на то мы, коты, и коты. Я несся вперед, мокрая трава полоскала мне по пухнастому брюху, в хвосте застревали листики и паутинки, стволы проносились мимо, и я все ускорялся, пытаюсь побыстрее миновать этот лесной участок, чтобы продолжить путешествие с большим комфортом через Пограничье.

Клубок, впрочем, вывел меня к какому-то заброшенному дому, стоящему на берегу заросшего до неприличия искусственного пруда. Нормальные люди, наверное, в такие места не зашли бы, да и нормальному коту тут делать нечего, но, что делать? Впрочем, мы, вроде бы, уже установили, что я — кот необычный, да и куда деваться? Часть моей прекрасной шерсти в виде клубка уже метнулась внутрь, и делать было просто нечего, кроме как последовать за ним, пока он окончательно не сбежал в неизвестно куда.

Внутри было не менее темно, не менее влажно и не менее холодно, чем снаружи, сильно пахло плесенью, немного — тухлыми мышами, и еще едва ощутимо — каким-то бесхвостным и каким-то чудовищем. Я потерял лапой нос, пытаюсь прочистить обоняние и

определить, с какой такой тварью из нижних миров мне предстоит встретиться, если не повезет, но так и не смог вспомнить ничего, что охотилось бы на мышей, поэтому пришлось неохотно продолжить дорогу вперед, временно забывая о следовании за путеводным клубком и прокрадываясь внутрь с предосторожностями.

Бесхвостного я услышал еще сверху.

Понял, что внизу, под полом, что-то шевелится и стонет, прислушался, замирая, и пришел к мнению, что конкретно это — не чудовище, а крупное живое существо, вероятно, попавшее в неприятную ситуацию. Оставить кого-то в беде мне не позволяло мое геройское реноме, поэтому пришлось искать путь вниз.

Бесхвостный нашелся в подвале, среди обрушенных перекрытий, полубесчувственный. От него пахло кровью, бедой и совсем немного — следами чудовища. В одной стороне валялся его рюкзак, в другой — все еще горящий яркий фонарик, явно предназначенный для обследования такого рода неудобных нормальным котам мест.

Я потыкался носом в окровавленное лицо, пощекотал усами, даже позвал его негромко, но он, конечно, не откликнулся. Обычный такой, знаете ли, бесхвостный, немного постарше моего собственного, а, может, и того же возраста.

Конечно же, мне, мягкосердечному, сразу стало его еще в десять раз жалче, потому что мой недоумок вполне мог вот так же попасться по невнимательности, получить чем-то тяжелым по голове, и кто ему поможет? Разве что вот такой, как я, скромный пухнастый герой. Расчувствовавшись, я громко чихнул и полез изучать сумку несчастной жертвы в поисках аптечки. Обычно даже такие никчемные выживальщики носят с собой аптечку, а в аптечке есть всякие ужасные пахучие вещи, от которых люди хорошо приходят в себя.

Расколупал: в аптечке оказался только бинт, какие-то таблетки, какая-то совершенно незнакомая жидкость почти без запаха, но зато рядом с рюкзаком нашелся телефон, и я, покрутившись вокруг, смог когтем нажать кнопку включения. К счастью, несмотря на незнакомый язык, интерфейс был знакомый, так что я легко вызвал телефонную книгу, и в ней — список наиболее частых номеров. Ткнул, даже не пытаясь прочитать имя, в самый последний номер, рассудив, что уж люди как-нибудь сами разберутся. Ведь предупреждал же мой временный подопечный кого-то о своем походе? Надеюсь, что так.

Раздались гудки, потом женский голос отозвался, немного сонный, но практически сразу теряющий всю сонливость, не дожидаясь ответного приветствия.

Я потыкал жертву снова, сделал бодрящий кусь за руку, и бесхвостный глухо застонал, словно я сумел-таки пробилась сквозь забытье.

Голос в трубке стал настойчивым, почти истеричным. Когда я пытался слушать сквозь Пограничье, я понимал слова, но мне было не до них, потому что мой спасаемый все никак не отзывался как следует, несмотря на то, что я уже совсем измусолил ему руку. Вот дурак!

И я дурак, потому что так увлекся процессом, что совершенно забыл и про второй запах, встреченный мной на первом этаже, и про наблюдение за окрестностями. А стоило бы, потому что голос в телефоне прервался в один миг, разорванный на части помехами, и что-то, поднимающее мою шерсть одним своим дыханием, вступило в сумрачный подвал.

Я обернулся. Как можно более небрежно и грациозно, потому что не к лицу героям показывать страх и слабость, и достаточно храбро посмотрел в глаза опасности. Вернее, сначала куда-то в ее тонкие белесые лапы, покрытые крошечными щупальцами вместо меха. Тут и там между бледных отростков прятались красные, налитые пустулы, асинхронно пульсирующие и нервирующие этим. Я невольно представил, как такой вот гнойник

взрывается прямо на меня, и что я тогда буду делать? Вылизаться же не смогу, это придется ждать грязным до возвращения домой и заставлять бесхвостного себя мыть?.. Нет, определенно, надо быть осторожней и под такие неприятные взрывы не подставляться.

В остальном надвигающееся на меня создание было похоже на немного волосатый скелет кошки, которая зачем то ходит на задних лапах и позабыла свой хвост в каких-то неназываемых местах. На голове у нее было подобие совершенно неуместной короны, скрывающей морду затейливым забралом, а на одном из ребер висел одинокий черный колокольчик.

Это было, определенно, что-то новенькое, ну, или же в этой стране — а я, наверное, был еще не в Германии? — водилась совершенно другая нечисть. Может, тут такие вот бродячие мохнатые кости вместо мефоз?

— Брысь, — сказал я достаточно уверенно, делая пару шагов, чтобы встать точно между беспомощным бесхвостным и надвигающейся штукой.

Та остановилась, покачиваясь и вода в стороны своим глухим забралом.

— Чем это ... чем это пахнет? — спросила она глухим, пустым голосом, больше похожим на свист ветра между костей.

— Нормально пахнет, — отозвался я автоматически, но на всякий случай обиженно принялся, — котом пахнет.

— Кооооот-ооооооом, — потянула, словно продувая вентилятор, тварь и шагнула ко мне. — Ном, ном...

— Само-то ты кто будешь? — поинтересовался я, заинтригованный полуразумным статусом твари и возможностью потянуть немного время, чтобы успеть сообразить, как с этой штукой иметь дело.

— Ассккууу, — ответило существо, шагая в сторону, чтобы обойти меня и добраться до бесхвостного. Но не тут-то было: несчастный был под моей защитой, поэтому я переступил с место на место, тоже, и снова перекрыл твари дорогу. — Хожу, смотрю. Смотрю, хочу. Хочу, ем.

— Понятненько, — отозвался я, присаживая задницу на пол и делая вид, что мне все равно. Разве что хвост лизать не начал в задумчивости. Никаких “Аску” я, конечно, не знал. Может, это было даже имя собственное долго и успешно проживающей в глуши твари, от этого успевшей нахвататься слов и каких-никаких, а мыслей в голове. — А чего тебе тут-то надо?

— Хожу, — повторила тварь, обходя меня с другой стороны. — Смотрю! Смотрю, хочу! Хвачу, хвачу, хочу — ем!

— Чудесно, — прокомментировал я, пересаживаясь. Конечно, это могло продолжаться долго, но время было вечернее, а за вечером наступает ночь. Ночью же, как известно, твари сильнее, быстрее, вот и Аску может оказаться куда более опасным и проворным, а также менее разговорчивым в темное время суток. Впрочем, мои сомнения оказались короткоживущими.

— Ем! — предупредил меня Аску и резко рванул вперед, напрыгивая на меня и пытаясь впиться передними тощими лапами.

— Елка не выросла, — парировал я, отскакивая и ударяя его сбоку лапой, чтобы отогнать от слабо ворочающейся жертвы. Его телефон трезвонил всюду, периодически замолкая, когда, видимо, Аску генерировал помехи своим присутствием и какими-нибудь альфа-волнами от мозга. Ну, или того, что там ему мозг заменяло.

— Ем! Хвачу, — пообещал он, клацкая челюстью. В ответ я продемонстрировал ему двойной ряд своих чудесных акульих зубов и глухо зарычал, вместо одной ноты вырыкивая несколько, образуя подобие мелодии. Этому научила меня Кошка, нежная как сливки, а вовсе не кто-то из боевых товарищей. Именно таким живописным, раздражающим рыком она встретила мое появление в доме, и именно так я теперь с радостью приветствую всех непонятных тварей.

“Ты кто”, - говорило рычание. Ты кто, кто, кто?

Очень, знаете ли, бесит.

Аску выбесило тоже: он начал бросаться на меня чаще, теряя от этого резкость и неожиданность движений, и я с удовольствием встречал его на полпути, отбивая его удары лапами и отпихивая неприятного знакомца подальше от бесхвостного.

К сожалению, Аску оказался из бескровных. С тварями из плоти и крови, даже псевдоплоти и крови, разговор короткий, против них у любого кота есть когти и зубы, а вот против тех, кто не истекает кровью, приходится бороться долго и упорно — вот как с той громадиной недавно. Пока не разделали под орех, ничего не выходило.

Беда была лишь в том, что я-то здесь один, и взять числом не получится. А какие пути есть у меня еще? Звать на помощь?

Увернувшись от очередного выпада и отоварив врага своим, я подобрался, набрал в грудь воздуха и заорал, вспоминая, как звучал по всем окрестностям зов Этих:

— Вставай, враги, беги, враги!

Аску даже повалился назад от неожиданности.

Я, конечно же, приободрился и начал кричать еще громче, даже не утруждаясь словами, просто классическим зловредным кошачьим ором, который невыразимо бесит не только в четыре утра, но и всегда, когда случается.

Похоже, Аску этот вой раздражал даже больше, чем бесхвостных. Он отодвигался все дальше от меня, шаркая белыми лапами, и это навело меня на мысль. Продолжая орать, как ненормальный, я вспрыгнул на груды разнородного мусора и начал яростно скрести лапами во все стороны. Гулкое эхо разносило все это во сто крат громче и настойчивей: ор, скрежет, скрежет и ор, и даже бесхвостный, видимо, замороченный и одурманенный тварью, заворочался сильнее, словно пытаюсь пробудиться.

Давай, мысленно подбодрил его я. Давай же, дурак неумный. Сон разума рождает чудовищ, и я был практически уверен, что это чудовище пришло на запах грез именно этого неосмотрительного существа. Поэтому стоило ему проснуться, как Аску, скорее всего, окончательно потеряет силу.

— Вставай, вставай, вставай, проснись! — орал я, отгоняя Аску, пока тот не заколебался в воздухе. Тогда я довершил дело, бросившись вперед, разметывая своим весом и природной мощью ошметки тающего сна. Закончив, я обернулся, чтобы убедиться, что бесхвостный в самом деле открыл глаза и бездумно пялится в стенку.

Я мог гордиться собой, и гордился.

— Кажется, — нервно хихикнул бесхвостный. — Я не закрыл входную дверь.

— Так позвони соседке. Пусть подергает за ручку, — не удержался от совета я.

— Хорошая идея, — пробормотал он, и я подтолкнул телефон поближе к его руке. К счастью, он нащупал устройство и сообразил, и даже посмотрел на экран телефона.

— Вот так выглядит смерть, — уныло прокомментировал он. — Двадцать пропущенных от мамы.

Что ж, смерть не смерть, но это уже явно относилось не к моей юрисдикции. Общий порядок я навел, а дальше уже пусть сам, чай, это хвоста у них, дурацких, нет, а лапки имеются.

Где я там оставил своего неживого, но очаровательного спутника из лучшей котовой шерсти? Вернувшись на первый этаж из подвала, и оставив там своего спасенного громко выражать эмоции своей матери по телефону, я нашел оставленного проводника достаточно легко, и он без дальнейших проволочек повел меня дальше.

Признаться, я шел уже так долго, что начал уже забывать, зачем, собственно, иду. Германия какая-то. Зачем мне Германия?.. Но, к счастью, мое чувство ответственности куда более велико и могуче, чем любые сомнения, поэтому путь я, все-таки, продолжил.

Но нет, не повезло. И на телефон Дэш все еще не отзывался, что было вообще вопиющей наглостью, за которую некоторому непарнокопытному предстояло ответить по всей строгости. Размышления о будущей мести, может, и не были плодотворными, но дорогу скрашивали, в то время, как мысли о хранящихся в кармане пластинках-ключах только добавляли тревоги и нежелания куда-то двигаться. Когда это состояние достигло пика, Илья ловко сломал систему, проехав несколько остановок на троллейбусе, и к дальнейшей пешей экскурсии приступил с новыми силами.

Как ни странно, Пони нашелся именно в том месте, которое усиленно рекламировал (или изображал, что рекламирует): еще на подходе, с другой стороны улицы, Илья увидел за стеклянными окнами в пол знакомую небесно-голубую куртку с цветным хохолком. А стоило перейти Обручева, как Дэш еще и рукой замахал, то ли неведомым запасным чувством почуяв Илью, то ли просто разглядев.

— Агаа, привет, привет, брат, заходи! — радостно приветствовал его Пони, стоило только войти в двери, и тут же попросил повара. — Шаурмы еще сделай, брат, для брата, да? Две! Одну с мясом, вторую с этим вашим фалафелем. Цени вот, брат, — Дэш снова обратил свое внимание на Илью. — Только тут такое делают, чтоб шаурма, но вроде не шаурма. Чтоб в пост всякий жрать, такая шаурма, ты вот вроде как пост соблюдаешь, брат?

— Как будто бы вроде и нет, — отозвался Илья, пристраиваясь к хромированному столу-стойке.

— А, не важно, — отмахнулся Пони. — Главное, что вкусно.

— Ты чего телефон не берешь?

— Так не работает, да, — беспечно отозвался Дэш. — Поломалася.

— Кто поломалася? “Телефона”? — передразнил его Илья.

— Симка, — с оттенком высокой скорби сообщил Дэш. — Вся поломалася.

— А в салоне сменить?

— Да я другую вставил, вот как, — пожал плечами Пони. — Запасную. Там твоя шаурма, иди, заberi вон.

Илья, окинув его подозрительным взглядом, отошел к прилавку, заплатил за свою еду и забрал два “волшебных свертка”, щедро заказанные ему Дэшем. На удивление, Пони даже никуда не сбегал, и даже вроде бы ничего не натворил, просто ждал, пожевывая, судя по валяющимся рядом с ним на столе оберткам, не то пятую, не то шестую порцию.

— Так что с симкой?

— Да не на меня она закуплена, брат, — сморщил нос Дэш. — Поменять не могу, вроде как, без паспорта-то. Так что запасная, э, мой выбор. Вот, давай номер запишу, — он оторвал клочок от скомканной обертки от шаурмы, валяющейся на столе, и карандашом из Икеи, извлеченным откуда-то из недр карманов, начирикал номер. Илья открыл было рот, чтобы съехидничать про угон дармовых карандашей, но вовремя вспомнил, что сам такой — если порыться, у него в запасах наверняка найдется не один и даже не три таких же. — И я в общем-то решил, что ты уже выросший мальчик, вроде как вот, и сам разберешься, что в один вагон со Штормом лучше не входить и все такое. Э, что за рожа? — моментально заметил он изменение выражения лица Ильи.

— В общем-то, я это и сделал, — признался тот.

— Это надо заесть, — решил Дэш и полуобернулся к повару. — Брат, сделай еще! Да? Так и что?

— Ты не лопнешь? — поинтересовался Илья, комкая обертку от первой порции и кидая ей в него.

— Э, не, брат. Любое стремное событие нужно заесть, чтоб переварилось без проблем. Легко и комфортно, понял, брат?

— Так легко и до колобка дозаедаться, со “звериной”-то жизнью.

Пони изогнулся вопросительным знаком, с прискорбием разглядывая свой отсутствующий живот.

— Не, брат, вот как раз со звериной — хрен разожрешься, — он встал, потянулся, сходил за своей шаурмой и, откусывая, с набитым ртом разрешил. — Ну, рассказывай, давай, уже. Что там у тебя?

— В д-трамвае он был, — Илья поддержал себя укусом второй порции шаурмы, которая была, как раз, “с этим вашим фалафелем”. Оказалось на удивление вкусно, Пони не соврал, хоть и было больше похоже на ролл, чем на, собственно, шаурму. — Сказал, что мой незадавшийся двойник хочет со мной поговорить, и выдал некие “ключи” в знак обеспечения доверия, четыре штуки.

— Покажь.

Одной рукой не выпуская еду, второй Илья слазил в карман и осторожно достал упакованные в салфетки пластинки.

— Я так понял, они типа монет Войны, но только не Всадником сделаны?

— Ага, а авторами заслона, — подтвердил Пони, наклонившись поближе и разглядывая ключи с расстояния пять сантиметров. — Да, вроде как, обычные ключи. Зато теперь точно ясно-понятно кто барьер построил.

— А кто вообще такой Шторм? — задал Илья давно мучавший его вопрос. — И откуда ты его знаешь? Ты же знал, как его зовут и что он за мной бегаёт, когда меня предупреждал.

— Так не в вакууме ж он бегаёт-то. Там кто из тенекошек его засек, здесь какой альде из тех, что постарше. А уж как его зовут — это я не знаю. Штормом его тенекошки обзывают, и я за ними. Потому что, они говорят так, от него грозой пахнет, вот как.

— От него пахнет войной, — автоматически поправил Илья и задумался: так или иначе, но какое-то под-реальное, суб-реальное ощущение от Шторма было в самом деле похоже на то, что излучала Маша-Война. — Он может иметь отношение к Войне? — осторожно предположил он вслух.

— Надо спросить. У него. Раз он ни в кое-то веки разговаривать решил, да. Обычно он просто проносится и все, туши, брат, свет. Кто-то даже так говорил, как присказку, мол,

“прямо как Шторм проехался”.

— И давно он... проезжается?

— Да, брат, мне откуда знать особо? Когда я с Бледом познакомился, это, значит, года два назад, Шторм уже Штормил. Блед за ним одно время бегал даже, пытался поймать и изучить, но он хитрый, Шторм-то. Захочешь его отоварить — сам отоварит по самое то самое. Бледу, конечно, попробуй отоварь, но тут уже, вроде как, па-ри-тет, — по слогам выделил слово Пони. — Кстати вот, про Бледа.

Он пошарил в кармане и поставил на столешницу небольшую деревянную шкатулку. Илья бросил на нее мимолетный взгляд и тут же вернулся к ней глазами, не очень доверяя собственной памяти и чувствуя, как потихоньку съезжает, уже в который раз, и без того уже несколько набекрень нахлобученный чердак.

Крышка шкатулки была, кажется, именно тем предметом, который Илья видел во сне в руках у белого человека. Здесь было и углубление, и разделенное пополам солнце, и ангелы по краям, трубящие о конце света. Илья опасливо посмотрел на это все еще разок и осторожно немного отодвинулся.

— И причем тут Блед?

— Вчера тенекот вернулся от него, огромный, как халк, приволок вот. Это, брат, шкатулка Пандоры.

— В смысле, “пандоры”? — уточнил Илья, который прекрасно помнил, что такое представлял собой ящик Пандоры в мифологии.

— Это вот это вот, брат. Это если Всадник проснется, можно попробовать все равно вроде как справиться. Даже если совсем сфейлил.

— И захихнуть Всадника в ящик? — уточнил Илья с осязательным недоверием.

— Не, беды и несчастья, вот как. Ты что, необразованный совсем?

— Я знаю, что такое ящик Пандоры, — с достоинством отозвался Илья. — Но у вас тут и про “Апокалипсис” забудь, и ослиные уши царя Мидаса на самом деле эльфийские, и вообще.

— Ну, в общем, вот. Это оно. То самое. Если что — у меня.

— Ты так говоришь, как будто я могу попытаться его использовать без тебя, — фыркнул Илья.

— Ну, брат, а что, если меня убьют-то? — совершенно тем же несерьезным тоном спросил Дэш. — Придется же, да?

— Да ну тебя, — отмахнулся Илья. — Я эту крышку, кстати, сегодня во сне видел. Ее, Аилиса и белого мужика такого, — сказал, и яростно замолчал, чувствуя себя изрядно по-идиотски. Какое значение тут имели его сны? Просто ложное дежавю приключилось, вот и все.

— Белый, да, говоришь? — повторил Пони, прибирая шкатулку обратно в карман до лучших времен.

— Да ладно, фигня это.

— Э, не, фигня. В смысле, не фигня-фигня, а просто фигня. Ты, брат, как думаешь, чего Бледа Бледом называют?

— Потому что бледный? — предположил Илья.

— Точняк, — важно подтвердил Пони. — На пороге и дальше вообще совсем весь бледный. Так что, сдаётся мне, это у тебя не совсем сон был, а и приключило.

— Очень радуется, конечно, — пробурчал Илья. От пачки новой информации немного

пухла голова, и что он там собирался у Пони спрашивать — снова по большей части растворилось в пространстве. Так, почему-то, всегда получалось: у Ильи вроде был и длинный список вопросов, и мучительные непонимания, и даже очевидно было с чего начинать, стоило только добраться до Дэша. А потом ответов всего на пару вопросов уже хватало для полной перегрузки всех схем, и хотелось скорее помолчать и попереваривать узnanное, чем пытаться вызнать что-то еще.

Так и сейчас: вроде и кучу всего надо было спросить, но информация о Шторме, Бледе и шкатулке успешно заняла все мыслительные процессы. К счастью, пластинки-ключи все еще лежали на столе, в поле зрения, и про них забыть не удалось.

— Пойдем мы, нет? — уточнил Илья, кивнув на них.

— Да вообще надо бы, вроде как, — пожал плечами Пони. — А что и получится, что мы, как будто бы, боимся.

— А мы таки не боимся, что ли? — с сомнением уточнил Илья. — Хотя ты со Штормом справляешься. А вот у меня с этим Аилисом не очень хорошо получилось совладать.

— Значит, брат, поменяемся противниками. Со Штормом ты норм, держишься, — сдержанно похвалил Дэш. — Хотя чего-то у тебя не хватает, как то так.

— Знаний, — буркнул Илья. — Опыта. И еще суперсилы.

— Суперсилу тебе подавай, вот ведь, — рассмеялся Дэш. — Да ладно, и так справимся, брат. Если что, так у нас козырь в кармане есть.

— Ты про монеты Войны или про шкатулку?

— Шкатулка только для Всадников. А я про монеты, брат. Если что — они нас выдернут обратно, тут никакой заслон не поможет и не удержит, вот так-то.

— И когда пойдем? Сегодня? Сейчас?

— Нееее, что ты, что ты, — замахал руками Пони. — Это так получится, что мы прямо бежим и падаем, только позови. Нет, пусть, значит, подождут, обдумают свое поведение. Может, им в засаде даже надоест заседать, и тут то мы на них и упадем, вот как.

— Ладно, — согласился Илья, собирая обратно в карман две из четырех пластинок. — Сегодня тогда тайм-аут?

— Типа того, брат. Отдохни там, уроки сделай. Чем там еще можно заниматься в тайм-ауте? Иоанна Богослова вон почитай, так и не читал же ведь, да? Ни вчера, ни до вчера, да?

— Вчера я пришел и упал! И только это спасло меня от разноса и допроса, между прочим.

— Вот! — Пони воздел к потолку темный палец. — Вот! Сегодня, значит, отдыхай, а пока отдыхаешь, изучишь, вдохновишься весь по полной. Может оно и не так, но зато впечатляет на раз. Сразу хочется бежать и мир спасать.

- “А пока отдыхаете — прополите лук”, - процитировал Илья любимую прабабку, большого ценителя и ревнителя огорода и активного, общественно-полезного отдыха.

— Именно, — согласился его приятель. — Это кто такое умное сказал?

— Одна мудрая женщина.

— Очень мудрая! Так что у тебя задание есть на сегодня, завтра экзамен сдашь. На конец света!

— Ну, смотри, если у тебя не будет конца света, чтобы я на него сдавал, тебе не сдобровать, — пообещал Илья, хихикая. Он поднялся на ноги, хлопнул Пони по плечу. — Ладно. Пойду переварю новости, чтобы завтра задавать новые вопросы.

— Да тех вопросов-то, э, брат, кот наплакал.

— Не надо ля-ля, кот не плакал, а ты меня сбиваешь просто. Переизбытком сведений.

— Ты записывай, вот как, — посоветовал ему Пони, и на этом они расстались, и Илья даже подумал, что в самом деле, неплохо бы завести, что ли, карманную тетрадку для записи особо ценных вопросов, а то и действительно, все вылетает из головы. А на тетрадке обязательно должен быть Суперкот — ну, это чтобы напоминать, что у него лапки, а Илья уж как-нибудь сам.

Найти “Откровение”, наверное, было и не сложно, но не хотелось. А то вдруг в самом деле тут же захотелось бы спасти мир не по расписанию, а прямо сейчас, сбегая из дома, от компа и кота? Поэтому Илья успешно подменил саморазвитие деградацией: залег на диван с котом и планшетом и углубился в недра Интернета. Принял заявку в друзья Маши-Войны, и даже на всякий случай кинул ей в сообщения свой номер, чтобы был. Поставил пару лайков цветочкам, которые выращивала на окне Ната. И даже нашел приснопамятную Алену.

Как ни странно, несмотря на все волнения и все в высшей степени занимательные приключения, навалившиеся после общения с ней, ее страницу он запомнил совершенно правильно. Ничего необычного там, впрочем, не было, и на страницу-образец, Машину, не было похоже ровным счетом ничего. У Маши была на аватарке какая-то мультяшка, у Алены — ее “красивое” фото при параде. У Маши — пара репостов, какие-то картинки и анекдоты, у Алены — пространные размышления о жизни, дружбе, предательстве и бесконечных жизненных неудачах. Пожалуй, единственное, что нашлось общего, это пара апокалиптических картинок, хотя они были совершенно разного толка. Алена пару месяцев назад запостила демотиватор про то, что “если карма существует, то судя по тому, что со мной происходит сейчас, в прошлой жизни я был всадником Апокалипсиса”, а у Маши был мем с милым котиком верхом на плюшевом звере. В общем-то, на этом сходство учеток и заканчивалось. У Маши явно была жизнь помимо сети, а вот Алена оказалась любителем страдать на показ основательно и мощно, в подробностях рассказывая о своем невеселом бытии по причине слишком хрупкой натуры для безжалостного капиталистического труда. Были тут и жалобы на дядю, который претендовал на половину квартиры, в которой они жили, и от этого был совсем-таки персоной нон-грата в жизни семьи Порываевых. “Конечно, он был мне дорог”, вспомнил Илья ее слова, скучающе просматривая третью по счету простынь текста о том, какой обеспеченный и какой жадный этот “дядя Дима”, и чтоб он сдох, а то жизни ей нет. Что же, по крайней мере, понятно, почему Шторм решил избавить ее от такого раздражающего фактора.

Илья покрутил многочисленные записи туда и сюда, размышляя, пока кот не шлепнул своей огромной лапой по экрану, прекращая мельтешение.

— Мяу, — укоризненно сказал он, обращая к Илье свое умудренное думами кошачье лицо.

— Ты прав, — согласился Илья. — Эту мысль я никогда не додумаю. Хотя, может, написать парсер какой для того, чтобы найти акки, похожие на Машкин?

— Мяу, — рассудил кот, нахмурившись и вглядываясь то в аккаунт Войны, открытый на планшете, то в лицо Ильи. Потом он потрогал экран лапой, прогоняя неудобное приложение и уверенно жмакнул на иконку с рыбками.

— Да, если я буду просто пялиться, ничего точно не случится. — кивнул Илья, протягивая руку и почесывая серый пушистый ком, с тыла больше похожий на милую толстопопую шиншиллу, чем на кота. — А у тебя лапки, я помню.

Глава 8, в которой надвигается шторм

Впрочем, сидеть до утра с кодом и котом было не лучшей идеей. Илья оценил это в тот самый момент, когда жестокая длань Св согнала с него кота и худший в мире будильник объявил:

— Вставай. Тебя ждут великие дела и грязный лоток!

— Ааыы? — умно отозвался Илья, не открывая глаз.

— Да, сегодня пятница, — подтвердила Св.

— Ыыыы.

— Нет, нельзя поспать до завтра, чтобы была суббота. И, кстати, только что звонил дядя. Изволь после универа сразу к нему. У него прямо криз по телефону чуть не случился. Кто-то там его обижает. А ты знаешь, как это плохо, когда его обижают.

— Может, тогда оставить глупые экивоки вроде попыток получения образования с утра пораньше и бежать к нему сразу? — предположил Илья, глядя на сестру со злобным прищуром.

— Он это одобрит. Значит, мы так делать не будем, — хмыкнула Св и безжалостно погнала брата на утренние мытарства.

В назначенное для приключений время Илья обнаружил Пони в районе бывшего мебельного, а ныне ТЦ, на Ленинском. Он заливал в уши какой-то девушке на остановке автобуса, и Илья, не выходя из машины, опустил стекло и, перегнувшись через пассажирское сиденье, прислушался. Лапша долетала даже до него.

— Очень голодный, ты не думай, я не попрошайка. Не тунеядец! Просто очень кушать хочется, кушал последний раз вчера. А сегодня в магазине вот ящики грузил, а прораб обманул, без денег прогнал, вот так вот. Хоть немножко, ну вот, сколько есть?

— Эй, голодный, — позвал его Илья, помахав из окна.

Пони мельком глянул на него, но не среагировал, продолжая причитать про голод. Под его настойчивое нытье жертва в самом деле открыла кошелек и начала выгребать мелочь.

— Тридцать рублей? Я хлебушка куплю, поем и работать опять пойду, вот так вот, не веришь? А я так и сделаю. Поем и работать!

Илья надавил на рычаг сигнала.

Пони немного дернулся, но продолжил:

— Вот спасибо, красавица! А телефончик дашь, э? Ты добрая, вот, красивая. Я бы женился на такой!

— Да кому ты нужен, замуж за тебя выходить, — не выдержал Илья. — Садись давай.

— Э, брат, ну ты не вовремя совсем же! — возмутился Дэш под критически-расстроенным взглядом девушки, которая так и застыла с кошельком в руках.

— Да ты жулье, — прозрела, наконец, она.

— Нет, красавица, нет-нет, все чистая правда! Со вчера не ел! Зуб даю, вот, — оправдался Пони, тем не менее, пятясь к машине Ильи, с аварийкой припаркованной на остановке.

— Здесь можно останавливаться только для посадки и высадки пассажиров, — напомнил Илья приятелю, постукивая по приборной панели.

— Так я сажусь, сажусь, — пока Дэш дергал за ручку, пытаюсь открыть дверь, недавняя жертва его напористого обаяния достала телефон и начала фотографировать. И Пони, и

машину Ильи, и даже самого Илью, вернее, видимые фрагменты.

— Эй, красавица, ты чего? — возмутился Дэш, прикрываясь раскрытой, наконец, дверью, а Илья практически моментально напялил свои “водительские” солнечные очки и откинулся на сиденьи, чтобы затруднить обзор.

— Да я тебя выложу в сети, чтоб народ знал своих героев! — пригрозила девушка, продолжая снимать. — Вот вас развелось, голодающих Поволжья на Субару!

— Для протокола: это он голодающий, — вставил Илья. — Я не претендовал!

— Шайка-лейка! — прикрикнула девушка, отчего Пони шумно плюхнулся на сиденье вместо того, чтобы сесть нормально, и Илья взял старт с места в карьер. Как известно, успеет ли Субару проскочить на светофоре, зависит не от оставшихся секунд, а от желания водителя, поэтому Илья проскочил, а Пони при этом практически вжало в кресло.

— Ты, брат, кажется, нарушаешь, — сообщил Дэш укоризненно, наконец, найдя в себе силы отлипнуть от сиденья достаточно для того, чтобы нашарить ремень и пристегнуться.

— Ты, “брат”, кажется, тоже, — хмыкнул Илья, косясь на него. — Нехорошо попрошайничать у девушек. Какого лешего она тебе вообще сдалась? Неужели новый Всадник?

— Да нет, брат, ээ, — расстроено отозвался Пони, почесывая нос, насколько получалось при том, как его мотало от постоянных перестроений. — Просто надо же в тонусе быть, а то вдруг Всадник, а я без харизмы? Эээ, таки нарушаешь, куда так быстро!

Илья постучал пальцем по спидометру, стрелка которого колыхалась, не доходя до шестидесяти.

— Неа.

Пони сощурился на прибор, подумал, посмотрел на регистратор и все-таки не дал себя обмануть:

— Да у тебя там мили в час, да! Не пудри мне мозги!

— Да все равно не нарушаю, — примирительно отозвался Илья, перестраиваясь еще раз. — Я очень медленно и осторожно езжу, потому что все, кто в ралли катает, ездит по городу аккуратно. Экстрима хватает на ралли. А машина вообще Св, и если ей штраф придет, она с меня столько шкур снимет, сколько там будет рублей.

— Тыщ?

— Нет. Рублей, — поморщился Илья, сворачивая в драйв-ин, чтобы купить пожрать “голодающим детям Африки”. И уже потом, одной рукой оперируя гамбургером, а другой продолжая рулить, поинтересовался. — А что дальше, Третьи земли или бетонка?

— Смотря сколько до твоей бетонки, брат, — охотно отозвался Дэш, регулируя громкость орущей на полную музыки. Пели не по английски и не по немецки, и кажется, вовсе по-корейски, и что там все с ума сошли это по радио крутить? — Минут, — уточнил он милостиво.

— Девяносто. При наших “шестидесяти”, — ответил Илья, кинув взгляд на свой модный телефон, закрепленный в держателе на приборной панели.

— Тогда до Третьих земель точно ближе, даже учитывая моториста.

— По моему, для человека, который предположительно недавно изучает русский язык и поэтому сыпет в речь кучу мусора, ты знаешь слишком много фразеологизмов, — прокомментировал Илья.

— А ты в общаге-то поживи, ага, вот так вот! — фыркнул Пони. — Не будешь чего знать, обдурят вконец, вот и верчусь, да. — А мы вообще куда едем-то, брат? Завезешь меня в

темный темный лес и закопаешь, вроде как, да?

— Убью и съем, — индифферентно пообещал Илья. — Ты обещал составить мне компанию в поездке к “страшному дяде”. Вот мы и едем.

— Э, брат, так это мне надо еще подзаправиться, а то я плохо переварю такие новости-то, — посетовал Дэш, протягивая руки к пакету с остатками еды.

— Вот погоди, — зловеще пообещал Илья. — Тебя там еще и накормят. Как раз пост закончился, и все такое.

— Пост, — повторил Пони, с подозрением оглядывая Илью. — Ты, брат, не совсем прямо похож на человека, который знает, когда тут пост бывает, да. Или я чего не знаю?

— Дядю моего, — хмыкнул Илья. И добавил. — “Такой страшный дядя”.

Ровно на въезде в садовое товарищество, перекрывая практически целиком подход к колодцу и одновременно большую часть проезда, их встретил прекрасный черный внедорожник, который пришлось, ругаясь, объезжать с большими усилиями и стараниями, так что к забору искомого дома они подъехали уже немного наприключавшиеся и недовольные несовершенством мира.

— Вот, смотри, сейчас сразу дозор начнется, — весело предупредил Илья Пони, переключаясь на нейтралку и подтягивая стояночный тормоз. — Годи меня здесь.

Действительно, из калитки практически сразу же проследовали две женщины самого просветленного вида. Они с явным подозрением зыркнули на Илью, который, гремя ключами, полез отворять себе ворота, и остановились неподалеку, якобы беседуя, но на самом деле внимательно наблюдая.

— Илья! — окликнул его голос сверху. — Илюша! Воротца не трогай!

Илья задрал голову вверх, и Пони с любопытством высунулся из окна, чтобы увидеть выглядывающий с балкона на втором этаже светлый лик, украшенный вполне мессианской бородкой и лучистыми карими очами.

— Это еще почему? — поинтересовался Илья.

— В гаражике-то машинка моя, твоя уже не встанет.

— Да мне колеса закинуть, дядь, — отмахнулся Илья и продолжил колупаться с замком. Ключ, кажется, не подходил.

— Илюша, — продолжил глас с небес ласковым тоном. — Ты замочек-то не ломай. Ключик новый возьми в прихожей и открой нормальненько. Но места-то там все равно нет.

— Дядь, ты что там напихал-то? — возмутился Илья, ныряя в ворота. Пони услышал приглушенное “ой, здрасте”, подумал и решил-таки составить компанию своему приятелю. На участке обнаружился тонкий, но весьма ощутимый дух навоза, пара работающих на грядках вдалеке женщин и Илья, над которым нависала некая внушительная дама.

— Э, прекрасная женщина, а что не так? — мило осведомился Дэш, улыбаясь во все тридцать два белоснежных зубы.

Гневный взор дамы тут же переместился на Пони.

— Ходят тут всякие! — выразительно сказала она и снова обратила фокус своего внимания на Илью, который при своем совершенно нормальном росте рядом с ее богатырским сложением казался совсем крошечным. — Да за что же отцу Пантелеймону такие печали, — уперев руки в боки, поинтересовалась она. — Помощи не допросишься! Батюшка, святой человек, все сам должен делать тут? Или мы, слабые женщины?

— Так вот я, приехал, — осторожно сказал Илья, пытаясь обойти ее по окружности, но она уверенно поворачивалась вокруг своей оси вслед за его движениями. — Помогу чем могу

и все такое. Только бы мне “ключик” от “гаражика”, “колесики” закинуть. А там и помогу.

— Только это и надо тебе, прости, Господи, меня, дуру грешную, — почти простонала дама, автоматически крестясь. — Только гараж и нужен, а на отца святого тебе и все равно!

— Да уж если бы все равно было, — проворчал Илья. Пони, пользуясь тем, что внимание внушительной стражницы было сконцентрировано на одной цели, просквозил за ее спиной в дом, огляделся, оценивая и просторный светлый холл, и прекрасный, совсем не дачный ламинат на полу, и новенькие стеклопакеты, снял с деревянной резной ключницы возле зеркала ключ с биркой “гараж”, и второй ключ с биркой “гараж”, и вывалился обратно, прямо с крыльца кидая своей добычей в Илью. Тот легко принял пас, словно они пол-жизни тренировали это движение и, не слушая больше прочувственную речь обвинения, стал открывать дверцу.

Дама от такой наглости осеклась, а потом Илья распахнул дверь, и это было очень похоже на дорогу в Нарнию или за Порог, потому что внутри оказался какой-то совершенно другой мир, измерение Помойка, или, может, Строительная Помойка, но не как не просто “гаражик”.

— Почему мне кажется, что таки не влезет? — спросил Пони, и из проема вывалился, не удержавшись там, рулон какого-то линолеума.

Продолжить или получить ответ он не успел: цепной реакцией внутри начало что-то падать, вызывая с каждым плюхом и хрясем горестные стоны у суровой дамы.

— Что же это вы наделали то, — причитала она, наворачивая круги возле двери. — Да что же это делается-то!

— Конец света! — возвестил Пони гулким голосом.

— Это не конец света, — не согласился Илья, с интересом наблюдая за сваливающимся добром, — а только конец гаражика. Он, кажется, тоже сейчас как картонный домик сложится.

— Не сложится, Илюша, не сложится, — пообещал приветствовавший их из окна ранее мужчина, подходя ближе и кладя руку Илье на плечо. — Благослови тебя Господь. А гаражик-то надо теперь разобрать, раз ты тут навел беспорядок. Заодно и место для своих шинок найдешь. Как раз все и поместится.

— Ты это спланировал, только честно? — обреченно уточнил Илья, дергая плечом. — Тебе надо было, чтобы я разобрал гараж?

— Нет. Тут уж все в руке Божьей. А тебя я звал, чтобы навозик перетаскать.

— Какой такой навозик?!

Дядя широким жестом обвел вокруг, призывая почувствовать явственный “аромат”, разлитый в воздухе, и потом указал куда-то за гараж. Илья всхрипнул и пошел к краю строения, а Пони — за ним, видимо, чтобы случайно не оказаться направленным руцей Божьей в каком-нибудь более правильном направлении.

На соседнем участке красовалась груда отменного, натурального, в высшей степени качественного навоза. Лучше просто не придумаешь, какого.

— Мммм, а запах, — процитировал Пони.

— Дядь, — мрачно уточнил Илья. — Ты хочешь, чтобы я перетаскал навоз на чужом участке?

— Ну, вот вас же двое, быстро справитесь.

— Дядь, — повторил Илья, разворачиваясь и глядя на него исподлобья.

Игра в гляделки продолжалась с полминуты, в течении которых любой желающий бы

успел убедиться в том, что некоторые гены в этой семье отличались завидной стойкостью, не хуже натуральных ароматов, пронизывающих весь мир в этой точке бытия.

— Так навозик-то наш, — кротко признал, наконец, дядя.

— А что он делает на чужом участке?

— Временно хранится, что же еще он там делать-то может?

— Хозяйкины тама друзья ругаются, — встряла замолкшая было от присутствия отца Пантелеймона дама. — Требуют, значит, чтобы к следующему их наезду никакого навоза не было. Как будто прямо им он мешает.

— Они имеют на то право, — подтвердил отец Пантелеймон, демонстрируя похвальное смирение с этим фактом. — А навозик-то нужно на грядки перетаскать.

— Угрожали еще! Батюшке-то, — посетовала женщина и перекрестилась. — В навоз кунуть обещались.

— И ты решил, что лучше пусть меня “кунут”? — вздохнул Илья, прикидывая фронт работ.

— Так вы все успеете убрать, и никакого искушения навредить ни у кого и не случится, — опустил глаза в пол дядя. Посмотрел на тропинку, выложенную камнем, потом на травку газона рядом, потом на стенку гаража, словно ища в повседневных предметах Бога.

— Все с тобой ясно, — вздохнул Илья и повернулся к Дэшу. — Ну, ты не обязан со мной навоз вкапывать. В машине, что ли, посиди.

— Так я что, моральной, что ли, только поддержкой, вроде как? — возмутился Дэш, стягивая свою приметную голубую куртку, чтобы не запачкать. — Ты это брось, брат. Сейчас вдвоем как все быстро сделаем, а вы, вот вы, так вот, — он повернулся к вельможной даме. — Нам чаю сделаете, вот как!

— Какого такого чаю, — начала было та, но нарвалась на кроткий взор отца Пантелеймона и осеклась.

— По-христиански правильно воздать за труды, — сказал он. — Илюша, ты, если что, зови меня, зови, ладненько? А я пока по делам срочным пошуршу маленько.

— Да уж, — тяжело вздохнул Илья, тоже снимая куртку во имя сохранности и вешая ее на гвоздик в стене гаража. К счастью, набор резиновых сапог для хозяйственных работ с прежнего места не убрали, так что обувь будущих навозоносиков имела все шансы пережить встречу с полезным органическим удобрением. На удивление, между участками за гаражом нашлась калитка, даже не запертая, и на чужую собственность удалось проникнуть беспребранно.

— Как, вроде, к месту дверца тут, — прокомментировал Пони, передавая Илье лопату. — Напрямик.

— Вообще-то это что-то новое, — отозвался Илья, принимаясь за работу. — Не было никогда никаких калиток тут.

— Специально к “навозику”, — хмыкнул Дэш, споро принимаясь за скапывание кучи. Судя по его уверенным движениям, лопату ему доводилось держать в руках и раньше, и даже не один раз.

— Честь и почет, — буркнул Илья, с обречением понимая, что все равно изгваздается и благоухать будет на отлично.

— Вот ты скажи, брат, — с паузами спросил Пони, прилаживаясь в нужный ритм работы. — Это он у тебя святая простота или святая хитрота, э?

— Да кто ж его знает. Он, может, и сам не знает. Хотя это, — подумав, добавил

Илья. — Вряд ли. Он у нас, в конце-концов, известный проповедник. Курсы даже какие-то христианские ведет.

— Что, и такое бывает? — оживился Пони.

— Да чего только не бывает.

Вдвоем, конечно, работалось веселее. Илья не представлял себе, сколько бы у него ушло времени на “навозик” и “гаражик” в одиночку, а тут, “с ассистом”, еще даже толком не начало вечереть, когда они, наконец, затолкали колеса в гараж и заперли дверь, чтобы случайно ничего не вывалилось обратно.

— Может, “буратиной” какой припереть, э? — озабоченно предложил Пони, критически глядя на итог второй части их трудов.

— Не открывается снаружи, ну и ладно, — отмахнулся Илья. — Мы и так уже переработали на сегодня. Два раза, между прочим.

— И чаю так и не дали, да.

— Жлобство, — вздохнул Илья. — Даже чай зажабили честным навозоуборцам.

— А я говорил! — внезапно и очень громогласно раздалось из-за гаража. Илья и Пони переглянулись, но не сдвинулись с места, ожидая продолжения. — А я говорил! Говорил же! Шо я говорил? Приедешь в следующий раз, а к тебе на участок уже воротца сделаны, чтоб шастать удобней было! Сел, блин, тебе на шею святой отец, и ножки свесил. Тебе оно надо?

— Никит, ну прекрати, — отозвался женский голос с такой мукой, что было совершенно очевидно, что его обладательницу мучает нехилая доза финского стыда. Не то за святого отца, не то за собственного собеседника.

— Мало я ему в прошлый раз объяснил, так сейчас еще раз объясню!

— Так навоз-то убрали, посмотри, — еще раз попыталась утихомирить его девушка.

— А калиточку, — агрессивно, но неожиданно похоже спародировал отца Пантелеймона неизвестный Никита. — Поставили!

Илья мысленно досчитал до десяти и решительно шагнул из-за угла навстречу новой беде. Хочешь-не хочешь, а пока он находился в дачных пенатах, он считался отвечающим за благополучие своего дяди.

— Привет, — сказал Илья, перегородив путь, и решительно шагавший из калитки парень, рослый и темноволосый, затормозил с оттягом. На удивление (или, наоборот, совершенно закономерно) Пони почему-то оказался плечом к плечу с Ильей, фланкируя его слева.

— Тааак, — потянул Никита, оценивающе глядя на новых противников. — Шо за новый хрен в старой грядке?

— Это ты про калиточку? — уточнил Илья, старательно делая вид, что не понимает. За, собственно, проемом раздора стояла, видимо, та самая хозяйка соседнего участка, явно не радующаяся разборке. Илья сразу же ей посочувствовал: жить рядом с отцом Пантелеймоном и не встрять в очередную калиточку или навозик и сопутствующие выяснения отношений было невозможно. Собственно, в подшивке семейных анналов была уйма странных происшествий вокруг дачи и ее обитателей, которые обычно было весело пересказывать на родственном сабантуе, но совершенно не весело в самом деле разбирать, изображая из себя детектива сельского пошиба и защитника веры, к тому же. Собственно, Илье так ни разу и не удалось понять, в самом ли деле его дядя прилагал какие-то усилия для организации всего этого торжествующего хаоса, или оно само так складывалось.

— Это я про калиточку, — согласился Никита, грозно сопя.

— Никита, калитка на межу выходит, — высказалась из-за плеча парня его спутница. — Я просто поставлю забор со своей стороны!

— Почему это ты забор должна ставить? — возмутился тот, снова закипая. Илья прямо-таки видел, как по его смуглому лицу поднимается багровая полоска гнева. — Может, просто кому-то надо аппетиты заварить?

— А лучше калиточку, — вздохнул Илья и протянул ему руку. — Это Дэш, а меня зовут Илья, я тут вроде как на правах частичного наследного собственника. Давай разберемся, что ли, нормально?

— Никита, — представился парень, полуобернулся на свою подругу и добавил. — А это Аня.

— Это вы, значит, будете грозные соседка и соседкины друзья, — обезоруживающе улыбнулся Илья.

— Ага, значит, все-таки подействовало, — прокомментировал Никита. — А ты говорила, хватит в ворота стучать, орать не надо. Надо! Еще как надо.

— Конечно, подействовало, навозик-то убран, — сморщил нос Илья, представляя себе эту картину. — Чем еще вас порадовало сияющее соседство святого человека?

— Нимбом зашибло, — отозвался Никита, явно не лезущий за словом в карман ни в какой ситуации. — Для начала, он начал ставить на Анин участок “машинку”.

— Он спросил разрешения. А мне что, жалко, что ли?

— Жалко-то не жалко, а вот зачем это тебе? Вот лично тебе зачем, чтобы какой-то там свою машину у тебя парковал, рытвины колесами оставлял и кусты корчевал, чтобы не мешали разворачиваться?

— Ох, ты ж это как, — прокомментировал Дэш, явно наслаждающийся историей.

— Но он попросил, — вздохнула Аня. — Совестно как-то отказывать.

— Совестно? А стройматериалы складировать в доме зачем ты ему позволила? Тоже совестно отказать?

— Он обещал дверь покрасить.

— Покрасил?

— Не успел, ты ему сказал все убрать.

— Раскрыта тайна происхождения завалов в гаражике, — предположил Илья.

— Ну, а куда ж ему еще. А тачку свою он у въезда в СНТ теперь паркует.

— Так это его?

— Ну, а кто тут еще главная звезда?

Илья мученически вздохнул.

— Ладно. Лично у вас разрушения еще какие-то есть, за которые лучше сразу рассчитаться и забыть?

Никита выразительно показал на калитку.

— Как справедливо сказала прекрасная дама, — Илья кивнул Ане. — Калиточка выходит на межу. С этим я особо ничего сделать не смогу. Но я могу оставить вам свой телефон на случай дальнейших недопониманий. Можете даже больше никому не угрожать, просто сразу позвонить мне. Это надежней.

— А ты как, разгребашь за ним “навозик”, что ли?

— Это мой крест, — смиренно склонил голову Илья, с неудовольствием наблюдая чешущую через участок Ани пару женщин в платках. Они целенаправленно шли наискосок, срезая угол по грядкам и высаженным цветам, как раз к калиточке. — Вернее, у всей семьи

по очереди.

— Ты учти, еще какой наезд, и... — Никита проследил за взглядом Ильи, увидел женщин и снова начал багроветь. — Эй, вы, — начал было он, но внезапно его ловко отодвинул Дэш и заступил дорогу женщинам, как будто так и надо.

— Э, послушайте, красавицы, здравствуйте, красавицы, а у вас, ради христианского милосердия, не найдется ли рублей десять? Рублей двадцать? Мне не на плохое дело, да! Я вот тут дорожку проложить хочу, вот прям с алмазами. С ковриком. Чтоб вам по грядкам больше не ходить, вот так вот. Так как про денежки, красавицы?

— М-молодой человек, — почти икнула одна из них, пытаясь обойти Дэша. — А вы тут кто будете?

— Да я вот как-то тут приехал навоз копать, работать, в гараже трудиться, а тут вы красивые идете, вот ведь как, э, так денежку может пожертвуете на проход? — затарабанил Пони, переступая так, чтобы снова уверенно загородить им дорогу и даже немного выдвигаясь вперед, отжимая по сантиметру дам назад вторжением в их личное пространство. Илья прикрыл лицо рукой, чтобы не ржать слишком уж откровенно, наблюдая за гипертрофированно липучими вымогательствами Пони. — Я так батюшке и скажу, что вот тут вот красивые-прекрасивые, денег дают, хорошие, э?

— Юноша, вы пропустите нас уже, — сказала вторая, собирая в кулак всю свою волю.

— А вот денежку дайте и пропущу, вот как, — весело пообещал Дэш, хватая ее за руку. — А вот я покажу, как тут дорожка будет, чтобы удобней ходить, да? А ты куда, красавица? И тебе тоже покажу! Хорошо покажу!

— Не хватайте, не смейте меня хватать! — пискнула одна, пока вторая молча пыталась выдрать у Пони свою руку.

— Э, — показательно расстроился Пони. — Да я же просто показать, вроде как, ничего я такого и не делал. А денежки-то у вас есть? Я вот навоз убирал тут, вот как, устал, может, есть денежек мне на отдохнуть, да?

Где-то в конце фразы он позволил обеим женщинам вырваться, и даже старательно сделал за ними несколько длинных шагов, чтобы придать им больше ускорения.

— Вот ведь как вот, — сказал он, с деланной печалью оборачиваясь к остальным. — Не хотят денежек давать. А забор придется ставить, вот как, а то я знаю, вроде как, зачем тут калиточка.

— Да и поставлю, — подавала голос Аня.

— Шастают тут, блин, как у себя дома, — проворчал Никита. — Ноги им надс повыдергать, а не разговоры устраивать. Проповедь, блин, им еще прочитай тут.

— Проповеди это к отцу Пантелеймону, — вздохнул Илья. — Телефон мой запиши, и если что — не стесняйся, сообщай. Не всем дано существовать в одной струе с благословенными людьми. Мне вот совершенно не дано.

— Да я даже пытаться не буду, — резюмировал Никита.

Когда они заходили в дом, чтобы сдать ключи от гаража и попросить хотя бы попить, отца Пантелеймона там не оказалось, но давешняя грозная дама, бурча, отвесила им пирожков. Выражение лица у нее, впрочем, было такое, словно она бы лучше отвесила им люлей, но, видимо, на то не было благословения. И даже чаю налила, правда, что Илья, что Пони старались выхлебать все побыстрее, чтобы смыться из ее поля зрения. Впрочем, благодаря этому перекусу они обнаружили отца Пантелеймона: в окно было прекрасно видно как он расхаживает в проезде между участками и заборами, окропляя святой водой

чей-то внушительный “Лексус”.

— Гммм, — потянул Илья с сомнением.

— Э, а что это он делает, — уточнил Пони.

— Машину святит? — неуверенно ответил Илья.

— А вдруг там бесовское что сидит, машина-то с Америки! А там сплошной разврат и безбожие, вот там что, прости, Господи!

— А вот ведь как, — подпер подбородок рукой Пони, внимательно на нее глядя и задумчиво пережевывая пирожок с капустой. — И он, значит, отец Пантелеймон-то, вот, американских бесов изгоняет?

— Так надо людей-то беречь, — кивнула женщина. — От дурного-то! А что лучше святой воды и святого слова всю нечисть выгонит? Тем более он ж бескорыстно. Не как иные, прости, Господи, охальники, а только ради людей.

Илья промолчал, но за ритуальным действием в окно продолжал подсматривать. Свою, что ли, машину попросить тоже освятить, чтобы ездить было по-безопасней? Может, и от всяких бесов вроде Шторма поможет? Но это надо было, наверно, раллийную машину святить, потому как пока Шторму он попадался только на ней. А с другой стороны, не изгонит ли освящение и самого Илью, и Пони как зверскую нечисть?

— А можно бы, да, — сказал Пони, улыбаясь, — вроде как, бесовских-то машин и не покупать.

— А вот то не моего ума дело. Да и не твоего, Господи, прости, — рассудительно заключила их собеседница и, гремя посудой, принялась убирать со стола, а потом и вовсе вышла из кухни со стопкой кастрюлек.

— Так вот, о нашем, о бесовском, — прочистил горло Илья. — Мы откуда-нибудь отсюда попадем на Третьи земли, или, чтобы оказаться на месте встречи, нужно в дефолт-сити обратно мотануться?

— Да попадем нормально, брат, не переживай, да, — отмахнулся Пони, заворачивая пирожки из прикрытой кастрюли в салфетки и рассовывая по карманам. — Сейчас вот как-то вот за угол зайдем где-нибудь, на Порог встанем и оттуда уже найдем, куда идти.

— Ну, смотри, — предупредил его Илья. — Я там не ориентируюсь.

— А ты я не знаю, что ли, да, брат, — ухмыльнулся Пони. — Да я сам там не всегда все понимаю. Но у нас их ключи есть, так что нормально так доберемся. Не переживай так уж прям.

- “Так уж прям” не переживаю. Но так как я не очень-то вообще понимаю, что такое этот твой Порог, и что за Третьи земли, и где, собственно, Вторые.

— Так вот со Вторыми все просто. Вторые это Порог. Вернее, Порог — это то, что осталось от Вторых Земель.

— И что там случилось? — осведомился Илья, начиная что-то подозревать.

— Так вот что там могло случиться? Конец света и случился, — отмахнулся Пони. — Давно! Давно-давно, да, Всадник проснулся, и других за собой потянул, и оно все стало сыпаться изнутри, Блед сказал. И тогда один из Зверей решил, что того надо этого. Не того этого в смысле вот, а Всадников осаждать. Вот так вот.

— То есть, — обернулся и уставился на него Илья. — Вторые земли были такой же, не знаю, мир, с жителям и всем остальным, и он ... того?

— Этого-того, — подтвердил Дэш тоном умудренного гуру. — На кусочки развалился, частично сгнил, и вот так вот. Поэтому там хрен что найдешь, э. А что найдешь — то лучше

бы не находил, как вон с той речкой. Хорошая такая речка. Только немного дохлая.

— Немного! — возмутился Илья, у которого снова голова кругом шла от новых сведений. — Знаешь что, пойдём-как уже сейчас на наше рандеву, пока я не офигел вконец от твоих невзначай-каких рассказов.

— Знаешь, брат, — серьёзно отозвался Пони, с трудом подавляя улыбку во все тридцать два. — По- моему так для этого мы уже опоздали.

— А по-моему, из нас двоих самый офигевший — это не я, — парировал Илья, поднимаясь на ноги.

— Ты, брат, кажется путаешь что-то, вот так вот, — сочувственно покачал головой Пони, тоже вставая и направляясь в коридор и к выходу. — Ты как раз офигевший. А я — офигенный! Это слово другое, я вот знаю его.

— Поздравляю, — похвалил его Илья, чувствуя, что от словесной пикировки становится как-то проще дышать. Если самый страшный и непонятный опыт обернуть в фантики обыденности, воспринять его становится куда проще. — Напоминаю, я понятия не имею, как по собственному желанию попадать на Порог. У меня это получалось как-то помимо меня.

— Первое правило путешественника за порог, вот слушай: никогда не переступай порог помимо себя.

— Что-то ты запоздал с этим предупреждением, — проворчал Илья, выходя за Пони на крыльцо и прикрывая за ними дверь. — Что еще важного ты мне забыл рассказать?

— Что-нибудь, — радостно отмахнулся Дэш, выглядывая за угол дома и изучая диспозицию. На грядках все еще копались какие-то женщины, но угол между гаражом и сараем с их стороны не просматривался, а у дома на эту сторону выходил только балкон над крыльцом. Это как раз годилось. — Сюда го, э, — вежливо пригласил он.

— Извольте проследовать в угол, — озвучил Илья, нервно посмеиваясь, но пошел куда сказано. — И вообще, почему мне кажется, что ты это “правило” только что выдумал?

— Потому что я его только что выдумал, вот так вот? — весело отозвался Пони. — Ключ бери, брат. Научу с ключом.

В следующий раз меня выкинуло в настоящий мир на сумеречном длинном мосту с застывшими рядами бесхвостных на постаментах. Внизу была темная, холодная река, и вокруг стелился туман самого мерзкого качества, и я сразу понял, что вынесло меня не просто так, а потому, что где-то тут притаилась какая-то зараза, перекрывающая дорогу дальше.

Тут следовало держать ухо востро. В такой туман любое реальное могло оказаться зыбучим песком и провалиться, но мост казался, по крайней мере, вполне надежным. Я даже потрогал лапой один из камней, но ничего подозрительного не нащупал. Зато темная фигура со светлым мечом, стоящая на пилоне в воде, повернула голову в мою сторону.

— Здравствуйте, — вежливо сказал я. Это была, вероятно, именно фигура из таких, которые могут помогать в случае необходимости. — Вы не могли бы протянуть лапу помощи?

Фигура медленно повернулась ко мне всем корпусом, потом вытянула вперед меч. Золотой и яркий, он блеснул в свете фонарей и продолжился бледным лучом, прокладывая

для своего носителя путь до твердой земли. Рыцарь двинулся ко мне тяжелыми, размеренными шагами, и туман оседал на старинных доспехах мелкой бриллиантовой росой. Выглядел потенциальный помощник достаточно крепким, не хуже космонавта на моей собственной территории, хоть и был явно значительно старше. Но не рухлядь, и на том спасибо.

— Приветствую тenekота, — сказал рыцарь. — Недобрый туман сгустился над нашим городом.

— Над вашим сгустился, — подтвердил я. — Но ненадолго. Сейчас разберемся, — и я уверенно двинулся вперед. Вообще-то многие фигуры достаточно могущественны, чтобы самостоятельно справиться с любым мелким пакостником, и даже средним, но у них нет своей инициативы. Проще говоря, если их никто не пригласит на помощь, они так и будут стоять и смотреть, как истуканы, какое бы безобразие у них под носом не творилось. То ли дело коты! Мы всегда при деле, и если что-то творится, то вот они мы — в эпицентре хаоса.

Хотя так, по честному, могли бы и местные, собственные хвостатые тут порядок наводить, а не надеяться на заезжего суперкота. Но делать нечего: мне нужно дальше, а тут, понимаете ли, точка бифуркации.

Я стал продвигаться вперед со всей возможной осторожностью, прислушиваясь и приглядываясь к мелькающим теням, но слышно мне было, в основном, только глухие шаги моего бронзового помощника. А потом, пройдя уже полмоста, я внезапно понял, что далеко не все горящие на нем огни расположены на фонарях. Добрая половина висела в воздухе, немного покачиваясь от ветра, и наводя на грустные мысли об изрядном прорыве нижних миров, например, в лице блудничков. Хотя, в общем-то, такое чаще случается осенью — вероятно, Двекошки была права, и вокруг нас все шатается, раз график нарушается таким позорным образом. Огоньки, мигая по краям, начали собираться поближе, окружая нас с рыцарем, и я, подбираясь в готовности к бою, предупредил своего помощника:

— Готовься к бою. Просто так они не кончатся.

— Значит, прикончит добрый меч! — отвечив тот, занимая оборонительную позицию и поднимая щит. Убедившись, что он не подведет, я с места сиганул на ближайшего блудничка, рассекая его когтями и развеивая по ветру, размыкая строй противников, от чего они тут же понеслись в атаку все разом. Я храбро отпрыгнул за массивный щит рыцаря, позволяя ему принять на себя основной удар, и, хитро высовываясь в стратегические моменты, принялся прореживать ряды огоньков. Волновали меня, конечно, не они. Сами по себе болотные огни могут, в основном, только запутать путника, заморочить или свести с ума, что делало их практически бесполезными в борьбе с моим бронзовым помощником, но вот только сами по себе, в одиночку, эти мелкие твари никогда не появляются. Обычно они сопутствуют чему-то другому: например, каким-нибудь утопленникам, решившим навестить родные пенаты, или же другим нелицеприятным гостям. И кто сейчас решил наведаться на этот чудесный мост, только предстояло выяснить.

С огоньками же мы справились, вернее, справлялись: мы успешно уменьшали их поголовье, но некоторое количество продолжало виться вокруг, когда на мосту показалась еще одна фигура. Она были темнее и плотнее окружающего тумана, но казалась его частью. Собственно, она была эпицентром, сосредоточием, и туман в ней в самом деле был плотнее просто потому, что это она его источала. Оставшиеся блуднички тут же оставили нас с рыцарем, устремившись к своему главному, и принялись виться вокруг его головы, словно звезды или нимб. Очень красиво, но, к сожалению, намекающе опасненько.

Но мне не привыкать к опасностям.

Рыцарь замер, опуская меч и прикрываясь щитом, и я неторопливо вышел из-под его прикрытия, глядя прямо и смело на новую угрозу.

А потом сел на задницу, демонстрируя степень своего презрения и принялся вылизывать заднюю лапу. Хоба!

Туманный дух даже сбился с шага, возмущенный, а я продолжил активно вылизываться, заодно оставляя на бульжниках покрытия моста влажные следы шерсти и слюны.

— Что делать, сэр кот? — спросил меня рыцарь.

— Подождать, — милостиво ответил я. По счастью, туманные духи хоть и редко, но в моем городе тоже встречались, поэтому тут мне было все примерно понятно, что и как. — Стой на месте.

Туманник приближался, а я так и эдак демонстрировал ему со всей наглостью хвост, лапы, незащитные шерстяные бока, валяясь на земле. Хороший такой дух, непуганый. Те, что мне встречались раньше на такие простые уловки не попадались.

И вот, стоило туманнику подвинуться вплотную к тому месту, где я изображал негу и расслабление, как я подобрался, как пружина, и метнулся прочь, вспрыгивая прямо на шлем своему помощнику. Туманник повернулся за мной, начал движение, но путь ему преградила серая трепещущая масса, похожая не то на заросли растений, не то на недовольный валенок.

— Хоба! — сообщил я туманнику, который с размаху ударился в эту преграду из самой лучшей кошачьей шерсти, проваливаясь в нее и запутываясь.

— Прекрасный прием, сэр кот! — одобрил меня рыцарь. — И что же делать с ним теперь?

— Так все то же, — сказал я, спрыгивая с его головы и усаживаясь на землю. — Подождать. Ты можешь ждать на своем месте, сэр рыцарь. Эта тварь исчезнет с рассветом.

— Благодарю, сэр кот, — склонил голову рыцарь. — Я запомню вашу науку.

Я с интересом проследил за тем, как фигура удаляется прочь по мосту и потом снова выстраивает себе дорожку из луча света, чтобы вернуться на свой постамент. А потом я вольготно улегся на перильца и возлег в ожидании рассвета, не решаясь бросить пленного туманника без присмотра. Моя цель, конечно, ждала меня, но, как говорится, беги по направлению к цели, пока можешь бежать, иди, пока можешь идти, ползи, если можешь ползти, а если сил уже совсем не осталось, то хотя бы ляг и лежи по направлению к цели.

Это считается. Так что я лежал, ждал, ждал и лежал, пока вдали не послышались чьи-то печальные шлепающие шаги. Вот, не иначе как какая-то заблудшая душа спешит прильнуть к жемчужным россыпям моей мудрости. Показавшийся вскоре человек в самом деле казался расстроенным. Он шел нога за ногу, руки в карманы, совершенно не глядя вокруг, так что и скованного туманника не должен был заметить, тем более, что тот уже потихоньку бледнел в лучах встающего солнца.

— С чего это еще я должен сам ему звонить? — прислушавшись, разобрал я. — Лучший друг называется! Да я сдохну, он не заметит! Не я же начал, блин. Почему я должен мириться?

— Потому что человек важнее ситуации, — сообщил ему я со своего насеста. — А невиновных не бывает.

Кроме меня, конечно.

Прохожий вытянулся, выпрямился, оглядываясь, но, кроме невидимого для обычных бесхвостных туманника и неподвижных фигур на постаментах, тут был только я.

— Это ты, что ли, советы тут даешь? — пошутил бесхвостный.

— Я, — зевнул я, и от этого местоимение получилось больше похожим на “мяу”.

— А, ну, значит, еще не спятил, — кивнул сам себе мой случайный собеседник и удалился вдаль куда более прытким шагом. Кажется, я наладил еще одну проблемную жизнь? Слава мне.

Солнечный свет, приподнимая завесу сумерек, постепенно вполз на мост, и туманник, запертый в серой клетке, начал таять, намекая, что я все сделал правильно. Глядя на его исчезновение, я искренне жалел, что не могу забрать с собой сэра рыцаря: из него вышел прекрасный помощник, и он на диво органично смотрелся бы во дворе моего многоэтажного, многоквартирного дома.

Но нет, такой приз мне пока не полагался, а полагалось еще поработать, в том числе, лапами. Однако, стоило мне заново отыскать путь вниз, в Пограничье и продолжить путь, как я понял, что невероятно устал и хочу лишь одного — спать. А всякие задания должны были бы обождать, только вот в Пограничье лучше никогда, никогда не засыпать, если не хочешь остаться там на неопределенное время. Это все ерунда про еду и питье других миров: проблемы начинаются, когда там уснешь. В этот момент время вырывается из-под твоего контроля, и ффух — и ты уже года на три-четыре, а то и больше выпал из реальности.

Так что я встряхнулся, вытаращил глаза так, что аж больно стало и деловито почесал вперед, надеясь, что постепенно убывающий клубок путеводной шерсти вскорости выведет меня в искомую страну Германию.

Ну и далеко же это оказалось! Если бы я знал, на что подписываюсь, когда соглашался, ни за что бы не пошел. Не котовье это дело — лапы стирать в таких путешествиях. Хотя если не коты — то кто же?..

К тому моменту, как остатки нитки истончились в воздухе, указывая на переход, я уже практически падал на ходу. Глаза закрывались, хвост волочился, собирая пыль и грязь иномировых дорог, и даже пузо уныло подметало землю.

Вынырнув на какой-то тихой улочке, я даже не стал тратить особо время на поиск лежанки. Прямо рядом с местом моего появления под навесом стоял большой, теплый уютный аппарат с крупным экраном, прямо под камерой. Если под камерой — значит вещь ценная, под присмотром и мне подходит. Так что я забрался на этот чудный девайс сверху, улегся, прикрывая нос хвостом и крепко уснул, нагло наплевав на все особые обстоятельства. Кажется, именно такой совет я не так давно давал какому-то отчаянно несчастному бесхвостному? Вот и мне самому пригодился.

Спалось мне, надо сказать, вполне нормально. Сверху не капало, снизу иногда приятно жужжало и разговаривало, в общем, почти как дома.

Я уже почти совсем выспался, когда миру снова понадобилась моя помощь. Пробудился я под ворчание бесхвостного, которому мой аппарат чем-то не угодил.

— Да вы смеетесь, что ли? — бурчал он, вперившись глазами в длинный бумажный чек. — Меня что, ограбили?.. Так, рюкзак... давно собирался купить. Это вот еда, без еды я умру. Канцелярский магазин. Без тетрадок я тоже умру. Кинотеатр... попкорн в кинотеатре. И...все? И весь аванс за два дня?..Все потратил? Как это вообще?!

Я приоткрыл один глаз, презрительно изучая финансово неграмотного бесхвостного и бесхитростно посоветовал:

— Надо вести финансовый дневник и делать накопления сразу после получения денег.

— А? — поднял на меня изумленные глаза поучаемый.

— Мяу, — сообщил ему я и снова закрыл глаз.

— Такое чувство, что меня только что учил экономить кот, — пожаловался бесхвостный, окончательно заставляя меня проснуться. Впрочем, я уже отдохнул и чувствовал себя куда лучше, и был вполне готов к новой порции приключений на свой хвост (а вот давать полезные советы я готов вообще всегда, как показывает практика).

Потянувшись, я спрыгнул с устройства, ставшего мне такой неплохой лежанкой, и неторопливо отправился на поиски нужного Этого. Как там его звали? Блед?..

— Эй, где тут найти этого самого Зверя Бледа? — окликнул я ближайшего кота, прохлаждающегося в тени дома.

— А понятия не имею, — зевнул тот.

— А надо бы иметь, — возмутился я. — Я из другой страны сюда шел, лапы стер, когти сточил, и все такое, чтобы его найти, потому что это Очень Важно. А ты мне тут, холоп, и помочь не желаешь? А ну как Всенец из-за вас приключится тут?

— Зверь, говоришь, — снова зевнул мой собеседник, но на наш разговор, услышав его, подошла весьма милая кругленькая трехцветная кошечка и сказала:

— А мы сейчас спросим у всех, не видели ли они Зверя, — Кошка Пеструшка подошла к тени, где почивал кот, которому лень, и поцарапала землю, приговаривая одно за другим имена котов. Кто-то откликнулся с другой стороны, и тогда тень шла волнами, обозначая ответ, кто-то не отвечал, или не слышал, но голос за голосом присоединялись к поискам, и тень увеличивалась, проходя рябью от края до края, расширяясь от того места, где все еще лежал первый кот.

— А он почему не хочет искать? — спросил я, присаживаясь на задницу, чтобы поскрести шею.

— Это кот, под которым лежит мир, — пояснила Пеструшка, садясь близко, но не рядом. — Пока он лежит, мир стоит. Когда он встает, мир качается.

— Очень поэтично, — одобрил я, разваливаясь поудобней и начиная выгрызать шерсть между пальцами. Это было весьма увлекательно и способствовало приятному ожиданию.

— И энергосберегающе, — подтвердила Пеструшка.

— Так найдут, нет? — спросил я у нее. — А то, может, зря высиживаю.

— Высиживают птицы, — отозвалась она и больше ничего не сказала. Я принял это за знак уверенности и остался на месте.

Время от времени из тени выныривали коты, подходили к Пеструшке, тихо с ней переговаривались, уходили снова. А потом возникло какое-то бурление, Кот, под которым лежит мир, даже приподнялся, и тень выплюнула трех котов, из которых двое с двух сторон поддерживали третьего, явно изрыгнутого из знатной драчки.

— Зверь, — сказал тот. — Заперт. Пойман!

— А ты-то чего? — участливо спросил я, изучая его раны.

— Так я-то вырвался, — гордо ответил кот, едва продолжая стоять на лапах. — Ерунда!

— Раз ерунда, давай, сообщай. Кем пойман, где заперт. И тот ли там вообще зверь.

— Зверь Блед, — сказал кот, высвобождаясь из-под опеки своих помощников и максимально грациозно укладываясь на землю, словно так и надо. — Застрял в четвертых землях. Отсюда через Пограничье вниз, и в пещеру прямо там.

— И что же там за обитатели? — уточнил я как можно небрежнее. Признаться, в четвертых землях мне бывать не доводилось, а чем ниже — тем больше проблем, как известно.

— Там большое, шипит, — дернул ухом кот. — Поймало Зверя Бледа и не отпускает. Ест, кажется.

Это было уже слишком: мне Этот был нужен, чтобы не наступило беды, а его там жрут!

— Кто не трус, тот за мной, — коротко сказал я, геройски задрал хвост и храбро ломанулся в тень, сразу же проваливаясь в Пограничье, и оттуда спрыгивая пониже, на Третьи Земли. В самом деле, сразу на месте прыжка оказался зияющий вход в пещеру, и я помедлил перед ним, разглядывая с искренним презрением более глубокую, почти живую тьму внутри. Чем дальше от Солнца, от верха, тем темнее в углах.

За мной начали спрыгивать сверху другие коты, и это заставило меня решиться. Я сделал шаг во мрак, и сразу почувствовал, как проваливаюсь все ниже и ниже. Тьма под лапами совершенно не держала мой вес, оседая и проминаясь, словно грязь или тесто. Я как-то прошелся по тесту, было дело, так что я знаю о чем говорю. Я практически тестовый профессионал! Лапы и штаны потом отмывал вечность, надеюсь, местная тестообразная тьма будет более милостива к шерсти.

Я встал на все четыре лапы по очереди, подрыгал задней левой, стряхивая остатки вязкой тьмы, и, наконец, огляделся. Я был в пещере, похожей на дворец, или дворце, похожем на пещеру, и коронованный драконище посередине ряда сталагмитов-колонн препирался с бесхвостным, растянутым на цепях между ними. Бесхвостный был бледен до белого, и только красные потеки тут и там нарушали эту хорошо вылизанную белизну. Я как-то сразу понял, что это и есть Этот, Зверь Блед, искать которого меня послали в этот пренеприятно долгий путь.

Илья сунул руку в карман, на мгновение задумываясь о судьбах вселенной и необходимости хотя бы иногда вытрясать свои запасы. Он ощущал под пальцами какие-то монеты, какие-то непонятные детали, вроде обертку от жвачки, или даже остатки пачки, ключи от чего-то, пару оторванных пуговиц. В общем, целая коллекция и жизнь в миниатюре. Ключи, впрочем, там тоже были, и опознать их на ощупь удалось только благодаря относительно свежей салфетке, в которую они были завернуты.

— Готово, — Илья показал ему одну из пластинок, зажатую между пальцами.

— А вот как то теперь, ты же у нас на слух все? Так вот, ты ее послушай. Внимательно послушай так.

Илья послушно сосредоточился. После паузы из общей тишины начали проступать отдельные выпуклые звуки, шорохи, голоса, и ключ что-то словно шептал, потому что его вибрация была похожа не на гул, а на словно бы шелест.

— Теперь вот тянись, брат, — подсказал Пони под руку. — И вдыхай.

Его голос показался невероятно громким и неблагозвучным, но зато достаточно командным, чтобы послушаться без пререканий. Илья мысленно уцепился за звук ключа, и обнял его мыслью, не следуя за ним, а позволяя ему спуститься внутрь своего рассудка. И тогда ключ остался, и Пони остался, а вот все остальное вытянулось, словно длинные вечерние тени, отбрасываемые миром идей на мир материи, а потом втянулось и исчезло, оставляя вокруг прозрачный, без подлеска черный лес, увитый туманом, в котором тут и там шныряли быстрые серые тени. Пони, уже знакомый и в его запредельно-зверином виде,

расправил плечи, вдыхая воздух Порога, и безбашенно улыбнулся.

— Ну, вот так вот, брат, как-то. А теперь послушай его снова, как поведет. Он тебе дорогу покажет. Ну, то есть, так вроде как должен, да. Если эта сладкая парочка твикс все правильно сделала, а не как обычно.

— А ты свой попробовать не хочешь? — поинтересовался Илья, со смутным интересом оглядывая свои не то псевдосредневековые, не то утрированно-концертные штаны и куртку, больше похожую на камзол.

— Так э, а это кому вообще надо учиться, мне или тебе? — возмутился Пони, лыбясь во все лицо. — Что ты там разглядываешь, не меняется оно, как морфнулся так морфнулся.

— Чего-чего? — уточнил Илья немного рассеянно. — Я вот не пойму. Ты как-то внушительнее, что ли, тут выглядишь. А я не очень.

— Так я и постарше тебя буду, брат, — с готовностью ответил Дэш, посмеиваясь.

— То есть, потом я стану больше, отращу перья на башке, — с готовностью перечислил Илья. — И начну запинаться в русском языке?

— Я не запинаясь, да, — строго ответил Дэш. — Это вроде как стиль такой. Уникальный.

— Уникум ты наш, — хмыкнул Илья, поднимая пластинку на уровень глаз и прислушиваясь снова. Но пришел не звук, вернее, не совсем звук: как тогда, в прошлый раз, делала случайная монетка от Войны, пластинка начала вибрировать так, словно молча пела песню. Гул немного прирос, а потом Илью уже почти знакомо дернуло и поволокло вниз, в безглазую холодную темноту.

То ли он поднаторел с тех пор, то ли ключ работал лучше, чем монета, но на этот раз Илья приземлился намного лучше: не кубарем, не мешком, а достаточно элегантно — на одно колено. А приземлившись, тут же поднялся на ноги, осматриваясь и смутно сожаления, что у такого пристойного прибытия не было восхищенных свидетелей. Собственно, вокруг вообще никого не было. Он стоял посреди довольно просторной каменной беседки, за границами которой угадывалась не земля, а вода, и выхода с нее, кажется, не было: по крайней мере Илья, повернувшись вокруг своей оси на полный оборот, не нашел его.

Воздух завибрировал рядом с ним, и парень отступил немного, с подозрением глядя на это место, и особенно пристально — туда, где она вибрация словно раздвинула слои реальности, вытягивая оттуда знакомый абрис, включающий анемоновидные волосы, темную кожу и разномастные глаза.

— Ничего так местечко, э, вроде как, — похвалил Пони, оглядевшись. — Мы тут, что ли, как будто первые, вроде как?

— Наверное. Но не караулить же им нас тут? — пожал плечами Илья. — Они же не знали, когда мы соизволим почтить визитом.

— Это вот ты прав, да, — согласился Пони, подходя к ограждению беседки. Помедлив, Илья последовал за ним, на всякий случай иногда оглядываясь. Но воздух нигде не дрожал, и вообще кругом стояла такая тишь, что было бы, кажется, слышно даже плеск мальков вблизи поверхности и вздохи камыша вдалеке, там, у теряющихся в легкой дымке берегов.

— Мы на Третьих землях? — на всякий случай уточнил Илья. Пони облокотился о бортик, глядя на воду вокруг, а он, наоборот, повернулся спиной к просторам, предпочитая видеть пространство беседки.

— Типа того, да.

— А Четвертые есть?

— Блед говорит, да, вроде как, есть. Но я сам не того, типа что. Не видел.

— А Блед видел?

— А Блед много чего видел, вот как. Но не факт, что расскажет, — Дэш неосознанным движением поднес руку к груди, словно ища карман, в который убирал давеча полученную от Бледа ценную передачку-шкатулку, а потом, наткнувшись пальцами на броню, переместил ладонь на поясную сумку, тут же заметно успокаиваясь — видимо, искомый предмет прощупывался и был на месте.

— Думаешь, сколько нам придется ждать?

— А тут вот, брат, зависит от того, чем они там заняты были, вот как, — Пони снова облокотился о перила и зевнул, показывая совершенно нечеловеческие зубы в два ряда. Илья дернулся от удивления и тут же полез щупать языком собственный рот. Конечно же, и вправду, и у него самого тонкие, острые зубы располагались в два плотно прилегающих ряда. Это было так внезапно и так жутко, что Илья погрузился в это осознание едва ли не с головой, и даже не сакцентировался на том, что там дальше Пони вещал. Как он раньше-то не заметил? Времени, что ли, не было изучать свои новые физиологические особенности? Ладно зубы, а что еще у него тут не в привычном количестве?!

— Если, к примеру, спали, то тут просто: проснулись вот, встали, побежали. Если еще какое просто-дело, то тоже. А вот если, например, там как вроде прием, посольство или еще какая ересь, то поди ж сбежи-то.

Несмотря на то, что Илья пялился внутрь беседки, сначала был, все-таки звук: он услышал, как чьи-то ноги коснулись пола, и только потом слои воздуха раздвинулись, выталкивая изнутри две в некоторой степени знакомые фигуры. Илья успел пнуть Пони, привлекая его внимание, и тот успел обернуться, и две противоборствующие команды несколько недоверчиво уставились друг на друга. Молчанка продолжалась не меньше минуты, но потом Аилис откашлялся и заговорил:

— Орм был уверен, что вы не решитесь, поэтому мы не очень-то и ждали. Так что извините за опоздание.

— Орм?.. — Илья перевел взгляд с одного на другого.

Шторм поморщился, и Аэлис махнул в его сторону.

— Конечно же, вы знакомы с Ормом.

— Как-то не случалось, вроде как, быть познакомленными, — усмехнулся Пони, изучая каждого их них так пристально, словно в глазах у него был попиксельный сканер. Шторм ответил ему взглядом повышенной льдистости, а Илью словно обходил: видимо, их с Аилисом похожесть при нахождении рядом чем-то мешала.

— Это Орм, — Аилис кивнул в сторону своего спутника. — А я Аэлис. Князь Черной земли и Золотой воды.

— Что означает, брат, — вставил Пони. — Что Златоток, вроде как, его место. Это чтоб ты знал хоть что из географии. Топографии? Э?

— И то, и то, — рассудил Илья и ответил любезностью на любезность. — Меня зовут Илья, и я не князь ничего. В общем-то, просто студент. А это Дэш, он же Пони. Он утверждает, что он брони, но не факт, потому что плут.

— А факт, что я — Зверь Глад, вот как, — подтвердил Пони, ощеривая в доброжелательной улыбке свои зубищи.

— Об этом мы догадались, — сухо подтвердил Аилис. — Орм — Зверь Войны.

Пони резко перестал улыбаться. Его подвижное лицо, куда более темное здесь, в

Третий землях, закаменело, словно покрываясь слоем черного мрамора.

— Вот ведь значит как, да, — сказал он, явно напрягаясь. Даже анемоновые волосы стали разрастаться назад, формируя зачатки крыльев. — Поньи сиськи.

— Погоди, — явно делая над собой усилие, попросил Аилис, зато Шторм, или Орм, как его, оказывается, звали успел вытащить свой адский меч и замер в ожидании только от слов своего товарища. — Мы успеем подраться и потом. Я пытаюсь... поговорить.

— О чем, вроде, нам разговаривать-то? — Пони переступил с ноги на ногу, отводя немного назад руку. Илье с его точки зрения было видно, как перья волос удлиняются и сворачиваются в слабо светящийся кистень. — Вроде как, и не о чем.

— И тебе не интересно, почему их двое? — внезапно сказал Шторм, до того хранивший молчание.

— Про доппельгангеров я, что ли, не читал, э? Совсем за дурака меня не держи, да? Какая ни есть глупость, а вся моя, чужой не над, — вызывающе ответил Пони, уже не тая оружие и делая шаг в сторону, видимо, чтобы при замахе не попасть в Илью. Это была прямо-таки трогательная забота, особенно с учетом того, что никаких толком средств самозащиты у того и вовсе не было. Он даже засунул руки в карманы, чтобышний раз убедиться, какой он болван и балбес, все на свете забывающий переложить куда надо. В одном кармане были монетки, какие-то железки, оставшаяся пластинка в салфетке, брелок, ключи, а вот во втором... во втором Илья с огромным чувством облегчения и мучительной признательности к Св нащупал самый настоящий перцовый баллончик. Не весть какая защита против зверей, приносящих конец света, но хоть что-то!

— Я — Зверь Мора, — вмешался Аилис, и Илья очень отчетливо вспомнил вопрос в своем сне и их синхронный ответ.

— Я — Зверь Мора, — неохотно сказал Илья, пристально глядя на своего двойника. — Но я не уверен, что такое вообще бывает.

— Бывает, — поморщился Аилис с явным неудовольствием.

— Ты сейчас мне сообщишь, что ты — мой потерянный брат-близнец? В лучших традициях Болливуда? — съязвил Илья.

— Кроме шуток, вот как, — отозвался Пони. — Это, вроде как, единственный вариант.

Илья удивленно воззрился на Аилиса, который явно чувствовал себя не в своей тарелке. Он видел на лице двойника очевидное смятение, сомнение, мучительное желание промолчать и не говорить ничего, и все эти выражения, или тени выражений он легко читал, потому что они были ему знакомы. Но близнец?.. Не слишком ли, даже для его родителей с их не самой грандиозной ответственностью за тех, кого они породили? И почему здесь, из всех возможных мест?

— Не потерянный, — сказал Аилис и снова замолчал, словно подбирая слова.

— Не потерянный, а съеденный, — ровно сказал Орм-Шторм.

— Кем съеденный? — не понял Илья, оглядывая Аилиса снова. Тот не выглядел не то, что съеденным — даже пожеванным. Вполне такой нормальный, немного так в стиле бохо. Только нормальное, настоящее бохо а-ля Джонни Депп, а не а-ля колхозный шик.

— Тобой, — коротко ответил снова Шторм. — Ты двоедушник.

— Чего? — не понял Илья и даже оторвал взгляд от противников, чтобы мельком взглянуть на Пони в поисках поддержки и разъяснений. Тот выглядел задумчивым.

— А, в общем-то, вроде как, и может быть. Поэтому ты и, прости, брат, слабоватый такой. Если ты двоедушник и вторая душа не с тобой, то ты, брат, вроде как, на полдуши

только сильный.

У Илья голова кругом пошла. Он качнулся назад, но успел переступить с ноги на ногу, удерживая себя от падения. Голова тут же стала словно пустой и ватной одновременно, и в ушах стоял низкий гул, даже не звон.

— Я никого не ел, — беспомощно сказал Илья. — По крайней мере, из людей.

— Вряд ли ты можешь это помнить, — нашел свой голос Аилис. — Это случилось до рождения. Ты знаешь биологию, я думаю, можешь себе представить, как случается поглощение одного эмбриона другим, и к каким патологиям это может привести. Третьи руки, третьи ноги. Вторые головы. Тебе ... повезло. Ты съел меня очень аккуратно. У тебя химеризм. И моя рука, например.

Илья, напрочь забывая про свои намерения защищаться баллончиком, словно прошибленный громом и молнией одновременно поднял обе руки, разглядывая их. Конечно, это была правая. Как иначе? Ведь на пороге именно она тогда напугала его до умопомрачения, став действовать сама по себе. Он помнил свой экзистенциальный ужас, когда конечность отказалась ему подчиниться, но, к счастью, последующие события были таким яркими и впечатляющими, что чистый кошмар этого запредельного опыта на Пороге немного стерся и изгладился в памяти.

— Ты пытался убить меня на Пороге, — сказал Илья вполголоса, поднимая взгляд на Аилиса. На своего ... брата? Своего злого близнеца, о котором он никогда не знал?..

— И десятки раз еще, — подтвердил тот, и голос его прозвучал, Илья готов был поклясться, виновато. — Но на Пороге, да, это был я. Мне удалось частично восстановить контроль над теми частями тебя, которые ты взял от меня. Мой злой близнец, отнявший у меня все. Отнявший у меня жизнь.

Это был основательный скелет в шкафу. В самом что ни на есть прямом значении этого выражения, только вот шкаф Илья носил с собой, вернее, сам и был этим злополучным шкафом.

— Это все какой-то бред, — помотал головой Илья, словно прочищая мысли. — не может всего этого быть. Если я тобой, по твоим словам, закусил еще до рождения, то что ты тут вообще делаешь? Тебя не существует. Я тебя съел, все, конец игры.

Аилис невесело улыбнулся краем рта, а Орм, не убирая меч, тем не менее сменил позу, встав явно расслабленной, не в боевой стойке, а просто ожидая, что будет дальше.

— Вообще-то, брат, он, пожалуй, считается живым, пока ты живой, — рассудил Пони таким расслабленным тоном, что Илья даже полуобернулся, чтобы глянуть на него. Тот стоял, облокотившись филейной частью на парапет, и широкие светящиеся крылья из световых лучей щедро простирались в обе стороны от него, словно стоящие дыбом волосы. Впрочем, если подумать, это и были, на самом деле, волосы.

— Конкретней, пожалуйста.

— Чего того конкретней-то. Чем дальше от Первых Земель, тем меньше реально то, что реально там. Ну, и наоборот.

— Может, и эти ваши фаэ на самом деле — души невинно сожженных младенцев? — поинтересовался Илья, продолжая с подозрением коситься на Аилиса.

— Нет, они тут просто живут. А души, все-таки, надо искать где-то в другом месте. Тут есть дом только для таких, как я, кто каким-то образом продолжает жить в Первых Землях, но не может занять свое тело.

— Это мое тело, — с выражением сказал Илья, особенно выделяя слово “мое”. — Давай

на этом остановимся.

— Частично — мое. И однажды я дождусь того, что смогу его занять.

— Это, например, когда? — уточнил Илья.

— Это, например, когда твоя душа отлетит, и ты сам умрешь. А тело останется.

— Именно так вторые души двоедушники и делают. — авторитетно заявил Пони. — Но Обычно они, вроде как, в основном, вылезают, когда первый без сознания или спит.

— Час от часу не легче, — вздохнул Илья. Это он что, так некрепко спит, что все равно, что не спит? Иначе Аилис гулял бы по ночам, пугая Св приступами разумного лунатизма. — Эй, стоп. Ну-ка, говори, что ты успел наделать в моем доме!

— Для начала, это и мой дом тоже, — с достоинством отозвался Аилис, но потом поморщился. — Да у тебя там попробуй сделай хоть что-то. Даже за компьютером толком не посидеть, везде пароли, и они не записаны нигде.

— И никогда не были, — гордо подтвердил Илья. — А зачем это тебе мой компьютер? Зачем вам сдался я — мне понятно. Шторм встретил твоего двойника, то есть меня, все понял, всю эту запредельную мистическую чушь, и стал пытаться меня прибить, чтобы отдать тебе мою тушку. А комп-то тебе зачем?

— На Третьих землях этого нет, — признал Аилис. — А я хочу выучить php.

— И у тебя будет уйма времени, когда мы его убьем, — вставил Орм-Шторм.

— Постройте уже тут электростанцию на своей гневной тяге, сделайте свой Интернет с шахматами и дамами, и живите тут долго и счастливо, — отмахнулся Илья, испытывая смутное раздражение от непонятной, невнятной ситуации, неловкость которой все возрастала. Впору суперкота о помощи просить, чтобы из нее выбраться! А уж думать о том, что кто-то в его теле бродил по его комнате в его отсутствие (и, возможно, находил то, что никому находить не позволено!), была и вовсе запредельно гадкой. Впрочем, отношение Ильи к его правой руке тоже уже грозило никогда не стать прежним. — В общем, это все очень интересно, но не продуктивно. Даже если все именно так, как ты говоришь, я не виноват в том, что родился. И добровольно умирать, чтобы дать тебе дорогу, не собираюсь.

Аилис кривовато улыбнулся, но, по крайней мере, это была не злобная ухмылка, а скорее, отражение давно переживаемых мыслей и боли.

— Так что, вероятно, наш разговор бесполезен, — добавил Илья, внимательно наблюдая за выражением его лица.

— В общем-то, — знакомо наморщил лоб Аилис. — Я не совсем за этим вас позвал.

— А что, э, чаю попить? Так пусть несут чай. С пончиками, вот, желательно, — покивал Пони.

— Нет, — сдержанно ответил Аилис. — Дело не в пончиках. Я хочу попросить вас подумать, оглянуться вокруг и перестать пытаться разбудить всадников.

Илья внимательно посмотрел на него, потом рискнул обернуться, чтобы бросить вопрошающий взгляд на Пони. Тот выглядел не менее озадаченным.

— Это ты, вроде как, про что сейчас, как-то?

— Полтора зверя против полтора, — пересчитал Аилис, по очереди оглядывая своих противников с такой остротой, что Илья почувствовал себя пришилиленным. Неужели он сам тоже так может? Вот так, чтоб прям прошибло до мурашек от выражения и эмоции в глазах? Надо потренироваться перед зеркалом. — Я не склонен к иллюзиям, и прекрасно понимаю, что когда-то вы можете успеть обогнать нас и разбудить всадника. И тогда миру придет конец — в самом деле конец. И вам вместе с ним. Никакой новой жизни, никаких больше

надежд, никакого блаженства. Что бы там вам не обещали, этого не будет. Ничего не будет. Просто — ничего.

Илья уставился на него с непониманием, но Аилис был предельно серьезен, и Орм-Шторм возвышался рядом с ним с таким мрачным и бесчувственным лицом, что сразу становилось ясно — не шутят нифига. Оглядывание вбок и назад подсказало, что Пони недоумекает ничуть не меньше самого Ильи: он даже отлип от перил и сложил руки на груди, став похожим на какого-нибудь скорбного и очень черного ангела.

— Это вы, вроде как, всерьез, что ли? — уточнил Дэш.

— А что ты думаешь? — скривился Аилис, и верхняя губа у него немного дрогнула, словно у оскалившегося зверя. У Ильи был точно такой же тик, и, хоть это и выглядело не привлекательно, для него это показалось даже милым. Потому что пусть стременькое, но свое, родное. — Думаешь, мир кончится, а вы, как герои конца, останетесь? Нет уж. Погибнет все и целиком, до самого основания, как тот гребаный Армадон. Только вот свалить куда-то получится, разве что, с Первых земель. То, что лежит ниже, все народы Третьих и все остальное — все обречены.

— Ну, в общем, так и есть, приятель, — осторожно сказал Пони. Илья отметил это “приятель”: не “брат”, но социальный статус Аилиса, кажется, начал медленно идти в рост в глазах Дэша. — Все кончится, совсем все, как-то так вот.

— И ты этого хочешь? — впился в него глазами Аилис, напрягаясь так, что Шторм даже сменил позу, переступая в другую позицию и почти что напружиниваясь в ожидании атаки. Почти, но не совсем, словно он не получил окончательного сигнала к бою, но с секунды на секунду его ожидал. Кажется, лидером в этой команде напарников был именно Аилис, а Орм предпочитал делать, что ему говорят. Странно, а вот с Ильей и Пони ситуация была обратной. Или же это потому, что опыт и знания Дэша драматически превосходили возможности Ильи?

— Да вот, приятель, как выходит, мы-то как раз и не хотим, — очень степенно сказал Пони, явно проводя переоценку активов и событий. Илье было все это странно: Дэш говорил ему, да, в общем-то, похоже и сам верил в то, что их цель — не дать всадникам пробудиться, а тут выходит, что Шторм и Аилис считали их действия направленным на Конец Света? — А вы как насчет этого?

— Насчет этого, — медленно сказал Аилис, бросив короткий взгляд на Шторма, словно в поисках поддержки. — Мы оба, я и Орм, поклялись предотвратить Конец Света, остановив Всадников до пробуждения. Я не могу покинуть Третьи Земли, пока Илья в сознании, и поэтому, по большей части, Орм был вынужден действовать самостоятельно. Он пытался защитить от пробуждения потенциального Всадника Мора, но вы двое ему мешали.

— И кого это вы считаете Всадником Мора? — поинтересовался Илья. — Не Порываеву ли Алену?

— Ты ее знаешь, — прокомментировал Аилис, переводя нервирующий Илью взгляд на него. — Значит, знаешь, о чем я говорю.

— Только вот кто вам сказал, что она Всадник? — нахмурился Илья. — От нее нет нужной песни, как от настоящего Всадника, да и вообще.

— Я написал парсер, — помолчав, признал Аилис, кажется, кусая изнутри губу. Илья тоже так делал в минуты особо печальных раздумий (особенно часто, пока Пони не научил его переваривать проблемы с шаурмой). — Он искал профили в соцсетях с заданными характеристиками. Все, что увеличивает шансы быть Всадником, но, главное — текст. Те

мысли, идеи, которые она транслирует в мир. Алена подходила, прекрасно подходила. У нее есть это: она живет в мире идей, ненавидя мир реальный, она концентрируется на них так, что ничему другому не остается место. Она чувствовала себя прогрессивно все хуже, тон ее сообщений был все отчаянней. Предательство друзей, невозможность жить с родителями, их непонимание. Она больна, но они все равно гнали ее работать.

Илья скривился и потер лоб. Сама идея с парсером была чудесной — собственно, у него была такая же, но первое, с чем он столкнулся — это полная несхожесть того, что постила сети Война с бесконечным словесным потоком всегда страдающей Алены.

— Тебе знакомо понятие демонстративности? — осторожно уточнил он.

— Что ты имеешь ввиду?

— То, что можно образцово-показательно страдать, но не иметь для этого реальных поводов. Ты читал ее? Ее посты, от и до, не просматривая, не проглядывая, а вчитываясь? Желательно, хотя бы на год назад. И с комментариями.

— Она давно несчастна, и это накапливается, — уверенно заявил Аилис, не понимая, куда это Илья клонит.

— Если бы она обладала силой Всадника, ее бы уже сорвало давным-давно, — не согласился Илья. — А Всадники по ерунде не страдают, иначе бы у нас каждый день Конец Света приключался. Так, Дэш?

— Да вот как-то примерно так, брат, — подтвердил Пони, и в его голосе Илье послышался отзвук уважения. — Молодец, э, не зря я тебя учил. А, может, ты сам такой умный. Но ничего, и брата твоего научим, и этого красного тунеядца, вот.

— Почему это тунеядца? — возмутился Аилис, ощутимо ошестинившись. Даже два ряда зубов стали как-то острее.

— Так ему из Зверей в этом мире лучше всех, — пожал плечами Илья и оглянулся на Пони в поисках адекватного объяснения.

— Война-то остановлена, э. Сама себя остановила, и вот, — с готовностью отозвался тот, будучи мастером объяснять все простыми словами с добавлением “вроде как”, “вот так вот” и “э”.

Орм наклонил голову набок, и его неподвижное, от этого кажущееся восковым лицо даже приобрело оттенок выражения.

— Она?.. — начал было он, но запнулся, крупно вздрагивая. Через секунду его начала бить такая дрожь, что зубы выстукивали рваный ритм, но что Илье, что Аилису было не до того. Оба они синхронно, совершенно одинаковым движением схватились за головы, затыкая уши, пытаясь пережить шквал звука, бьющий снаружи и изнутри. Это было похоже на крик беньши, протяжный и яростный, полный страха отчаяния, но больше — чистой, сублимированной боли. Вой длился и длился, Илья буквально чувствовал, как в его голове разрываются нейронные связи и орут в агонии нервные клетки, как лопаются сосуды в глазах, по рукам у него текла кровь, заливая лицо и одежду, пачкая Дэша, который с первым же тактом этой задачи бросился к нему, пытаясь то ли поддержать, то ли удержать, то ли ничего не понимая и пытаясь спросить, что случилось. Но, в любом случае, Илья ничего кроме нечеловеческого воя не слышал, да и не видел ничего зарывающей голову болью. А потом что-то случилось: его дернуло вбок, вверх, уронило наземь, и боль и вой хоть и не исчезли, но стали ощутимо слабее, словно отдалившись в пространстве. Или, может быть, времени?

Илья осознал себя, нашел обратно: он стоял на коленях на земле, в самой что ни есть

грязи, пачкая джинсы еще больше, во дворе приснопамятной дачки, и Пони наклонялся к нему, без конца спрашивая:

— Ты как? Ну, ты как, брат, ты в порядке, брат, э?..

Глава 9, в которой мир все-таки спасают, даже два раза

Илья отнял от головы руки, едва не полностью залитые кровью, и вытер рукавом куртки лицо, отвлеченно отмечая, что на ткани тоже остался широкий кровавый след. Но почему-то все это казалось далеко не таким ужасным, как все еще звучащий в ушах ужасный звук.

— Чт..? — беспомощно спросил Илья, не попадая ни губами, ни языком в нужную артикуляцию, чтобы сказать что-то нормальное.

— Какая-то жопа стряслась, вроде как, — с явным неудовольствием пояснил Дэш, и у него даже веко немного дергалось, чего за ним раньше замечено не было, даже в самых опасных ситуациях. — Но это не из-за тех, вот ведь как. Они там тоже того. Но, ты уж прости, брат, я их тащить оттуда не стал. Да и этого вот Аилиса, который такой вот, не получилось бы.

— Да, — смог выговорить Илья. Хотя что “да”-то? — Ты. Оно. Что это может быть?

— Всадник, — лаконично отозвался Пони и пощупал под одеждой штатулку, что его, кажется, немного успокоило. По крайней мере, на вид он немного повеселел, и даже протянул Илье найденную в кармане влажную салфетку из куриного фастфуда. Впрочем, следующие его слова опечалили Илью просто дальше некуда как. — Просыпается, вот как. У нас, как будто бы, времени совсем маловато, чтобы его, ее найти и того. Умиротворить.

— Те двое, — Илья яростно потер щеку салфеткой, собирая начавшую засыхать кровь. — Считали, что это Порываева.

— Ты сам-то думаешь как, она? — поинтересовался Пони.

— Нет, — губы Ильи сошлись в одну упрямую линию. — Она нытик, а не всадник. Война совсем другая.

— Ну, брат, вот тебе и ответ такой вот. Значит, не она. Потому что, вот ты подумай, мы теперь знаем, что ищем всадника Мора. И если ты ее лицом к лицу за всадника не признал, то и нет. Не она, ни разу.

— Почему ты так уверен, что ищем Мора? — Илья скомкал салфетку и еще раз провел ей по подбородку. Кажется, видок у него был еще тот.

— Потому что, брат, сам что ли, не понял? Шибануло сильнее тебя и Аилиса того этого. Шторма вот прикрючило, да, но вот он уже начал выравниваться, когда я тебя утащил. А меня почти и не затронуло.

— А Шторма то с какой стати, если это был Мор?

— А Шторма вот Война звала, я думаю. Она почувяла тоже, наверное, что Мор просыпается.

— Бред какой, — Илья собрался было выкинуть кровавую бумажку на пол, но передумал. Это было некультурно. — Спорим я Маше позвоню, а там все хорошо? А Шторм просто придурок, и его трясло потому, что переел тетешек или какашек фей. Или что там в ваших Третьих землях курить принято?

— В Третьих землях курить вообще не принято, брат, вот как. А вот Войне позвонить — это хорошая мысль, это ты молодец.

— Отсталые люди, сразу видно, раз прямо таки и курить не принято, — Илья немного дрожащей от воспоминания о боли рукой достал телефон и, найдя недавно обретенный телефон Маши, нажал вызов. Он не успел даже “мяу” сказать, как она подняла трубку, но тут

же подумал, что, может, звонить и вовсе не стоило, потому что Маша рыдала, причем рыдала так, что даже слова еле пробивались сквозь всхлипывания.

— Машка, — растерянно позвал он. — Машка, ты чего? Что случилось? Обидел кто? Что стряслось-то? Да что там, Маш? Все живы?

— И-и-и-и, — потянула она, но снова возрыдала. Пони, чуть ли не прижимающийся ухом к телефону с другой стороны, яростно жестикулировал о чем-то, но Илья никак не мог взять в толк. Все это “мальчик жестами объяснил, что его зовут Хуан” для него были тяжелы в восприятии. — Иии-илья-аааа, — продолжила плакать Маша, но первое слово, видимо, пробило плотину. — У т-тебя Светка, Светка твоя, она же в полиции? Она может, я не знаю, — Война громко всхлипнула. — Может она сказать там, чтобы правда искали, и сейчас искали, потому что, — она икнула. — Потому что я звонила в полицию, а мне сказали в отделение, заявление, ыииии, — съехала она на короткий припадок воя.

— Да что случилось-то, Маш? Св в полиции. Я ей позвоню, только скажи, что стряслось? — Илья начинал волноваться. Маша и в школе была твердолобой упрямой скалой, и в недавнем общении проявила себя как исключительно спокойная девица, а сейчас это было просто слезливое шоу какое-то.

— Натку, Натку по-похи, похитили, — выдавила она.

— Как это похитили, — опешил Илья, прислоняясь спиной к стенке “гаражика”, потому что голова резко закружилась от сюрреализма и сосущего холода внутри.

— В ма-машину за-запах-пихнули и увезли, почти внятно ответила Маша. — Я кусок номера запомнила. Но он грязный был. Ну и, это ауди, черная, черная-черная ауди, и номер там 675. Или 756. Какой-то такой.

— Ты-то как сама, — холодея еще больше и почти мертвым голосом спросил Илья.

— Я не успела, не успела, — заревела Маша снова. — Они думали, она там просто гуляет. Она там обычно гуляет после инста, но мы встретиться договорились, а я, а я пришла, а там, и она кричать начала, но ее засунули туда, и...

— Кто это мог сделать, — сказал Илья, чувствуя, как всплывают в памяти и плавают, как овощи в супе, в голове все указания Св на случай похищений. Но дистанционно передать их Нате он, к сожалению, не мог.

— Это из-за парня ее. Я думаю из-за него. Он бизнесмен. Помнишь, проблемы? Вот проблемы. Они там бизнес делят. Я думаю, могли. Могли же?

— Фамилию и имя парня знаешь? — ровно и спокойно уточнил Илья, хотя внутри уже все куда-то бежало. В том числе, бить рожу такому-сякому парню, если это из-за него. Впрочем, если не из-за него — тоже. Не уберег же!

— Климов. Андрей. Не знаю отчество. Парень он, условно очень, дяденька он. Он постарше нас. Лет тридцать, может. Мы его с Сашкой Питон Питоныч называем. У него глаза такие, как будто белые. На фотках радужки вообще не видно.

— В какую сторону они поехали, ты запомнила?

— У меня топографический кретинизм, — коротко пожаловалась Маша и ненадолго замолчала, видимо, оглядываясь по сторонам. — Я не поручусь, что они потом не развернулись, но они поехали в сторону из Москвы по Севаку.

— Я понял, — отозвался Илья, фиксируя все это в памяти так, что даже больно было. — Маш, ты давай резко домой. Сейчас же. Никаких самостоятельных розысков, никакого героизма. Жди звонка, я дам твои контакты Св, чтобы она передала куда надо. Найдем Нату, даже не сомневайся. Ты все очень хорошо запомнила, молодец, что не попала сама. Все

будет хорошо. Ладно? Ты мне веришь?

— Тебе я верю, — всхлипнула Маша, оставляя висеть недосказанным, кому же она не верила.

— Давай домой и осторожней сама, — еще раз предупредил Илья. — Тебе позвонят. Я сейчас все передам Св, и поиски начнут. Точно тебе говорю.

— Ну и что там вышло брат, э? — не выдержал Дэш в ту же секунду, как Илья нажал отбой.

— Ничего, чего ты бы не подслушал, — огрызнулся Илья и начал звонить сестре. Излагая “материалы дела”, Илья волновался все больше, и Дэш, кажется, все-таки слушал что-то новое для себя, потому что изрядно посуровел на вид. Нервное возбуждение и боль в голове от беспрестанного звука, который так и не желал уходить, были такими сильными, что Илье безумно хотелось что-то делать, бежать, а вовсе не выслушивать нотации от Св.

— Слышишь меня, ты? Никакого геройства, — внушала ему сестра практически теми же словами, как он сам увещевал Машу пару минут назад. — Никаких самостоятельных розысков. У них вполне может быть настоящее оружие, и тебе, с твоим вечным “ствол где-то внизу рюкзака” лезть вообще противопоказано. Я сама разберусь. Я поняла, что дело серьезное, я все сделаю, чтобы искать начали сразу. Ты меня слышал?

— Угу.

- “Угу”, - передразнила его девушка. — Все с тобой ясно. Сейчас дяде позвоню, чтоб тебя припахал. Не хватало мне еще из-за тебя беспокоиться. Отбой!

— Брат, э, — снова начал Пони, когда Илья закончил разговор и просто стоял, глядя на телефон в руке. — Нам бы Всадника искать бы. Вот как.

— Не знаю, как ты, а я должен Натю искать, а не какого-то там всадника, — сказал Илья таким спокойным голосом, что делалось страшно самому.

— И как ты искать собираешься, да?

— Они поехали на юг по Севаку. Это сюда, в нашем направлении.

— Э, брат, не факт, что они вообще их города выехали. Или что по МКАДу в эту сторону поехали. Тут, брат, как бы слишком много всяких “если”, - попытался увещевать его Пони, но Илья посмотрел на него с точно таким же непререкаемым упрямством, как на отца Пантелеймона.

— А если они едут в этом направлении? И я ничего не сделаю? Не попробую помочь? Я себе этого не прощу.

У Ильи бывали в жизни такие моменты, когда он просто упирался рогом в какую-нибудь глупость и продолжал давить, пока не реализовывал ее. Обычно результаты были совершенно никакими, и все силы тратились на совершенно эпическое “ничего”. Например, однажды Илье так стукнуло в голову, что если он поедет на лифте, то сто процентов застрянет именно сегодня. И в результате он, пыхтя и отдуваясь, полз на высокий восьмой этаж сталинки к другу Лехе пешком. Еще один грандиозный фейл пришелся на одну из чудных семейных поездок на дачу. Бывший за рулем Илья обнаружил в себе непреодолимое нежелание когда-либо сворачивать направо. Только налево. Конечно, это сильно осложнило прокладку пути до конечной цели маршрута. Конечно, именно сейчас, видимо, на стрессе или из-за чего-то еще, Илью приглючило снова. Две потребности, два равновеликих зова, смешиваясь с болью, тащили его вперед, в одном и том же направлении, требуя действия и еще раз действия, а не ожидания помощи от суперкота с его лапками.

— Я пошел, — Илья довытер рукавом лицо и, оглядевшись в поисках потенциальных

препятствий в виде вызванного Св отца Пантелеймона, пошел к калитке.

— Брат, э, это все безнадежно, ты сам не понимаешь, ну? — окликнул его Пони.

— Безнадежно, — согласился Илья, полуоборачиваясь. — Так ты со мной?

— Конечно, — с обреченностью подтвердил Дэш, шагая к нему.

Отец Пантелеймон настиг их поздновато. Илья как раз завел машину и начал разворачиваться, когда тот появился из-за поворота дачного проезда и деловитым шагом направился к ним.

— Илюша, — увещевал он на ходу. — Илюша, ты куда собрался? Выходи-ка из машинки, и друг твой пусть выходит, мы даже не поговорили еще как следует. Илюша!

“Илюша” дал по газам, чертыхаясь себе под нос. Дэш был готов поклясться, что по местным ухабам с такой скоростью еще никто не драпал: его трясло так, что он подозревал, что сейчас выплюнет желудок из носа, не иначе. А в крутой поворот-шпильку на выезде, да еще и слепой, Илья и вовсе вошел в управляемом заносе. К счастью, хоть он и был на гонках, в основном, штурманом, но водить научился раньше, чем кататься на роликах.

— Брат, ты ээ-э-э-э, — с перерывами от подпрыгиваний попробовал высказаться Пони. Одной рукой он вцепился в ручку над окном, второй — в торпеду, и ногами, кажется, уперся тоже, но его все равно бессовестно мотало. — Ты ээ-э-э-э, с ума сошел?

— Неа, — коротко ответил Илья, резко сбавляя ход перед началом очередного поселения, и потом моментально разгоняясь до неприличных скоростей снова.

— Кто тебя вот водить учил, ты!..

— Св, конечно, — Илья реагировал, отвечал, но все его внимание, на самом деле, принадлежало дороге и тому сильнейшему зову, тяге вперед, которые звали его так настойчиво, словно он в самом деле делал что-то правильное, что-то, ради чего родился или жил все свои годы на земле.

Неприятная вибрация в кармане дала знать о входящем звонке, и Илья, не отрывая взгляд от дороги, достал телефон и ткнул им в сторону Пони.

— На, — сказал он. — Назначаю тебя штурманом-секретарем!

Дэш принял телефон двумя пальцами, и посмотрел на него, как на что-то ядовитое.

— Это ты, брат, про что?

— Это я, брат, про то, — автоматически передразнил его Илья, потому что давно язык чесался. — Что ты отвечаешь за то, чтобы смотреть в мой телефон, пока я смотрю на дорогу, говорить, кто звонит и кто что пишет. Пин 3713.

Дэш еще раз одарил и его, и телефон подозрительными взглядами, но, пыхтя, аппарат разблокировал и, потыкав пальцем в экран, сообщил:

— Пропущенный, Св. И звонит сейчас неизвестный номер.

— Не поднимай. Св прозванивает с чужих номеров, если думает, что я злонамеренно не беру трубку.

— А вдруг у нее там вроде как новости? Про Нату твою, э?

— Это вряд ли так скоро. Она просто написала бы в сообщениях. Пишет что-нибудь, нет?

— Пишет, — подтвердил Пони. — Пишет, пишет...”подними трубу урод” она пишет.

— Значит, будет воспитывать, а этого нам сейчас не надо.

— Ну, брат, так может, в чем-то она и права? Что-то, — машина подпрыгнула на пригорке и пролетела, кажется, пару секунд не касаясь дорожного полотна. Дэш от этого потерял мысль, сглотнул и только потом сориентировался в своей голове снова. — Мало

шансов то тут, брат! Сплошное одно “если”, и ничего наверняка.

— Наверняка только смерть, и то не наверняка, когда, — отрезал Илья. — Так есть хотя бы какое-то “если”. Какой-то шанс. Не могу я сидеть и ждать!

Пони снова тяжело вздохнул и опустил глаза в телефон. Это было, хотя бы, не так страшно, как мелькающие мимо деревья и машины. Именно поэтому Дэш пропустил момент, когда Илья резко дернул головой вбок и практически зарычал, крутанув руль так, что машину развернуло едва не на все сто восемьдесят градусов. Их пронесло боком бесконечные длинные несколько метров, под раздраженное бибиканье соседей по дороге, под визг чужих и своих тормозов. Машина вошла в нужную Илье траекторию, и он снова ударил по газам, пересекая затормозивший от его маневров поток поперек, нагло, хамски, буквально напролом, устремляясь на обочину и по ней встречным ходом куда-то назад, в ту сторону откуда они приехали.

— Эй, брат, ты чего тут творишь, э?! — возмутился Дэш, вконец потерявший дыхание и уже почти готовившийся вильнуть на Порог, чтобы спасти свою и своего напарника-недоумка шкуру.

— Никогда так не делай, — прокомментировал Илья, практически не открывая рта. — Вообще никогда. Никогда-никогда, — он сжал зубы еще плотнее, едва не чувствуя, как они начинают поддаваться под напором, резко вырулил на примыкающую дорогу и рванул снова наперерез потоку, пересекая обе проезжих части под уже просто матерные вопли из окон резко тормозящих машин. Сегодня всем на этой дороге сильно не повезло: и в общем-то добрый и мягкий Илья был готов перед всеми ними извиниться и повиниться, но потом! Ей-богу, потом. Когда он поймает ту черную ауди с нужными номерами, ту самую, которая прямо на его глазах вильнула хвостом на съезд направо. И вот тогда совершенно плевать стало на то, что он едет на большой скорости в противоположном направлении, и что их разделяют два потока машин и отбойник, и на все наплевать: все решаемо, решаемо!.. И Илья, полагаясь на совершенно невероятное наитие и вбитые годами навыки, справился. Пролетев по обочине, он заложил вираж на двух колесах, сворачивая, и понесся вперед, по сразу же плохо вымощенной проселочной дороге. Пони был уверен, что если раньше преследуемые и не опасались погони, то сейчас наверняка должны были услышать что-то: бешеный рев двигателя, например, или ультразвуковой свист рассекаемого воздуха. Или, может, прерывистые вопли самого Дэша, звучащие чем-то вроде вопля бенши: “Не-т-т-т-ааааак-бы-бы-ыы-стро-о-о-о!”

— У них фора минуты в две, пока я там рулил, — совершенно спокойным и уверенным тоном отозвался Илья. — И ехали они не меньше сотни. Сейчас свернут куда-нибудь, и пиши пропало.

“Пиши” напомнило о телефоне, забытом в руках, и Пони поднес его к глазам, чтобы суметь разглядеть хоть что-нибудь.

— Твоя Св-св пи-ишет, что ввели-и план-перех-хват, — выдавил он между ухабами.

— Впереди какая-то деревня. Будем пролетать, посмотри название и напиши его Св. С комментарием, что я считаю, что где-то тут надо искать.

— Ты ув-уверен так, эээ? — невольно растянул последнее междометие Пони.

— Мне так кажется, — ровно и почти без эмоций в голосе отозвался Илья, которого все еще вела вперед словно незримая рука или подкрашенная квестом метка компаса. Сворачивающую в лес машину он больше почуял, чем увидел: между деревьев вдалеке почудилось черное, движущееся, и на ближайшем повороте, не раздумывая, Илья свернул

тоже. Дорога становилась все хуже, день все темнее, словно над ними веяли не только послеполуденные тучки, но и темные ветры из чужих земель, и уже не только Илья, но и Пони ощутил вполне различимый зов, влекущий неведомо куда.

— Зо-зовут нас, — Дэш уперся рукой в торпеду и посмотрел куда-то вбок, сквозь окно, на мелькающие, подпрыгивающие и сливающиеся в одно деревья.

— Поэтому надо успеть к Нате, — отозвался Илья. — А то потом, может, и не сможем.

— Ну ты во-от-от как скажешь сейчас, куда-да-да я денусь в такой вот глухова-аани со скорости 200 кило-лоло-ме-ме-метров в час?!

— Да едва ли сто двадцать, — не согласился Илья.

— А не пох-хрен ли-ли-ли? — философски заметил Дэш, и едва успел перенести вес на руку, как через метров двести после небольшого перекрестка Илья внезапно и безо всякого объявления войны затормозил.

Машина немного вильнула туда и сюда от резкого сброса скорости, но в итоге даже в кювет не съехала, просто красиво замерла на обочине, словно в кино. Пони, правда, было не до кинематографических эффектов: его едва не размазало по салону.

— А пристегиваться надо было, — прокомментировал Илья его разбитую губу. — Особенно если так страшно было.

— Чего мы встали-то, а, брат? — невнятно спросил Дэш.

— Дальше пешком. Они там где-то сбоку остановили машину.

— Откуда ты знаешь?

— Звука двигателя нет больше, и это не от отдаления. У меня хороший слух. Так что осторожно туда проберемся. Уточним. Скинем точные данные Св.

— А ну как сами попадемся?

— А вот если попадемся, то тут я уповаю на твои волшебные силы, — криво усмехнулся Илья. — Ну и вот на это немного, — он достал из бардачка пистолет в кобуре.

— Типа вот что, ствол, что ли? Настоящий?

— Травмат. Но если в глаз, то мало не покажется. Или в артерию.

— Это ты брат, думаю. сам понимаешь же, да? Что Св твоя права и против настоящего ствола шансов как бы вроде и нет.

— Поэтому я больше верю в то, что “дружба это чудо”, — криво улыбнулся Илья, но пистолет за пояс приладил.

— Брат, может, не надо? — еще раз попросил Пони, выходя вслед за ним из машины. — Нам бы Всадника искать. А то все вроде как зря будет, все розыски этой твоей Наты, потому что миру кирдык.

— Не вижу смысла спасать мир, если не спасу Нату, — отрезал Илья, заправляя волосы за уши, чтобы в глаза не лезли, и старательно оправляя одежду, чтобы ничего не пережимало, не болталось, не звенело и не развивалось при ходьбе. — Кроме того, есть еще те двое. Они так боялись, что мы помешаем им спасать мир, вот пусть и спасают. Мы точно не будем мешать.

Дэш покачал головой, но тяжело вздохнул, снял свою яркую курточку и вывернул наизнанку футболку, чтобы не светить ярким рисунком в кустах. Он был без оружия, и от этого чувствовал себя несколько нелепо в этой тактической операции, но что делать? Все равно основная надежда была на него и его способность вовремя соскочить на Порог. Илья в такой науке пока точно был практически бесполезен: у него пока было явно недостаточно практики. Зато, похоже, в ползании по кустам и выслеживании практика была: Илья

двигался плавно, уверенно и одновременно быстро, и практически бесшумно, к тому же, ориентируясь по одному ему слышимым звукам или приметам. Кажется, они пробирались сквозь подлесок не меньше получаса, пока не уперлись в забор, ограждающий крайний участок какого-то товарищества или отдельный охотничий домик. Если первое еще было нормально, то второе — из рук вон плохо, потому что в этом случае даже свидетелей не будет. Дэш открыл было рот, чтобы высказаться на этот счет, тактично и негромко, но Илья предупредительно поднял палец, прислушиваясь, и почесал вдоль забора. Он отчетливо слышал во дворе тихие мужские голоса, и был готов поклясться, что приглушенные вопли своей подружки — тоже. Он был практически уверен, но хотел увидеть, убедиться, и его все еще продолжало тянуть вперед, словно в груди у него была пустота, вакуум, и только то, что лежало впереди, могло заполнить эту дыру. Пони поотстал, но это к лучшему, он не умел тихо ходить в лесу, а в Илью эта способность была заколочена пластиковыми шариками и деревянными стрелами на полевых играх, поэтому он практически не опасался быть обнаруженным по производимому шуму.

— ... орет и орет, — пожаловался кто-то внутри территории участка. На удивление, глухая деревянная стена от угла сменялась сеткой-рабицей, и Илья путем нескольких коротких перебежек за кустами нашел неплохую точку обзора. — Может, вытащим из багажника? В погреб сунем и норм. Оттуда точно не слышно ничего.

— Эта сука мне запястье прокусила, хер я к ней подойду. Разве что хлороформом ее?

— Умный очень, что ли, где мы возьмем этот хлороформ? К фельдшеру придем и скажем — дайте, у нас тут дурная баба, надо утихомирить? Глупостей не пори, скрутим и все. Что, она одна всех перекусает, что ли?

— Ага, тебя не укусит, а меня цапнет. Пусть сидит там, надоеет ей орать когда-нить. Или может того, пристукнем уже ее? Не собираются ж ее в самом деле возвращать. Она ж нас видела.

— Дурак, что ли? Сначала на видео снимем, только Дрона дождемся, он с камерой.

— Ну, вот тогда и вытащим.

Илья то холодел, то его бросало в жар: одно дело смотреть на геройские приключения в кино или слушать наставления Св о том, как надо себя вести в тех или иных опасных ситуациях, а совсем другое — видеть и понимать, что все это происходит с тобой, вокруг тебя, и от тебя зависит чья-то жизнь, потому что ты знаешь значение деталей, и можешь примерно просчитать наперед, во что ситуация выльется.

И этот расчет Илье совершенно не нравился. Даже в чужих землях, во вполне серьезных сражениях так страшно не было, не было такого огромного, невероятного ощущения безысходности и опасности. Может, потому что там все было в совершенно других, фантастических декорациях, больше похожее на странный сон? Или потому что сам он там был не собой, а кем-то другим, более сильным, более храбрым? Илья не знал. Но знал, что должен что-то делать, иначе приедет неизвестный Дрон, Нату снимут на камеру с требованием выкупа и... избавятся от нее. Или потянут еще немного, но в итоге в живых оставить не смогут, потому что она видела их лица. Оставалось надеяться на то, что Св и ее коллеги успеют среагировать на его информацию, и кавалерия домчиться быстро. Наблюдая за неспешной беседой с покуриванием, Илья без конца повторял себе, что нет, нельзя вмешиваться, их как минимум двое, и еще этот ожидаемый “Дрон”, и неизвестно сколько еще в доме, и не понятно какое у них оружие, и какой уровень подготовки. Конечно, чтобы запихнуть в багажник невысокую и не очень спортивную девицу, много подготовки не

нужно, но и Илья не Джон Рембо. В настоящем мире финт с одним против толпы проходит только в том случае, если у этого одного — автомат Калашникова, а у толпы ничего. И то затоптать могут, ценой неизбежных потерь. Поэтому ничего делать было нельзя, и это было ужасно.

Пока не стало еще ужаснее. Илья успел услышать приглушенный звук, словно кто-то двигался сзади него. Даже не звук шага, и не треск ветки под ногой, просто смутное, смазанное ощущение присутствия. Это мог быть Пони. А, может, и нет. Илья начал осторожно разворачиваться, медленно, чтобы его по движению не засекли наблюдатели через рабицу, и тут сначала резко зазвенело в ушах, а потом мир мигнул и вогнулся, вытянулся, становясь совершенно плоским. Это не было похоже на Порог, или на Третьи земли, или еще на какую-то уже посещенную метафизическую хрень, хотя бы потому, что мир не был выпуклым. Он был плоским: бесконечный лист, сотканный из разноцветных ромбов, и Илья был внутри него и на нем белым маленьким шариком, который отчаянно пытался найти свое трехмерное существование в двухмерном мире. Он рвался и рвался наружу, ограниченный системой координат, и не мог понять ни кто он, ни что он, ни как сюда попал. А потом отчаянный белый шарик внезапно вспомнил, что уже один раз терял память, и этого оказалось достаточно, чтобы пробить ромбовый мир насквозь, и вылететь с другой стороны, резко возвращаясь в реальный мир. В этот же момент Илья подумал, что лучше быть шариком среди ромбиков, чем вот так вот очнуться, как он. Он думал, такое только в кино бывает, когда главный герой приходит в себя в кольце врагов, с оружием в руках, но нет: оказывается, с ним такое может случиться, и даже понятно было, как и почему. Воспоминание о Аилисе мелькнуло и пропало, оставив легкое раздражение и замешательство. Ладно хоть если он в самом деле главный герой, то, может, у него есть шансы на выживание?.. Иначе он не дал бы за свою жизнь сейчас и ломаного гроша. А еще вокруг был звук: бесконечное колебание на одной ноте, словно зажатая клавиша синтезатора, душащий, болезненный звук, который приглушился было от возвращения на Первые земли, а теперь снова стал заполняющим, бьющим в барабанные перепонки. И слышал его, кажется, не один лишь Илья, потому что его противники, все трое, досадливо морщились, бросая косые короткие взгляды на багажник той самой черной ауди.

— Пушку брось, — посоветовал Илье первый, который жаловался на вопли Наты чуть раньше. — И мы тебя просто отпустим. Как тебе?

— Не очень, — отозвался Илья. — Как-то слишком щедро звучит.

— Да мы вообще парни щедрые, — продолжил первый, и Илья насторожился, приглядываясь к остальным двум. Похоже, ему решили заговорить зубы, пока будут исполнять какой-то свой план. Кто-то зайдет с тыла? Что же, на затылке у Ильи глаз не было. — Давай по хорошему разойдемся, мы тебя не видели, ты нас не видел. Только вот пушку оставь.

На заборе позади третьего внезапно появился Шторм. Не было, не было, и вдруг — раз, и есть. Совершенно не слышно на фоне нечеловеческого ора на одной ноте, который не прерывался даже ради дыхания, и очень удачно не отбрасывая внутрь участка тени, потому что солнце светило в другую сторону.

— Меня сестра заругает, если я вернусь без подотчетного ствола, — сообщил Илья, даже не пытаясь сделать вид, что шутит и стараясь не выдавать присутствия Орма пристальными взглядами. А тот продолжал сидеть, и красные полы плаща свисали вниз, словно яркие птичьи перья. — Поэтому извините. Без ствола мне уйти никак нельзя.

— Что, лучше вообще не уйти? — угрожающе ставил второй.

— Проще умереть, — процитировал Илья. Выстрел раздался внезапно, и стрелял первый, которого Илья уже записал было в убалтыватели. Промахнуться с такого расстояния было сложно, и Илья даже испугаться не успел, вот только пуля словно обогнула его, или он раздвоился вокруг пули, и очень остро ощутил в этот момент присутствие Аилиса, даже не рядом, а тут, с ним, внутри него. Это было ободряющее, уверенное касание, толчок руки, похлопывание по плечу. От этого словно время на секунду замерло, позволяя Илье поднять руки чуть выше и прицелиться лучше, и тут же пошло с нормальной скоростью, как только он выстрелил. И в ту же секунду Орм сорвался со своего насеста в красивом, отрицающем гравитацию прыжке, и приземлился на плечи третьего, сшибая его с ног и валя на землю. Илья же стрелял в своего противника наверняка — в лицо, в глаз, как учила Св, потому что сейчас надо было не пугать, не злить дополнительной болью, а свалить с ног, обезвредить, и именно это и получилось. Заливаясь кровью, тот упал, прижимая руки к лицу и истошно вопя так, что едва не перекрывал сверхъестественный вой, и к последнему врагу, растерянно вертящему стволом с Ильи на Орма и обратно, они двое повернулись одновременно, оба злые, едва не оскаленные, и Илья готов был поклясться, что у них обоих ненароком отросло по второму ряду зубов. Незапланированная психологическая атака удалась: оставшись в одиночку против двоих, последний похититель начисто забыл про необходимость спасать товарищей и ломанулся к калитке, продолжая на всякий случай угрожать наставленным оружием. Стоило ему, впрочем, открыть засов и начать осторожно выходить наружу, как калитка зажила собственной жизнью и, вырвавшись у него из рук, крепко приложила его по затылку. После этого Пони аккуратно зашел, старательно притворил за собой дверь и на всякий случай еще раз приложил бандита головой о забор.

И тут, стоило было Илье открыть рот, чтобы не то поблагодарить товарищей, не то спросить, какого черта, как дикий вопль бенши внезапно сменился оглушительной после него тишиной, а потом раздался взрыв, багажник разворотило изнутри, и вместо взрывной волны по реальности вокруг побежала смутная рябь, от которой Илью не то, чтобы куда-то потащило, а словно вывернуло наизнанку так, что он начал смотреть глазами внутрь своей головы, и там вместо не сильно помогающих ему мозгов был целый мир. Другой мир, не такой, как прежде. Вроде бы и забор, и дом, и останки машины были на месте, но небо здесь смотрело на них тысячами закрытых глаз вместо звезд, и солнце не светило, и вместо него по светлой дороге Млечного пути полз черный цветок с шевелящимися лепестками, а над ним, увеличиваясь в размерах с каждой секундой, сияла колючая серая звезда.

— Это что за блинский нафиг? — хмуро поинтересовался Илья.

— Мы опоздали, — тихо сказал Аилис его собственным голосом, стоя с ним совсем рядом, касаясь плеча плечом, рукой руки. Он появился из пустоты, словно был там всегда, на полшага позади и от этого вне поля зрения. От этого почему-то стало сразу попроще и не так страшно, хотя разве не должно быть страшно, когда все только-только усвоенные ограничения идут к чертям, и то, что никогда не должно появляться на Первых Землях, заходит сюда, как к себе домой. Или, может, это были уже не совсем первые Земли?..

— Опоздали “что”? — переспросил Илья, со смутным ужасом глядя на развороченную машину. Он сделал было шаг вперед, чтобы хотя бы посмотреть, что там с Натой, жива ли она вообще, но его схватили и удержали с двух сторон: с одной Аилис, с другой Пони, а из перекошенных останков багажника начало подниматься белое гало, в котором четко вырисовывалась, с каждым мигом все виднее и виднее в свете мертвой звезды, фигура

Всадника Мора, Чумы. Илья, конечно, никогда не видел такого живую, и это было совершенно не похоже на средневековые иллюстрации, но сомнений у него не возникло, перед ним, словно карта из потайного кармана, из раскуроченных внутренностей машины поднималась именно Чума, и никто другой, и лицо ее было лицом Наты, спокойным, умиротворенным. Глаза были закрыты, и одуванчиковые волосы светлым нимбом окружали ее голову. От Чумы исходило что-то вроде видимых потоков тумана или миазмов, которые дрожали и вибрировали, заставляя мир отзываться и местами покрываться трещинами. Илье казалось, что достаточно ударить посильнее, и от реальности отколется изрядный кусок.

— Ты скажешь мне, где искать ее, или же съем, — пообещала одна из семи голов. Она, вероятно, была главной, потому что на ней было аккурат три короны, а на остальных — по одной.

— Отстань, — вернее, бледный бесхвостный сказал другое слово, но я его повторять не буду. Голос у него был усталый и злой, но больше, все-таки, усталый, словно сцена повторялась уже много раз.

— Тогда съем, — сказал дракон, и одна из его голов, извернув длинную шею, тяпнула Бледа за бок, с неприятным звуком вырывая из него кусок мяса и демонстративно его хрупая прямо на глазах добычи.

— Да... подавись, — сказал Блед, глядя на своего пленителя с усталой ненавистью. Страшная рана в боку после несколько мгновений интенсивного кровотечения стала на глазах затягиваться, и главная голова дракона, пока боковая дожевывала, спросила снова:

— Ты скажешь мне, где искать ее, или же съем.

— Нафиг иди, — отозвался Блед обреченно.

Это было отвратительно и одновременно невероятно чарующе, и я бы посмотрел на сцену бесконечного цикла кормления еще пару десятков раз, но прибыла моя подмога, и пора было что-то делать, например, вести на храбрый бой свои когорты. От слова, конечно же, “коготь”.

Черпая вдохновение в идущих следом, я ступил вперед, потому что никак нельзя было позволить кому бы то ни было меня опередить в геройстве, и открыл рот, не подумав.

— Эй, червяк с бижутерией, — вежливо сказал я. — Мне Этот нужен по поручению, отойди, что ли.

Дракон обернулся ко мне двумя неглавными из семи голов, которые, впрочем, тут же повернулись обратно в надежде получить свой кусок от бледного бесхвостного. А вообще так, подумал я, неплохой план по кормежке. Бесконечная еда.

— Эй, шнурок-мутант, — сделал я вторую попытку привлечь его внимание. — Резко отошел от Этого, он нужен для дела.

На сей раз меня проигнорировали полностью, и это было уже обидно.

— Ну, да ладно, — вздохнул я, подобрался, встряхнулся и без дальнейших проволочек бросился в атаку, и за мной — я проверил — метнулись единой рваной волной серые тени. В финале длинного и красивого прыжка я приземлился в основание шей дракона и тут же принялся их яростно драть. Место было выбрано идеально: шеи не могли согнуться так, чтобы достать меня, на лапах и спине дракона повисло столько котов, что тот стал похож на кособокую кисть винограда, из которой торчит нелепая корневая система.

Я бы посмеялся, если бы было время, но приходилось напирать и налегать, пытаюсь проскрести тяжелые пластины. Они были мельче и пластичней на шеях, чем на остальной туше, но все равно упрямые, толстые.

Дракон орал, клацал многочисленными челюстями, неприлично брызгал токсичной слюной, которая прожигала все, на что попадала. У меня пострадал кончик хвоста! Это вам не шутки. Он скидывал то одного, то второго кота, но даже если в строй не возвращались те же, находились другие, отважно набрасываясь на огромного противника.

Смекнув, что по одному ему нас не стряхнуть, дракон внезапно с грохотом повалился на землю и начал кататься. Я удержался на своем месте, вцепившись когтями, во время падения, и тут же едва не пожалел об этом — да еще и в последний раз в жизни. Спасаясь, я, как и многие мои товарищи, выпустил добычу, которая оказалась сообразительнее многих, и отскочил в сторону, вздыбливая шерсть и подрагивая усами.

И что с ним делать таким? Не надкусили ли мы, наконец, такое зло, которое не в силах переварить, хотелось бы знать?

— Кот, — услышал я позади себя и обернулся, не забывая растопыривать локаторы в сторону катающегося по полу дракона.

Это звал меня Зверь Блед, конечно же. Вблизи он был куда более покусан, чем казалось издавека, и бледные, почти белые глаза смотрели на меня некомфортно прямо. Кожа у него была тонкая и белесая, и через нее просвечивали серебристо-белые капилляры, словно в его жилах текла не кровь, а белые чернила.

— Я — кот, — подтвердил я, подозревая, впрочем, что он не просто так констатирует, а изрекает какой-то план. Я был прав.

— Освободи меня. Я справлюсь с ним, если вы поможете.

Я критически осмотрел его цепи: они были не металлическими, а из, словно бы, толстых жил, и пахли невкусным мясом. Но, каким бы невкусным оно ни было, вероятно, его можно было прогрызть.

— Одной руки будет достаточно, — пообещал мне Блед.

— Постараюсь, — сказал я, просчитывая прыжок, и без разбега сиганул ему на плечи, становясь там во всю длину на задние лапы, чтобы дотянуться до его оков. Руки у зверя были длинные, даже меня еле хватало для того, чтобы дотянуться.

В самом деле, совсем не вкусно, и очень даже грустно. Это были, действительно, какие-то жилы, плотные, гладкие, упрямые, я грыз их и грыз, не забывая краем глаза наблюдать за драконом. Вряд ли бы ему понравилось то, что я делаю.

— Плотные, — пожаловался я, отплеываясь.

— Жилы Зверей, — сочувственно, как мне показалось, сказал Блед. — Крепче только их кости.

— Каких зверей? — уточнил я с набитым ртом, но и сам понял: речь шла не про просто зверей, а про таких же, как Блед, Этих. Этих, которые могли звать котов, ходить между мирами и делать другие вещи, обычно зарезервированные для хвостатых. У них своя война, своя битва, так говорила Двекошки? Если эти битвы включают таких вот драконов, как сейчас, то тут я точно готов уступить всю славу кому-нибудь. Век бы не сталкивался с такими врагами: да никто, наверное, и не поверит, что мы с эдакой штукой боролись аж на Четвертых Землях и остались в живых.

— Нас, — лаконично ответил Зверь, пристально следя за драконом. — Получается?

— Шуть-шуть, — буркнул я, яростно пережевывая противные на вкус жилы. И не

преминул пожаловаться. — Ёстко.

— Еще бы, — Блед вздохнул и сказал почти с гордостью. — Как минимум, тут Сандер, Зверь Голод, и Ким, Зверь Мор. Они сгнули где-то здесь, да и... что-то есть. Ощущение.

Я тактично не стал уточнять, пробовал ли Зверь эту пададь на вкус.

Жилы медленно поддавались. Наверное, слишком медленно, потому что вместе с тем, как я рвал их зубами, Блед начал судорожно дергать рукой, пытаясь высвободиться. Я мельком глянул на дракона — что ж, в самом деле пора было не только рукой дрыгать, но и драпать отсюда, потому что парочка огромных пастей надвигалась прямо таки на нас, ничуть не стесняясь того факта, что несло от них даже не помойкой, а застоявшимся кошачьим туалетом.

— Быстрее, — с оттенком отчаяния попросил Блед.

Нет, не успеть никак, но в нечестные игры могут играть и двое.

Я примерился и легко взлетел всей своей немалой длиной на жилу, повисая на когтях, и, стоило драконьей голове метнуться ко мне, чтобы схватить, сиганул на вторую жилу, раскачиваясь и истошно вопя. Зубы клацнули напрасно. Но не впустую — нет. Именно напрасно, потому что сомкнулись на жиле, перекусывая ее, и Блед, рванув руку вниз, дорвал оставшиеся волокна.

В этот момент, отвечая на мой зов, все оставшиеся тенекоты бросились в атаку снова, отвлекая как можно больше голов дракона, а Блед, раскачиваясь на оставшейся жиле, качая меня вместе с ней, раз за разом встряхивал свободную руку, словно пытаясь вытряхнуть из ножа нужное лезвие. Видимо, что-то шло не совсем по плану, но мой лично план пока состоял в том, чтобы висеть и орать, а это у меня получалось чудесно. Дракон, правда, не торопился помочь мне своими зубами еще разок, но кот же может попробовать!

Бледу, наконец, повезло. Его рука перешла в какое-то новое состояние, став плотным, растекающимся по краям туманом, и он рубанул торчащим из нее полупрозрачным клинком по второй жиле.

Кто-то вскрикнул вдалеке, исчезая или умирая, а я сиганул прочь, чтобы не задело. Наш бесхвостный соратник быстро разделался с остальными оковами, крутанул вокруг обеих рук призрачные клинки и весело махнул дракону.

— Эй ты! Как насчет противника твоего роста? — дезко поинтересовался он, щуря свои блеклые гляделки, словно настоящий кот. Правда, задумался я, ростом до дракона даже ему было далеко.

Дракон, кажется, шутку совсем не оценил. Не обращая внимания на облепивших его тенекотов, он метнулся вперед, щелкая хвостом и норовя всеми головами окружить своего противника и как-нибудь, но надкусить. Впрочем, то ли у Бледа было время, чтобы обдумать прошлую неудачу и сделать правильные выводы, то ли ситуация в целом была лучше, но он легко оттолкнулся от земли, одновременно во все стороны, становясь практически бесконечными копиями себя самого, и со всех сторон, как стая ворон, парламент сов или когорта котов, набросился на дракона.

Каждый из двойников был вооружен особенным клинком. Пусть я не великий знаток тех острых штук, которые бесхвостные вынуждены использовать вместо добрых когтей и верных зубов, но уж понять, что каждая из них была особенной и отличалась от других, я могу. И, надо сказать, все “Бледы” атаквали очень слаженно и очень по-разному, видимо, в зависимости от оружия. Дракон едва успевал отмахиваться, его координации движений едва хватало, чтобы отбивать все удары со всех сторон, но я, признаться, начал думать, что всем

нам, котам, снова пора спасать этот день и мир заодно, но один из Бледов все-таки прорвался, и, словно ножницами, легко перерезал одну из шей у самого основания, там, где я уже немного надкопал.

Дракон взвыл, его голова на шее жирной змеей упала наземь, извиваясь там и все еще пытаясь кусать и жалить, но мои когорты не подвели. Толпа вежливо отступивших было хвостатых набросилась на запчасть чудища, справедливо полагая, что разделаться с ней будет попроще, чем с целым драконом. Голова испуганно заорала, остальные вторили ей, и это было напрасно: Блед, так и не скинутый со своего места, щелкнул клинками снова, и еще одна голова полетела вниз.

Это был настоящий успех! Воодушевленный, я взлетел вверх по брыкающейся туше, взобрался вверх по одной из шей и с боевым кличем вцепился прямо в глаза трижды коронованной головы. Веки дракон опустить не успел, поэтому получилось смачно, вкусно, во все стороны брызнули ошметки стеклянного тела, кровь и какой-то вонючий гной. О, этот сладкий миг удачной атаки! Дракон метался подо мной, как взбешенный бык, пытаясь сбросить, но я держался крепко, и в итоге он только сам себе мешал: другие головы не успевали схватить меня, перехватить, потому что главная голова, страдая, металась во все стороны, а я продолжал его драть, драть и драть, с огромным наслаждением впиваясь все сильнее.

А потом моя жертва резко полетела вниз, переворачиваясь в воздухе, когда Блед отрубил и эту голову.

Я успел выпустить полудохлую добычу, крутануться в воздухе в невероятном сальто и приземлиться даже не на пол, не на качающуюся тушу дракона, полностью потерявшую управление, а ровнехонько на плечи Бледа, словно роскошный воротник.

Тот, несмотря на свои очевидные воинские таланты, немного просел от этого и даже издал некий неопределенный недовольный звук.

— Победа? — деловито уточнил я, на всякий случай потираясь углом глаза о белые волосы бесхвостного. Надо же оставить свой знак? Здесь был Кот Вот, и все такое.

— Вполне, — хрипло согласился Блед, и огромная туша под нами, наконец, рухнула оземь.

Мы, конечно, устояли на ногах, прямо на ней — мы же герои, в конце-то концов.

— Вы сюда все за мной пришли? — спросил Блед у меня, поворачивая голову в ту сторону, где была моя морда. — Что-то не припомню, чтобы был так популярен у тенекошек.

— Я их привел, — важно отозвался я. — Другой Зверь, который Глад, велел тебя найти и что-то там с тебя получить. Только не очень помню, что именно. Монетки? У тебя есть монетки? А эти все помогли. Ничего так коты, нормальные, — одобрил я. — Не ненужные.

Двекошки была права — ненужных котов в самом деле не бывает. Все пригодились.

Блед обвел их взглядом. Вся или почти вся когорта стояла или сидела на поле боя, не торопясь расходиться — надо же было, по крайней мере, обсудить победу. Многие из котов зализывали раны, некоторые — даже сами не могли это делать, и вокруг них крутились, пытаясь помочь, другие хвостатые.

— Спасибо, друзья, — сказал Блед им всем, обводя их широким взглядом. — Это славный подвиг, чтобы добавить его в летопись ваших имен.

— Славная охота, — подтвердил я. — Коты, победившие дракона!

— А у тебя какой будет титул? — поинтересовался Блед. Его клинки, как и двойники,

распылились в пространстве, и он поднял руку вверх, чтобы почесать меня. Подумав, я подставил шею, возле уха. Все-таки, этот Зверь оказался неплохим боевым товарищем, так что заслужил небольшое поощрение.

— Я буду Кот, который спас Мир, — важно сообщил я. В самом-то деле: Мир спасет не красота. Мир спасут коты.

— Всадник проснулась, — сказал Пони, шаря по карманам. — Переходим к плану Б, вот что.

— А у нас есть план “Б”? — почти истерически переспросил Илья, чувствуя, как белый призрак заражения и болезни манит его, вернее, ту суть, которая составляла основу каждой клетки его организма. Его тащило, его тянуло, и сопротивляться этому зову было невероятно трудно.

— У нас есть шкатулка, — сказал Пони, доставая ее и проводя пальцем по ее углам.

— Какая еще шкатулка? — голос Аилиса прозвучал невероятно больным, словно он говорил сквозь жар, и рука его, покрытая холодной испариной, сжалась на руке Ильи.

— Шкатулка Пандоры.

— И ты умеешь ей пользоваться?

— Сообразу, вот так то, — отмахнулся Дэш, переводя взгляд с Чумы на своих соратников и обратно. — Только надо быстрее, пока она не открыла глаза.

— Что за фишка с глазами? — простонал Илья, которому до смерти надоело быть беспомощным неучем. Вот чего стоило Пони заранее рассказать про такие вещи? Но нет. Это было не важно. Зато сейчас Илья выступает в роли полнейшего придурка, в то время как, вообще-то, это “его” Всадник, и именно его дело останавливать всю эту свистопляску.

— Вперед, — не достаивая Илью вниманием, Пони, нашел взглядом Орма и кивнул ему. Тот едва заметно сощурился и наклонил голову в согласии, мгновенно собираясь и примериваясь. Они рванули с места одновременно: темная молния с голубым размазывающимся неоном, и красно-бронзовая, но обе отлетели прочь секунды спустя, кубарем, встретив удар белых щупалец. Илья немного беспомощно смотрел, как оба вскакивают на ноги и несутся обратно, в мельтешение густеющего белого, и Орм летит чуть впереди, отвлекая на себя внимание и принимая первый удар, пытаясь дать своему недавнему противнику Пони небольшую фору для того, чтобы сделать ... что-то, что-то нужное, Илье неизвестное.

Пони успел добраться почти до самого корпуса машины. Почти, но не совсем. Он рванул вперед на оставшейся дистанции, на ходу раскрывая шкатулку обеими руками, потому что она словно сопротивлялась этому, но на подлете его встретил хлесткий удар плети белесого тумана и он, едва не переворачиваясь в воздухе, отлетел, ударился о землю и даже немного отскочил, падая снова. Орм попытался ударить всадника своим мечом сбоку, надеясь, что внимание отвлечено, но всадница повела рукой, словно отмахиваясь, и Орм полетел прочь кубарем, так страшно, что Илья прямо-таки сам почувствовал удар и землю и болезненный хруст ребер. Это было ужасно живо, и ужасно страшно, и он прекрасно видел, как Орм сплюнул кровью, пытаясь подняться, молчаливый, настойчивый, и развернулся снова для атаки, пытаясь не перекашиваться на бок от боли, но самым жутким было то, как пятно его крови на земле расплзлось черной отравой, становясь все больше. А потом

черный край встретился с белой плетью тумана, и Всадница распахнула глаза. Вместе с ней открыло глаза небо, глядя тысячами очей вниз, и у каждого взгляда было имя, и был свой звук и свой зов. Каждый был назван как болезнь, и числа им не было.

Под перекрестьем взглядов Аилис сделал медленный шаг вперед, и Чума молча улыбнулась ему неподвижным лицом, одобряя и ободряя.

Ступай ко мне, позвала она, не размыкая губ, и взгляды болезней были полны нежности и любви такой интенсивности, какой еще Илье не доводилось ощущать. Впрочем, ему не очень понравилось — примерно так, по его мнению, ощущалось слепое и безумное обожание фанатов какой-нибудь суперзвезды.

Аилис снова шагнул вперед, но так как Илье не двинулся с места, а они продолжали, почему-то, держатся за руки, это прервало шаг на середине, и “злой близнец” обернулся на Илью, осуждающе и непонимающе.

— Аилис, — выдохнул Орм запоздало, оборачиваясь на него. — Нет, стой!

— Куда собрался? — грубовато поинтересовался Илье, и выражение лица Аилиса сменилось на замешательство. Он скосил взгляд в сторону Чумы, в сторону приближающихся белых плетей и содрогнулся всем телом.

— Илье. я? — с паузой, вопросительно сказал он.

— Илье не я, — подтвердил Илье, оглядываясь в поисках хоть чего-нибудь, какой-то подсказки. Ничего не было вокруг, ничего что могло бы подсказать или показать, что нужно делать, и никакого мудрого Гендальфа в шляпе, или хотя бы любого другого старца с посохом.

Но был Пони: оплетенный туманом, словно гнилостной плесенью, он сворачивался вокруг шкатулки, защищая ее, пытаясь справиться, отбрасывая липкие щупальца. В шкатулке было спасение — или нет? Надо было что-то делать, куда-то бежать, хотя куда бежать, если вот она, вот они: и Ната, и чертов Всадник Чума. Илье бросил взгляд на открытые очи небес, источающие гниль и липкую неземную любовь, на Аилиса, и положил вторую ладонь ему на лицо, закрывая глаза.

— Не смотри, — сказал он. — Только не смотри. Она тебя зовет.

— Нас, — отозвался Аилис, но глаза закрыл, даже зажмурился, чтобы случайно не посмотреть, и едва не попался снова, услышав короткий, болезненный крик Пони.

— Лови! — заорал тот, отчаянно выплевывая гниль изо рта, и швырнул шкатулку прочь от себя, пока поплетащие его белесые пряди не успели дотянуться.

Не стоит так бороться, мягко укорила Чума, и белизна потянулась за летящим предметом. Орм успел быстрее: он резко метнулся вбок, почти пролетая, а вовсе не прыгая, оттолкнул в полете шкатулку, придавая ей новое ускорение, но туман успел ухватить его за полу красного плаща, словно голодный зверь.

Укусил, вцепился, дернул, потащил за собой в белую муть, в которой то и дело мелькали белесые голые спины каких-то фантазмагорических существ, словно сошедших с картин Босха. Апокалипсис как он есть — но Илье некогда было проверять, в чем почетный профессор кошмаров угадал, а в чем нет. Шкатулка летела куда-то мимо, и Илье рванул за ней, безжалостно дергая Аилиса за собой вместо того, чтобы отпустить. Почему-то расцепиться казалось невозможно, кошунственно, и за это заплатились оба. Аилис, двигаясь вслепую, налетел на Илью, когда тот почти дотянулся до шкатулки, и они рухнули на землю вдвоем. Илье тут же ощутил не только вывихнутую при падении ногу, но и ноющую мерзкую боль в не-своей челюсти и носе. В самом деле — Аилис жмурился, и из носа у него текла

кровь, и Илья, помня о том, какую подлость совершила кровь Орма, нервно подставил руки вместе с пойманной таки шкатулкой под крупные красные капли. Дерево зашипело от крови, словно это была кислота, но выстояло, только немного почернев, и Аилис, наконец вспыхиваясь, запрокинул голову, прижимая к носу что-то маленькое, металлическое, видимо, подобранное только что с земли. В самом деле, у Иля все карманы высыпались при падении, или почти все, и монетки вперемежку с какой-то фигней раскинулись дырявым ковриком. И там, забрызганные красным, были еще такие же детальки, как у Аилиса в руках: похожие на кусочки крупного паззла, металлические, что-то беспрестанно шепчущие. Их было четыре: три на земле, одна у Аилиса, и Илья смутно удивился, что их так много — ему казалось, что была всего одна, он нашел ее на столе, за которым сидел с Натой тогда, после встречи в метро, и она выпадала постоянно, и он ее подбирал, но нет, их было четыре, и все они блестели каплями крови, хотя монеты кругом были чистыми, и среди бесконечного зова очей словно что-то напевали. Илья взял одну детальку с земли и замер, прислушиваясь, и время словно замерло вместе с ним.

Вот Ната кричит “Илька!” бросаясь ему на шею.

И орет “молодцы, вы такие молодцы!”.

И стоит под руку с Машей-Войной в переходе, слушая гитару, и кидает монетку.

И ругает почему зря Илью и Пони за купание в холодной воде.

Вот она с ним рядом, и вот она так далеко, там, в белом тумане, среди безглазых тварей и очей на небесах, и рыжие пружинки волос были белым ветвистым нимбом.

Время все еще текло как патока, неохотно и болезненно, и Илья поставил первую детальку на крышку шкатулки, немного почерневшую и шершавую. Небо не рухнуло, и очи на нем не закрылись, только напротив, словно повернули все взгляды на него, и Илья, держа Аилиса за руку, встретил этот взгляд уверенно и твердо, ничего не боясь, словно близость брата защищала его и давала те силы, которых с рождения недоставало.

Все, наконец, было правильно и кристально ясно, и беззвучный гром, сотрясающий землю и рождающий новые трещины в этой оборотной реальности, заставил несколько кусочков отвалиться от нее, показывая серое пылающее нутро, напоминающее висящую над ними большую звезду.

Илья удовлетворенно вздохнул и поставил на место второй кусочек, и он лег на место просто и ровно, заставляя гром прокатиться снова и новые части реальности отпасть вниз невесомым пеплом. Вместе с одним из них начала осыпаться рука Ильи. Он сначала не понял, что это, стряхнув пару серых крупинок с ладони, но их только стало больше, кончики пальцев стали оплывать, и Илья с ужасом уставился на это, на мгновение теряя волю к действию и себя самого в этой реальности. Но другая ладонь, точно такая же, уверенно вложила на крышку шкатулки следующий запачканный кровью осколок. Если она дрожала, то только самую малость.

— Давай, — сказал Аилис, шаря по земле в поисках следующей. — Быстрее. И мы справимся. Только быстрее, брат.

Это прозвучало так похоже на Пони, что послужило самым что ни на есть прекрасным мотиватором. Осыпаящимися пальцами Илья нащупал деталь, и вложил на оставшееся место. Шкатулка потемнела вся разом, становясь из деревянной тяжелым камнем, резко оттягивая держащую ее руку вниз, но трещинки между деталями заполнились темнотой тоже, вплотную впаиваясь друг в друга.

— И что теперь-то? — спросил Илья, стараясь не смотреть на свою на глазах

исчезающую руку. Бросил взгляд на Аилиса, и в ужасе перевел взгляд обратно. Тот тоже сыпался, и сыпался куда хуже и страшнее, серым мелким песком обваливалось его лицо, делая почти неузнаваемым и чужим.

— Это шкатулка Пандоры, — сказал он и смахнул рукой часть губы. Впрочем, под этой частью тоже был пепел, а не плоть. — Внутри нее надежда.

— Которую надо выпустить.

— Которую надо выпустить, — подтвердил Аилис и взялся за крышку шкатулки той рукой, которая была более целой. Илья поступил точно так же, и они оба одновременно повернулись к Чуме.

Время вернуло свой ход, и та, протянув в сторону близнецов руки, обратила на них все оставшиеся взгляды, усиливая свой зов, свою песню, но обе относительно целых руки вцепились в черную крышку с металлической инкрустацией, и с натугой, медленно, непростительно неспешно отжали ее вверх, тут же цепляясь пальцами за внутреннюю поверхность, чтобы было удобней удерживать непокорную пружину. Или может, это была вовсе не пружина, а воля каких-то высших сил, которая противилась их действиям. Илья понятия не имел, да и знать не хотел, главное, что Чуме все это не нравилось, и зов становился ощутимо лживым, пропитанным ядом, и Аилис перестал дергаться к ней, каждую секунду возвращая себя назад.

— Натка, — позвал Илья и потом еще громче. — Ната, прекрати! Все будет хорошо. Я тебе точно говорю, все будет хорошо! Я вообще-то спасать тебя прибежал. Мы все! И Св скоро приедет. И Маша-Глаша твоя за тебя волнуется, всех на ноги подняла. Слышишь, Нэсть? Все пришли тебя спасать. Ты не одна.

Чума наклонила голову набок, от чего туманное облако волос качнулось и запуталось в мертвенном сиянии звезды Поляриса на ужасном небе.

— Лишь одинокий, — пропела она. — Направит удар. Лишь одинокий развеет мираж. Колосс возведи, святому молись. И плачут все о мертвом зле, уйду, уйду я прочь...

Илья замотал головой, не обращая внимания на то, что во все стороны летит серая пыль от рассыпающихся волос.

— Да какое одиночество. Мы с тобой. Все с тобой. Все хорошо, Нэсть. Все уже кончилось. Слышишь? Мы победили.

Конечно, это совсем не выглядело победой.

Кругом был густой туман, едва позволяющий разглядеть на пару шагов, в котором металась белые мокрые спины, и с неба пристально следили незакрытые очи, и откуда-то слышались злые полувскрики, полувсхлипы, и Илья немного боялся, что где-то там, в мареве, твари уже доедают Орма... или Пони. И все вокруг рассыпалось, распадалось по частям песком, оползало, оседало, и только Чума стояла прямо и гордо, протягивая к ним руки.

Илья, или, может Аилис, поднял выше их руки, сжимающие шкатулку, и Илья готов был поспорить, что из нее по умирающему миру, к которому все ближе и ближе подлетала полярно-серая звезда, растекаются воспоминания. Вместо горечи, вместо одиночества, каждый момент, каждая секунда, когда Чума... нет, Ната не была одна. Вот они сталкиваются на Чистых Прудах, и идут жевать, и Илья подтрунивает над ними, над Машей-Глашей-Сашей, и Нате все равно смешно, даже если немного обидно, и ее воспоминание ложится на стол первой деталью паззла.

А вот Ната болеет за них на ралли, и светлый осколок находится там, тоже, и потом

Илья приходит на их не очень тайную тусовку на мосту, и играет Натины любимые песни на чужой гитаре, чтобы потом найти в кармане один кусочек загадки. А вот и последний: мокрые и замерзшие Пони и Илья выбираются из весеннего темного пруда, и Ната хлопчет вокруг них, словно вокруг главной ценности в жизни, и от этого рождается последняя деталь.

— Ты заботилась обо мне. Всегда заботилась, и даже если я не всегда был хорошим другом, я всегда был другом, — уверенно сказал Илья, шагая к ней, и она шагнула навстречу тоже. — Помнишь, и в школе тоже? И потом. — Еще один двойной шаг словно съел расстояние, и уже совсем хорошо было видно, какое мертво-гладкое у Чумы лицо. Ни родинки, ни веснушки, ни прыщика, белая гладкая кожа, и глаза, которые казались пустыми: все выражение и живой блеск были не здесь, а на небесах, полных очей. — Мы с тобой навсегда друзья, потому что.

Навсегда, — повторила она. — Друзья.

И что-то случилось. Она качнулась вперед, и Илья ей навстречу, обхватывая ее руками, неловко прижимая к себе, и шкатулка между ними, освобожденная, выпущенная, захлопнулась с коротким щелчком. И внезапно Чума стала Натой, и Ната начала рыдать, автоматически закрывая глаза, и небеса захлопнули глаза, тоже, в тот же момент. Звезда,двигающаяся по пустому небу, стала еще страшнее, и Илья отвернулся от нее, и там, с другой стороны, оказался совсем нормальный мир: голубое небо, и весенняя трава и грязь тут и там, и измазанный этой грязью Орм, прямо на земле, весь в крови настолько, что нельзя было понять, где кончается его плащ и начинается кровь, зажимающий руками дырку в боку. Илья торопливо помотал головой вокруг: Пони нашелся с другой стороны, лежащий, бесчувственный, но очевидно, что живой, потому что грудь его едва заметно поднималась и опускалась. Илья освобожденно выдохнул, украдкой проверил, все ли пальцы на месте, потому что он совершенно точно видел, как они рассыпались в пепел, и погладил Нату по растрепанной макушке. Вместо серых следов местами оставались красные, потому что руки были изодраны и исцарапаны до невозможности.

— Ну вот, а ты боялась. Одна, одна. Тут я, — сказал он почти что гордо.

— Илья, — пискнула Ната, обхватывая его так, что остатки дыхания вылетели, и резко и сильно заболело что-то слева. Кажется, это было сердце. Или, может, легкие сперло от внезапного ощущения того, что настоящая, самая страшная опасность миновала. Ноги у него подкосились, и он плюхнулся на колени вместе с Натой, продолжая ее держать и пачкать ей волосы своей кровью.

— Вдвоем и сдохните, — процедил прерывающийся голос над ними. Илья резко повернул голову на звук и практически уперся носом в наставленный на него пистолет. Самый настоящий боевой ствол, а вовсе не урезанный по возможностям травмат. За пистолетом была рука, красная от крови, и дальше — один из злополучных похитителей, с безобразным отеком и кровавым синяком на пол-лица. Он криво ухмыльнулся, второй рукой трогая свою щеку, и взвел курок. Звук был тошнотворный. — В рожу мне выстрелил, падла! Так я тебе тоже, — почти прошипел он, кривя от боли ту часть лица, на которую отек еще не добрался. — Пока-пока.

Илья лихорадочно пытался сообразить, что ему делать, и последние секунды утекали куда-то мимо него. Пони без сознания, Орм тоже, и некому зайти с тыла и помочь в самый критический момент. И тут он почувствовал, словно Аилис взял его за руку, прижался к плечу. Присутствие было очень очевидным, таким ярким, что было странно не видеть его

краем глаза. Их как будто сомкнутые руки коснулись земли кончиками пальцев, и брат сказал его губами:

— Зову тенекошек.

— Чегооо, — начал было похититель, но что-то пушистое, серое, злобное возникло словно из ниоткуда и вцепилось ему в уже пострадавшее лицо. Отмахиваясь вслепую, он выстрелил, и снова, и снова, но все пули улетели в молоко, потому что на его руках гроздьями висели пушистые гибкие тела. И тогда пришел мяв, сменяющий тишину, и Илья, подхватываясь, дернул Нату в сторону, чтобы ее ничем не задело. Царил какой-то кромешный ад: похититель был на одной ноте, пытаясь стряхнуть с себя котов, которых было не меньше двух десятков, но все сброшенные тут же напрыгивали обратно, раздирая, кусая, выкогчивая.

Ната в руках Илья была инертной, полубесчувственной, словно в шоковом состоянии от всего произошедшего, и Илья на всякий случай повернул ее так, чтобы быть практически целиком между ней и потенциальной опасностью.

— Мы были недовольны, когда вы ушли не попрощавшись, — сказала одна из тенекошек негромко, предусмотрительно заходя с тобой стороны, где Ната ее видеть не могла. — Но Никогда нам все объяснила.

— Мадам кошка, которая съела кошку, — узнал ее по неземным размерам Илья, пользуясь тем, что Ната все еще пребывала в прострации. — Простите меня. И спасибо за помощь.

— Мы, тенекошки, храним этот мир, — довольно пафосно сказала она, лизнула лапу и потрусилась к месту продолжающейся схватки. Илья не сомневался в их победе, потому что котики побеждают все, но внезапно все хвостатые бойцы насторожились, прислушиваясь и дергая ушами, а потом порскнули во все стороны, оставляя свою окровавленную, изодранную жертву валяться на земле и стонать буквально за пару секунд до того, как ворота забора с удара распахнулись внутрь, заставляя одну из створок натурально вылететь, и во двор хлынули бодрые спецназовцы, которых Илье от неожиданности почудилось никак не меньше тридцати трех, по числу богатырей в сказке, и при них определенно был дядька Черномор: рядом с целеустремленно вошедшей во двор после разрешающего сигнала Св вышагивал никто иной, как отец Пантелеймон собственной персоной. Одной рукой он беспрестанно крестился, а второй застенчиво прятал в складках рясы карабин “смерть председателя”. Это было так очаровательно, что хоть плачь от умиления.

— Я кому говорила без подвигов?! — заорала на своего непутевого брата Св, моментально локализовав его местонахождение. В ее тоне было столько панического страха за него, что Илья бы ее расцеловал, если бы не держал накрепко Нату, которую бил нервный озноб и истерический смех.

— Я тебя люблю, — невпопад ответил сестре Илья. — Прямо люблю-люблю, не могу как!

— Ты что курил? — тут же подлетела к нему Св, хватая за ухо и оттягивая второй рукой веко. — Что ты курил, дебил?!

— Ни-че-го! Просто я тебя люблю, — продолжал хихикать Илья.

Ад превратился в чистилище. Повсюду сновали деловитые спецназовцы, медики перекладывали на носилки сопротивляющегося, драматично истекающего кровью Орма, молоденькая и симпатичная медсестричка с густо подведенными глазами помогла Пони сесть и изучала его раны в поисках серьезных повреждений. Вид у Дэша был самый что ни

на есть героический, и, судя по сверканью белозубой улыбки, он уже оправился достаточно, чтобы к ней приставать со своими обычными подкатами. На мгновение она показалась Илье похожей на няюду Никогда, но наваждение быстро рассеялось, потому что пялиться на нее оказалось некогда.

— Дебил, — снова пожаловалась небесам Св и ухватила его вместе с Натой обеими руками в сдавливающие объятия. — Какой же ты дебил. Но такой везучий!

С этим Илья не мог не согласиться. Главным доказательством этих парных фактов было не только что, что он был жив сейчас, но и то, что это именно он-таки родился, а не его брат-близнец, а еще — деревянная шкатулка с металлической инкрустацией на крышке, валяющаяся посреди двора.

Только бы никто не попробовал ее открыть, подумал было Илья, и тут же по двору с мявом пробежал целый прайд разномастных котов. Пробежал — и шкатулка исчезла, словно и не было.

— А знаете, — сказал Илья немного придушенно, вытягивая ноющий подбородок из-под властной сестриной руки. — Мир спасет не красота. Мир спасут коты.

Больше книг на сайте - Knigoed.net